Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

Digitized by Google

2367

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

А. ВЕТЛУГИНЪ

ТРЕТЬЯ РОССІЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
·ФРАНКО-РУССКАЯ ПЕЧАТ
ПАРИЖЪ
1922 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

Vetlugin, A.

А. ВЕТЛУГИНЪ

Третья Россія

ПАРИЖЪ
1922

Digitized by Google

Digitized by Google

А. ВЕТЛУГИНЪ

ТРЕТЬЯ РОССІЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ФРАНКО-РУССКАЯ ПЕЧАТЬ
ПАРИЖЪ
1922 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

А. ВЕТЛУГИНЪ

ТРЕТЬЯ РОССІЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
·ФРАНКО-РУССКАЯ ПЕЧАТЬ·
ПАРИЖЪ
1922 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

Vetlugin, A.

А. ВЕТЛУГИНЪ

Третья Россія

ПАРИЖЪ
1922

Digitized by Google

DK265
V486

:: Imprimerie ::
«Presse Franco-Russe»

:: Типографія ::
«Франко-Русск.Печать»
216, Bd Raspail, Paris

Digitized by Google

ПОРУЧИКИ И ПЛЕМЯННИКИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

1.

Незадолго до отъѣзда изъ Москвы я встрѣтилъ страннаго человѣка. Страннаго, потому что кругомъ все кряхтѣло, а онъ ходилъ и удивлялся. Тридцать четыре года назадъ, на третьемъ году царствованія Александра III, румянаго поручика-московскаго гренадера, за какую то темную исторію выгнали изъ полка и услали въ Сибирь. Лишь въ 1918 онъ смогъ возвратиться въ Москву, утративъ румянецъ, промѣнявъ кудри на плешь, задоръ на боязливость, любовь къ растратамъ на мелкое ерничество. Какъ выяснилось изъ его разсказовъ, жилъ онъ гдѣ-то подъ Барнауломъ, торговалъ масломъ, тосковалъ, портилъ понемногу тамошнихъ барышень и мечталъ о часѣ, когда снова притопнетъ каблукомъ въ новогодней мазуркѣ въ Благородномъ собраніи. Топать каблукомъ ему уже не пришлось: въ танцовальныхъ залахъ засѣдалъ пленумъ московскаго Совдепа... Но и это не образумило бывшаго румянаго поручика. Ходилъ, раскрывалъ ротъ, удивлялся и ничего не понималъ. Сибирскій

Digitized by Google

климатъ сберегъ въ немъ въ полной неприкосновенности весь строй незамысловатыхъ гренадерскихъ идей, представленій, мечтаній. И онъ никакъ не хотѣлъ принять въ серьезъ свершившихся перемѣнъ. Удивлялся, но считалъ, что это такъ — сонъ, повѣтріе, чушь — ущипни себя за ляжку и проснись.

«Ни черта не понимаю — говорилъ онъ — для чего люди притворяются. Ну, націонализація банковъ, хлѣбныя карточки, чека какая-то — еще туда сюда — но гдѣ московскія игры? Предлагаю казачій штоссъ — молчатъ, польскій банчокъ — молчатъ, терминовъ не знаютъ. Что такое! Погоны сняли, но вѣдь голова-то осталась! Опять же форма! Правительство другое? Ладно. Но вѣдь гусаръ есть гусаръ, и на смотрѣ — пускай министръ Троцкій — ментикъ полагается? Это что жъ такое? Позоръ? Ни филипповскихъ калачей, ни мазурки, ни ментиковъ, ни въ карты сыграть, ни на лихачѣ прокатиться. Нѣтъ, братцы, я вижу что Вы, даромъ москвичи, отъ барнаульцевъ поотстали. Хорошее сердце Россіи! Это срамъ! Заплевали! Загадили!»...

Дня черезъ три послѣ встрѣчи съ поручикомъ я взвалилъ на извозчика чемоданъ и пустился въ первый этапъ знаменитаго исхода. Поближе къ вокзалу пошли захолустныя улицы, замелькали заборы, пустыри, одно-

Digitized by Google

этажныя хибарки. Заревѣли паровозные гудки, угольная пыль полѣзла въ глаза, въ ротъ, въ уши и какой-то жутью окутала сознаніе. Что если придется вернуться въ Москву только черезъ тридцать четыре года? Вернешься пожалуй такимъ же воскресшимъ поручикомъ, никого не узнаешь, ничего не поймешь, не найдешь языка для переговоровъ съ былыми близкими, пріятелями, знакомыми: partir c'est mourir...

2.

Насъ около двухъ милліоновъ: говорятъ, что это очень важно. Среди насъ находится такъ называемое мозговое полушаріе Россіи: говорятъ, что это неоспоримо. Мы — частью въ Парижѣ, частью въ городахъ Германіи и лимитрофовъ — строимъ новую Россію: говорятъ, что ей суждено замѣнить ту, которая осталась тамъ. Въ той около ста пятидесяти милліоновъ: утверждаютъ, что это не имѣетъ ровно никакого значенія... Когда мы собираемся въ количествѣ семи человѣкъ, мы располагаемъ: 1) тактикой старой, 2) тактикой новой, 3) учредиловцемъ, замараннымъ коалиціей, 4)учредиловцемъ, коалиціей не замараннымъ, 5) соглашателемъ изъ бывшихъ охранниковъ, 6) монархистомъ, — сторонникомъ Кирилла Владиміровича, 7) монархи-

Digitized by Google

стомъ, — сторонникомъ выборнаго царя: утѣшаютъ, что такъ и Русь началась съ вѣча, а черезъ какихъ нибудь восемьсотъ лѣтъ пришелъ Петръ, выдернулъ бороды, заставилъ учиться и послалъ все и всѣхъ, напоминавшихъ святую Русь, къ чертовой матери.

Иногда изъ той, не имѣющей никакого значенія, Россіи приходятъ извѣстія о новой буржуазіи, новой интеллигенціи и т. д.: угрожаемъ предать анаѳемѣ и считать «клочкомъ бумаги».

Когда становится совсѣмъ невтерпежъ отъ скуки и безденежья, затѣваемъ споры о формѣ правленія и нѣкоторые намѣчаютъ временнаго блюстителя престола: ставятъ на видъ, что смѣяться надъ этимъ нельзя, ибо форма правленія есть вопросъ цѣлесообразности, а человѣкъ, бросившій камень въ витрину колбасни, попадаетъ въ Комиссаріатъ.

«Когда Россія возстановится»...: почему Россія должна *возстановиться*, доказательствъ не приводятъ — вѣроятно по той же самой логикѣ, по которой въ 1914-17 — «должны побѣдить», въ 1918 — «послѣ паденія большевиковъ», въ 1919-20 — «ни Ленинъ, ни Колчакъ».. въ 1921 — «аполитичность въ борьбѣ съ голодомъ»...

Какой процентъ среди двухъ милліоновъ падаетъ на долю гренадерскихъ румяныхъ

Digitized by Google

поручиковъ? Отвѣта не даютъ и требуютъ оставить «не серьезную манеру письма»...

Хотятъ играть въ казачій штоссъ: другихъ игръ не признаютъ. Хотятъ или Кирилла или англійскую монархію или китайскую республику или Савинковское зеленоуправство: другихъ формъ не мыслятъ.

Однимъ словомъ, такъ или иначе — прихлопнуть каблукомъ въ Московскомъ дворянскомъ собраніи. И баста...

3.

Моему племяннику, оставшемуся въ Москвѣ — двѣнадцать лѣтъ; моему племяннику, живущему въ Парижѣ — четырнадцать. Московскій племянникъ вторую зиму ходитъ на Трубную и мѣняетъ гардины и дверныя ручки, водопроводные краны и элементы отъ звонка на муку и хлѣбъ, сахаръ и сало. Мужики предпочитаютъ штаны, по лишнихъ штановъ нѣтъ ни у него, ни у его отца. Несмотря на это отсутствіе товара, твердость характера и разнообразныя конструкціи матерной брани выдвинули московскаго племянника въ первую шеренгу Трубныхъ коммерсантовъ...

Юныя торговки (бывшія смолянки) заглядываются на него и совершенно безплатно показываютъ содержаніе и способы любви. Съ дежурнымъ чекистомъ онъ на самую короткую

Digitized by Google

ногу и часто заходитъ на Лубянку попить чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ, принесеннымъ родственниками выведенныхъ въ расходъ. Онъ уже давно разорвалъ съ буржуазной моралью и у зазѣвавшагося мужика съ ловкостью необычайной вытаскиваетъ каравай или кусокъ сала. На «мокрую» онъ еще не идетъ, пока онъ лишь мечтательно смакуетъ похожденія какого-то Сеньки вохриста, ограбившаго богородское казначейство. Въ гимназію не ходитъ: совпадаетъ съ самымъ горячимъ базарнымъ временемъ.

Парижскій племянникъ ведетъ нѣсколько иной образъ жизни. По утрамъ его мать вскакиваетъ въ восемь часовъ утра, чтобы проводить его въ лицей: мальчикъ горячій и можетъ попасть подъ автомобиль. Возвращается онъ по большей части на такси, такъ какъ на ихъ метровой станціи — La Motte Picquet Grenelle — болѣе пятидесяти ступеней и мальчикъ задыхается. Въ кинематографъ его пускаютъ только на американскія фильмы, потому что во французскихъ неприличная любовь и скверныя слова, а у американцевъ все приноровлено. Его никогда не оставляютъ одного въ квартирѣ: парижскія горничныя любятъ развращать мальчиковъ-...

Когда парижскій племянникъ пріѣдетъ въ Москву, ему легче будетъ разговаривать въ

Digitized by Google

зоологическомъ саду съ шимпанзе, чѣмъ съ его Трубнымъ кузеномъ. Въ шимпанзэ есть все-же нѣчто, напоминающее американскую фильму.

Дай Богъ, чтобы это случилось попозже къ тому времени, когда московскій племянникъ уже пойдетъ по «мокрой части» и будетъ жить далеко-далеко за Ураломъ...

4.

Отецъ представителя Трубнаго именитаго купечества пишетъ съ радостью нескрываемой:...«Но зато о партіяхъ у насъ ни гу-гу. Правый, лѣвый, центръ, для насъ кимвалъ бряцающій. Если кто нибудь начинаетъ что либо обѣщать — царя, землю и волю, парламентаризмъ — освистываютъ, заплевываютъ, а иногда и морду бьютъ. Очень больно»...

Ну, слава Богу, если очень больно, значитъ шансъ все-таки есть. Молодая Россія не любитъ словъ — это уже нѣчто. Въ исторіи молодой Россіи не участвуютъ правые, лѣвые, центръ — это прекрасно, это поучительно...

А гренадерскіе поручики все бредятъ, все удивляются, все добиваются казачьяго штосса. Скука прескучная. Одинъ и тотъ же бѣженецъ: для Риги—«погромщикъ, черная сотня»,

Digitized by Google

для Бѣлграда— «террористъ, разлагатель арміи»...

Напримѣръ такая скромная вещь: собраться посовѣтываться въ парижскомъ отелѣ «Мажестикъ»? Это что такое? Контръ-революція, снаряженіе бандитовъ! — кричатъ въ Ригѣ. Масонскій заговоръ, еврейскія деньги! — отвѣчаетъ Бѣлградъ.

Всѣ поручики пишутъ программу такой партіи, чтобъ и слово «демократическій» и упоминаніе націи — и царь легко подразумѣвался... Пуришкевичъ тотъ до самой смерти все писалъ, все кричалъ, все разоблачалъ. Сыпной бредъ начался у него за много времени до того, какъ врачъ діагностировалъ тифъ...

Какіе-то шуты гороховые собирались въ Берлинской пивной для выбора временнаго блюстителя царскаго престола. Шуты хоть порадовали, а остальные поручики бубнятъ, стучатъ, гудятъ...

Хочу царя? Да зачѣмъ тебѣ, дикій человѣкъ, царь, что ты съ нимъ дѣлать хочешь? Хочу царя, у насъ въ полку всегда говорили, что нуженъ царь и еще тридцать четыре года назадъ, и вообще хочу, чтобъ штоссъ казачій, а не какая нибудь девятка или бакарра. Не хочу республики...

Такіе поручики называются «правыми». У лѣвыхъ репертуаръ другой.

Digitized by Google

Хочу учредительное собраніе! Да вѣдь оно уже было... Хочу еще разъ и чтобъ безъ всякой интервенціи! Да вѣдь никто и не собирается. Все равно хочу. Еще тридцать четыре года назадъ въ Женевѣ, въ спорѣ... рѣшили... постановили... одобрили...

Поручики строютъ одну Россію, мой племянникъ со смолянками, съ мужиками и съ чекистомъ другую.

Одной нужны царь и учредительное собраніе; другой штаны, хлѣбъ и по возможности водопроводные краны. Въ одной — правые, лѣвые, центръ; въ другой — Трубная площадь, теплушка, благодѣтельная деревня.

Въ одной возобновляются отрыжки исторій міровой и отечественной; въ другой пишется исторія новой Россіи. Семь лѣтъ, тридцать милліоновъ труповъ, красный терроръ, бѣлые фронты, великій исходъ, пришествіе мѣшечника — все это стирается въ Россіи правыхъ и лѣвыхъ поручиковъ: тридцать четыре года назадъ знали штоссъ только казачій — Женеву и «у насъ въ полку»...

Россія Трубной площади не забываетъ ни одного часа въ окопахъ, ни одного укуса сыпной вши, ни одного выстрѣла «Авроры», ни одной попытки, благословленной и проклятой.

Еслибъ вернуться къ 1914, что-бы надлежало сдѣлать?

Digitized by Google

Воевать!

Къ 1918-20?

Идти съ Колчакомъ, Деникинымъ, Врангелемъ!

Потому что молодая Россія могла быть построена только на пеплѣ, только на слезахъ, только на гекатомбѣ. Иного пути у нея не было. Колчакомъ, разстрѣляннымъ русскими солдатами, и двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, торгующимъ штанами и изучающимъ любовь на Трубной площади — великая Немезида исторій исполнила возмездіе. Черезъ всѣ фронты, черезъ всѣ города смерти и души растлѣнныхъ она провела кругъ третьей Россіи.

Въ этомъ большомъ, единомъ, внѣшнемъ концентрѣ заключились всѣ малые внутренніе. Этихъ семилѣтнихъ слезъ не изжить ближайшимъ поколѣніямъ; но за грань полустолѣтія и имъ не перейти. Въ душѣ правнука нѣтъ мести.

Третья Россія оправдана гибелью первыхъ двухъ, оттого такъ ужасно лицо ея первенцовъ.

Въ этой книгѣ нѣтъ ни сожалѣній ни ненависти. Прощаніе съ прошлымъ, готовность предъ будущимъ. Любить же вообще очень трудно. Любить мы еще научимся. Пока мы

Digitized by Google

проходимъ классъ приготовительный — любовь къ року.

Переживъ Керенскаго — Ленина, я больше не вѣрю въ реальность чудесъ, переживъ пять бѣлыхъ фронтовъ, я больше не вѣрю въ чудеса реальности. И только любовь къ року ни разу не обманула. Она никогда ничего не обѣщала, она повелѣвала: ты пойдешь такъ или тебя вообще не будетъ...

Amor fati — это поистинѣ единственное достояніе дѣтей ненависти, отцовъ безстрастія. Потерять его слишкомъ легко: въ опрометчивомъ милосердіи, въ преждевременной любви.

Пусть неудачникъ плачетъ.

Парижъ, 5 ноября 1921.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОСЛѢДНЯЯ МЯТЕЛЬ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Іюнь 1915 г. Асфальтовая вонь. Чинятъ мостовыя.

Въ нештукатуренномъ домѣ казарменной стройки, вблизи Собачьей Площадки, въ мрачной низенькой комнатѣ громадный столъ, заваленный лубками, изображающими, какъ «Вильгельмъ шелъ въ Радзивиллы, да попалъ на бабьи вилы», какъ «англичанъ у Гельголанда сторожила нѣмцевъ банда, но сломали чресла у Гебена и Бреслау», какъ «баба тоже не чурбанъ — можетъ взять аэропланъ» и т. д. Художникъ не особенно ломалъ голову надъ изображеніемъ своихъ героевъ: аэропланъ смахиваетъ на молотилку, Гебенъ на водокачку, «баба не чурбанъ» обладаетъ бровями сизаго цвѣта. Но патріотизмъ выдержанъ.

«Таковы привезенные мной лубки... Впечатлѣнья мои діаметрально противоположны» — мой собесѣдникъ нервно встряхиваетъ бархатной ермолкой и начинаетъ кусать бороду. Борода у него клочьями, метелками, пучками. Только у двухъ людей въ Московскомъ университетѣ и были такія бороды:

Digitized by Google

у Владиміра Соловьева и любителя лубковъ — приватъ-доцента графа де-ла Барта.

....Пречистенскій бульваръ затянутъ сплошнымъ снѣговымъ каркасомъ. День и ночь валятъ хлопья. Въ переулкахъ каркаютъ вороны и, подымая облака снѣжной пыли, перелетаютъ съ вѣтки на вѣтку. Медленно ползетъ трамвай; еще вершокъ снѣга, движеніе замретъ въ конецъ.

Я стою у окна своего шестого этажа на углу Пречистенскаго бульвара и Сивцева Вражка. Если съ полчаса разогрѣвать запорошенное стекло, можно разглядѣть купола Христа Спасителя, гнущіеся подъ ворохами снѣга... Я одѣваю шубу, выхожу на бульваръ. Послѣзавтра третій военный сочельникъ. Еще меньше елокъ, еще холоднѣе. Неужели правъ былъ покойный Китченеръ — страшны будутъ только первые семь лѣтъ... Раненые нашего домового лазарета въ однихъ халатахъ ходятъ по бульвару. Увлеченіе прошло. О нихъ позабыли. Докторъ бываетъ рѣдко. Скука смертная. Выбѣгаютъ на бульваръ, куда изъ затягиваетъ непреодолимый соблазнъ: въ деревяномъ балаганчикѣ кожаный негръ — бьешь его по мордѣ съ налета, стрѣлка прыгаетъ и показываетъ степень силы. Одинъ ставропольскій позавчера отъ увлеченія кулакъ раскровянилъ. Снѣгъ, снѣгъ, снѣгъ...

Digitized by Google

Въ двухъ моментахъ отпечатлѣлись для меня два кризиса. Возвращеніе де-ла Барта съ фронта — война превращается въ полоску сѣрой бумаги, Пречистенскій снѣгъ — въ воздухѣ какое-то ожиданіе, быть можетъ отчаяніе:

Не можетъ сердце жить покоемъ,
Не даромъ тучи собрались,
Доспѣхъ тяжелъ, какъ передъ боемъ,
Твой часъ насталъ — теперь молись!

2.

Де-ла Бартъ не удался. Вотъ такъ просто: имѣлось все — талантъ, энергія, веселый нравъ, а жизнь заупрямилась и сдѣлала кислое лицо. Сорокъ семь лѣтъ уподобились тремъ годамъ русско-германской войны. Сознаніе важности, желаніе побѣдить, наличность средствъ, но... не вытанцовывается.

Родился онъ гдѣ-то во Франціи — не то въ Провансѣ, не то на самомъ лазурномъ берегу, во всякомъ случаѣ на югѣ. И говорилъ онъ, какъ южанинъ, и жестикулировалъ и любилъ пряныя, острыя блюда. Семи лѣтъ не было будущему московскому доценту, когда его отецъ — послѣдній отпрыскъ захирѣвшаго рода, двинулъ въ Россію — пытать счастье. Всю жизнь вспоминалъ потомъ де-ла Бартъ,

Digitized by Google

какъ въ послѣднихъ числахъ февраля, покинувъ солнечный, радостный, зацвѣтающій берегъ, черезъ четверо сутокъ попали они въ Петербургъ, въ безнадежное утро гнилой оттепели. Въ желтыхъ густыхъ туманахъ пропадали мосты, дома, памятники. Кое-гдѣ краснѣлъ галунъ городового, да сани, хлопая по лужамъ, звенѣли разстроенными бубенцами. Le printemps adorable a perdu son odeur...

Изъ всѣхъ иностранцевъ, селившихся въ Россіи, одни французы обладали изумительнымъ даромъ полной ассимиляціи безъ малѣйшей потери собственнаго національнаго лица. Нѣмцы за пребываніе въ Россіи научались искусству обращенія съ народомъ, но въ языкѣ ихъ всегда оставался какой то привкусъ, не растворимый ни въ нарочитыхъ архаизмахъ ни въ строгомъ соблюденіи постовъ; англичане не усваивали вообще ничего, послѣ десяти лѣтъ пребыванія англичанина гдѣ-нибудь въ Москвѣ или Кіевѣ обѣ стороны — онъ и Россія — продолжали оставаться другъ для друга таинственными незнакомцами.

Иная вещь случалась съ французами. Быстро научались они говорить — московская колонія щеголяла прононсомъ, какимъ не похвалятся провинціалы изъ самыхъ ядреныхъ русаковъ; быстро влюблялись въ Россію, въ ея

Digitized by Google

жизнь, безтолковую, дикую, но странно обольстительную, быстро входили во вкусъ русскаго искусства, русской души. Здѣсь загвоздка... французовъ постигала ошибка русскихъ интеллигентовъ — непониманіе сущности народной души, поспѣшное презрѣніе или поспѣшная идеализація, но всегда желаніе отдѣлаться отъ этого труднаго пассажа.

Окончивъ гимназію, попавъ въ университетъ въ ученики къ большому Веселовскому (Александру), де-ла Бартъ весь блескъ своего галльскаго духа, всю жизнерадостность южанина, всю мощь ретроградnаго воспитанія сына вѣковой романской культуры сложилъ у пьедестала никогда несуществовавшаго бога Въ студенческіе годы случились у него таинственныя встрѣчи съ Владиміромъ Соловьевымъ, только что вернувшимся изъ Египта. Произошло странное: знаменитый философъ ѣздилъ со своимъ юнымъ другомъ не то въ Оптину Пустынь, не то въ Финляндію къ водопадамъ. Студентъ де-ла Бартъ, бредившій пріоритетомъ формы, заболѣлъ идеей Соловьева. Грядущая соборность была слишкомъ соблазнительна для его католической чуткости къ идеямъ единой церкви, для его эстетической жилы съ ея чисто религіозной прокладкой...

Новое направленіе ученика возмутило Ве-

Digitized by Google

селовскаго. Мудрый холодный старикъ хорошо видѣлъ послѣдствія — эклектизмъ, сумбуръ, «вѣчно московское»: послѣднее его петербургскому сердцу было противнѣе полнаго законченнаго обскурантизма. Наступило охлажденіе и, когда подошло окончаніе университета, Веселовскій не слишкомъ настаивалъ на оставленіи при факультетѣ поклонника Соловьева. Просить, клянчить, ловить подачку... Де-ла Бартъ вскипѣлъ и предпочелъ ѣхать въ провинцію, учителемъ французскаго языка. Здѣсь опять заговорила романтика галла, освоившагося съ Россіей съ чужихъ словъ, съ пѣсенъ поэтовъ. Онъ думалъ попасть въ тихій городъ старинныхъ преданій, гдѣ бодро работать, гдѣ мысль крѣпнетъ въ могучемъ дыханіи ушедшаго. И попалъ въ Винницу...

Шли девяностые годы. Скука и мерзость правленія Александра III, — Передоновщина маленькаго городка, неметеныя комнаты, немощеныя мостовыя, забитые чинуши, убогіе еврейскіе ремесленники, мѣстныя дамы, неслыханный омерзительный жаргонъ... Какая буря поднималась въ его страстной гордой душѣ, когда день за днемъ, пять часовъ подрядъ, приходилось твердить съ прыщавыми недорослями неправильные глаголы и объяснять, почему послѣ «si не употребляется con-

Digitized by Google

ditionnel»... Какъ тосковалъ, какъ метался онъ въ своемъ сперва добровольномъ, потомъ вынужденномъ уединеніи! Годы въ Винницѣ подорвали его здоровье, породили обидчивость, раздражительность, жажду мести. Но они же стали благодѣтельной причиной того, что де-ла Бартъ смогъ впослѣдствіи сыграть свою огромную, почти пока никому неизвѣстную роль въ жизни русской эстетической культуры. Въ одиночествѣ, видя вокругъ свиныя рыла, де-ла Бартъ переболѣлъ и началъ понимать яснѣе. Онъ узналъ Россію лучше и ближе, чѣмъ ее могъ знать даже Вл. Соловьевъ, не говоря уже о традиціонныхъ славянофилахъ. Черезъ три года онъ вернулся къ исходной точкѣ — къ великой школѣ Веселовскаго, къ строгому методу учителя, оплодотворенному чисто французскимъ чувствомъ формы. Обѣ его работы, забытыя, осмѣянныя, неизвѣстныя тѣмъ, кто ему столькимъ обязанъ, посвящены формѣ и ея эволюціи, одна методологіи изученія поэзіи, другая французскому современному стиху.

Теперь, послѣ «Вѣсовъ», «Аполлона», фаланги символистовъ, мысли де-ла Барта показались бы лишь честнымъ минимумомъ, но тогда въ морозъ народничества и бульварщины онъ былъ побитъ камнями. Т. е. случилось то, что Уайльдъ опредѣлялъ, какъ судьбу

Digitized by Google

каждой истины: ея существованіе короче жизни бабочки, оно цѣликомъ въ промежуткѣ межъ тѣмъ, какъ ее считаютъ парадоксомъ и тѣмъ, какъ ее начинаютъ считать тривіальностью...

Де-ла Бартъ проповѣдывалъ цѣлымъ десятилѣтіемъ раньше Андрея Бѣлаго необходимость особаго, чисто музыкальнаго анализа стиха; де-ла Бартъ доказывалъ слабость историческаго подхода къ творчеству, пошлость моднаго психіатрическаго... О ритмѣ, о метрѣ, о формѣ, о строеніи всей поэтики де-ла Бартъ сказалъ то, что, что въ эпоху «Вѣсовъ» затвердили всѣ московскіе юнцы. Но де-ла Бартъ имѣлъ смѣлость сказать это все въ диссертаціяхъ, представленныхъ на разсмотрѣніе замаринованныхъ людей въ футлярахъ. И его осмѣяли. Въ Харьковѣ послѣ защиты его докторской диссертаціи (посвященной современной французской поэзіи) ректоръ университета, сырой отсталый хохолъ, воспитанный на литературѣ 60-хъ годовъ, громко выражалъ свое возмущеніе. Въ первый разъ въ исторіи факультета постановленіе о предоставленіи искомой степени было лишено даже официальныхъ комплиментовъ.

Де-ла Барта рѣшили взять измором: изоляціей. Несмотря на отсутствіе профессоровъ-западниковъ и въ Москвѣ и въ Кіевѣ и въ

Digitized by Google

Харьковѣ, его не выбирали ни на одну изъ свободныхъ кафедръ, предпочитая довольствоваться своими лекторами по типу ломовыхъ клячъ просвѣщенія.

Снова нѣсколько лѣтъ тяжкой брьбы, шатанья по провинціи, унизительной ничего не дающей работы. Усталый, полу-разочарованный, нищій, съ началомъ туберкулеза (южанинъ не выдержалъ...), де-ла Бартъ пріѣзжаетъ въ 1911 году въ Москву. Никто его сюда не звалъ, выбирать его не выберутъ, но онъ и не разсчитываетъ. Пріѣхалъ умирать и въ качествѣ лебединой пѣсни и необязательнаго (увы!) курса прочесть его выстраданную историческую поэтику.

Въ этомъ году ему исполнилось сорокъ три года, но по наружному виду онъ могъ бы сойти и за шестидесятилѣтняго. Жутко худой, заросшій соловьевской бородой, похожій фигурой и конструкціей конечностей — костлявыхъ, непропорціональныхъ, безсильныхъ, —на рыцаря Ламанческаго, кашляющій, харкающій кровью, сгинающійся подъ кипой книгъ, любимыхъ лубковъ (по нимъ онъ изучалъ бытъ великихъ войнъ), старинныхъ гравюръ, по французски краснорѣчивый, по русски неутомимый спорщикъ, лишенный какихъ бы то ни было средствъ къ существованію, обремененный безчисленными родствен-

Digitized by Google

никами!.. Таковъ былъ де-ла Бартъ въ началѣ своей Московской жизни, которая продлилась всего лишь четыре года и не успѣла хотя бы отчасти загладить огорченія провинціальныхъ мытарствъ.

Попалъ онъ въ Москву въ разгаръ салонныхъ споровъ, письменной перепалки, публичныхъ дискуссій, мало по малу просачивавшихся и въ стѣны университета. Работа, выполненная поколѣніемъ символистовъ, все совершила въ смыслѣ иллюстраціи истиннаго искусства и разрушенія основъ традиціоннаго варварства. Новыя эстетическія понятія, сулившія новую культуру и новый подходъ къ жизни, должны были быть возвѣщены ex cathedra. Насталъ моментъ чрезъ головы будущихъ учителей въ головы русскихъ мальчиковъ втемяшить скромныя истины, принятыя въ теченіе столѣтій на Западѣ, но явившіяся революціей въ Россіи. Рыцарь Ламанчеєкій, мужественно преодолѣвая кровавые приступы кашля, съ пріободрившейся душой кинулся въ борьбу противъ полчищъ старыхъ варваровъ, молодыхъ невѣждъ, завистливыхъ посредственностей...

Убѣдить московскаго студента, что Веселовскій культурнѣй и радостнѣй Михайловскаго, что кромѣ земли и воли, прибавочной стоимости и Эрфуртской программы, столовки

Digitized by Google

на Моховой и театра Коршъ, въ мірѣ существуютъ прекрасные стихи, возможности иной не коричневой, не надрывной, цѣлостной гармоніи!.. Только чахоточный романтикъ; обреченный на погибель вдали отъ милаго юга, могъ рѣшиться на такой неблагодарный исполинскій подвигъ. Если когда нибудь будетъ написана исторія культурнаго перелома послѣднихъ предвоенныхъ лѣтъ, имя де-ла Барта едва ли займетъ въ ней почетное мѣсто. Въ далекихъ океанскихъ путяхъ есть указатели, не занесенные ни на одну изъ картъ, хотя старые капитаны по нимъ учились правильному курсу, хотя вокругъ уже не было маяковъ, а звѣзды и компасъ молчали въ безсиліи...

Четыре года, восемь семестровъ подрядъ, людямъ завтрашняго дня онъ проповѣдывалъ энтузіазмъ, новую красоту, единственно-правильный подходъ къ искусству. Русскій Винкельманъ! Увы! это звучитъ почти смѣшно въ примѣненіи къ московскому доценту, не насчитывавшему и полусотни слушателей на своихъ необязательныхъ лекціяхъ. Русскій Винкельманъ: это почти гротескъ, когда умирающій иностранецъ, плывя противъ теченія заслуженныхъ, ординарныхъ, экстраординарныхъ туземцевъ, долженъ открывать русской молодежи сущность родной поэзіи,

Digitized by Google

учить обращенію съ роднымъ искусствомъ. Не ставя зачетовъ, потерявъ такимъ образомъ главную студенческую приманку, онъ, въ сущности говоря, захотѣлъ убѣдить, что наука, преподаваемая людьми, ставящими «весьма», есть ложная, неправильная, ненужная наука, что старые начетчики еще опаснѣе молодыхъ невѣждъ, что сумбурная проповѣдь Андрея Бѣлаго принесла русской литературѣ больше пользы, чѣмъ столѣтіе Никитенокъ, Галаховыхъ, Сиповскихъ. Но, если Андрей Бѣлый, декламируя съ эстрады Политехническаго музея, могъ прибѣгать ко всѣмъ полемическимъ орудіямъ, ко всей силѣ могучаго сарказма, то приватъ-доценту де-ла Барту въ аудиторіяхъ Московскаго университета полагалось прежде всего не забывать, что онъ только приватъ-доцентъ, прибывшій изъ Винницы, а традиціи невѣжества существуютъ уже 150 лѣтъ, всегда въ одномъ и томъ же зданіи. Шенкеля условной китайщины, псевдо-серьезности раздирали, укрощали; дѣлали его лекціи недоступными для темнаго обворованнаго сознанія московскаго студента.

Необязательный, непонятный, не ставитъ зачетовъ, требуетъ напряженія... Молодые люди въ косовороткахъ при всей любви къ забастовкамъ рѣшительно оказались на сторонѣ старыхъ людей въ футлярахъ. Инфра-

Digitized by Google

красное еще разъ предпочло ультрафіолетовое. Исторія каждаго дня...

Въ аудиторіи де-ла Барта оставалось къ концу его четырехъ лѣтъ не болѣе десятка слушателей. Аудиторія перенеслась въ его квартиру, вблизи Собачьей Площадки, десять слушателей стали дѣйствительными учениками. Для нихъ де-ла Бартъ сыгралъ полностью ту роль, которая въ эпоху молодого Гете была предназначена Винкельману. Бесѣды де-ла Барта возвѣщали мятель, которая могла быть и началомъ и концомъ зимы... Новое эстетическое сознаніе грезило катаклизмомъ. Въ призрачной тишинѣ оно различало удары грядущаго обвала. Новая культура становилась цвѣткомъ надъ бездной. Послѣднія бесѣды происходили въ дни нашего бѣгства съ Карпатъ — сомнѣній больше не было. Мы не побѣдимъ и новая культура смѣнится повѣйшей. Варварство третьей Россіи не нуждается въ десяти ученикахъ де-ла Барта. Имъ предстоитъ участь старыхъ капитановъ, чьимъ разсказамъ не вѣрятъ.

Лѣтомъ 1915 года де-ла Бартъ съѣздилъ на фронтъ, привезъ кучу новыхъ лубковъ, на самыя косматыя брови надвинулъ черную бархатную шапочку и замолчалъ.

«Россія кончилась, больше въ ней дѣлать нечего. Помните у Рембо — me voici sur la

Digitized by Google

plage armoricaine! Вотъ и мы добрались до этого plage armoricaine»...

Утромъ появились извѣстія о паденіи Ковно, а вечеромъ позвонили и сказали, что де-ла Бартъ умеръ. За гробомъ его шло десять и еще нѣсколько. Говорилъ рѣчь, кажется, Айхенвальдъ. Вычурно, подогрѣто, съ округленными концами.

3.

Поколѣніе, пришедшее въ Московскій Университетъ черезъ пять лѣтъ послѣ первой революціи, застало, ветхія строенія на Моховой совершенно въ томъ же видѣ, какъ поколѣніе Буслаева, какъ поколѣніе Аксаковыхъ — сыновей, какъ поколѣніе Вл. Соловьева и т. д.

За 150 лѣтъ своего существованія университетъ, говоря правду и отвлекаясь отъ мелодекламацій въ духѣ Татьянина дня, ни на іоту не измѣнился. По прежнему на сотню профессоровъ — крѣпкозадыхъ тупицъ приходилось двое-трое мечтателей. Во времена Буслаева двое-трое назывались — Печеринъ, Шевыревъ и т. д., въ 1910-18 — Иванъ Ильинъ, де-ла Бартъ и т. д. Разговоры о пигмействѣ современниковъ, объ измельчаніи поколѣнія, объ оскудѣніи идеаловъ относились къ раз-

Digitized by Google

ряду репертуара не только московскаго, но и общемірового нытья.

Въ 1793 г., въ разгаръ Французской революціи, г-жа Роланъ записывала въ своемъ дневникѣ (т. II): ...«Какъ изумительную черту переживаемой эпохи будущій историкъ отмѣтитъ бѣдность людьми. Нашей революціи не повезло. Вокругъ, куда не взглянешь, одни пигмеи»...

Столѣтіе, отдѣляющее насъ отъ Грибоѣдовской Москвы, прошло по касательной въ смыслѣ соотношенія силъ и количества «людей». Тупицы оставались тупицами, таланты талантами. Вмѣсто опереточныхъ персонажей тридцатыхъ годовъ мы располагали въ 1910-17 среди профессоровъ владѣльцемъ косметическаго института Статкевичемъ, который въ лекціяхъ по физіологіи большую часть времени удѣлялъ характеристикѣ выдающихся коллегъ: Максъ Ферворнъ женился на старухѣ съ милліономъ и оттого имѣетъ возможность фантазировать, Гельмгольцъ — сумасшедшій и онанистъ (!), Зигмундъ Фрейдъ — шуллеръ и растлитель дѣвочекъ и т. д. Своего предшественника по кафедрѣ Статкевичъ изображалъ рядомъ неприличныхъ жестовъ и обвинялъ въ кражѣ казеннаго спирта... Самъ же суровый обличитель иноземныхъ физіологовъ вступалъ въ какія-то сдѣлки со скаковыми жокеями и въ

Digitized by Google

теченіе ряда лѣтъ инвентарь университетскаго института перевозилъ къ себѣ въ парфюмерный...

Статкевичъ былъ далеко не одинокъ. На медицинскомъ факультетѣ его достойнымъ сотоварищемъ являлся хирургъ Венгловскій, ежемѣсячно писавшій въ министерство доносы на своихъ товарищей, причемъ профессора, не запятнавшіе себя либерализмомъ, но лично ему непріятные, отмѣчались стрѣлкой съ указателями въ обѣ стороны; примѣчанія гласили — хирургъ Березовскій (ближайшій коллега Венгловскаго) держитъ носъ по вѣтру, Вагнеръ (терапевтъ) попахиваетъ шантажемъ и заискиваетъ предъ евреями и т. д., такой-то женился на еврейкѣ, такой-то принимаетъ студентовъ у себя на дому и раздаетъ прокламаціи...

На историко-филологическомъ факультетѣ процвѣтала система непотизма: ректоръ Любавскій (историкъ) и деканъ Грушко (классикъ) ревниво отстаивали факультетъ отъ вторженія свѣжихъ силъ. Кафедра западныхъ литературъ пустовала въ теченіе многихъ лѣтъ, пока ставленникъ декана бездарный безвкусный старикъ Розановъ удосужился написать докторскую диссертацію. Исторію русской литературы читалъ нѣкто Сперанскій; неповоротливый, кряжистый мужчина,

Digitized by Google

для котораго русская литература кончалась Державинымъ, монотонно барабанилъ онъ годъ за годомъ свой курсъ, составленный въ доисторическія времена. Студенты ходили на его лекціи не больше двухъ-трехъ разъ въ теченіе семестра, каждый разъ на пять-десять минутъ, единственно для того, чтобъ увидѣть его шершавый профиль склоненнымъ надъ литографированнымъ курсомъ и убѣдиться, что ничего новаго нѣтъ и не можетъ быть.

Шли девятисотые годы. Каждый день приносилъ книги Гершензона, Бѣлаго, Вяч. Иванова, Брюсова, каждый вечеръ въ кружкахъ и собраніяхъ воскресала русская литература. Лѣнивый старикъ не шелохнулся. Сонную массу добродушія, самоувѣренности, презрѣнія ко всему внѣ университетскому онъ твердо рѣшилъ пронести до конца дней...

Но самую любопытную картину представлялъ факультетъ юридическій. Почти всѣ кафедры находились въ распоряженіи лицъ явно не пригодныхъ, назначенныхъ на скорую руку, дабы насолить ушедшей профессурѣ.

Маленькій чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, служившій по консульской части гдѣ-то на ближнемъ Востокѣ, оказался профессоромъ международнаго права и энциклопедіи права одновременно. Что онъ чи-

Digitized by Google

талъ?!.. Каково было его слушать послѣ Комаровскаго и Евгенія Трубецкого! Богъ ему судья... Но у ближневосточнаго дипломата, были по крайней мѣрѣ хорошія манеры, отличный голосъ, внятная дикція, всегда выбритое холеное лицо. Онъ въ глубинѣ души сознавалъ оригинальность своего положенія и старался не быть въ тягость ни студентамъ ни коллегамъ. Хуже обстояло дѣло съ исторіей русскаго права. Крошечный старичокъ, тайный совѣтникъ, обладатель всѣхъ возможныхъ орденовъ, ленточекъ, застежекъ, звѣздочекъ, профессоръ Филипповъ имѣлъ сверхъ всего за своей спиной около восьмидесяти лѣтъ вѣрноподданной службы въ теченіе которыхъ онъ разучился преодолѣвать сонливость. На вступительной лекціи онъ держался съ полчаса, на остальныхъ не болѣе четверти часа. Потомъ въ аудиторіи наступала полная тишина, доносилось мѣрное посапыванье... Изрѣдка старикъ вздрагивалъ, пытался продолжать чтеніе, но тщетно... Задолго до истеченія двухъ часовъ курьеръ бралъ его подъ руку и уводилъ домой.

Остальныя кафедры за исключеніемъ государственнаго права (Сергѣй Котляревскій) занимались или рамоли типа Филиппова или ласковыми телятами, сумѣвшими подвернуться во время подъ руку министра. Составъ сту-

Digitized by Google

дентовъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ подбору профессоровъ.

Первая революція, послѣдовавшіе судебные процессы, оживленіе политической жизни страны сдѣлали карьеру юриста заманчивой мечтой многихъ тысячъ русскихъ юношей. Легкость же окончанія этого факультета, отсутствіе обязательныхъ практическихъ работъ, ничтожность отнимавшагося времени привлекли цѣлыя толпы пилигримовъ. Одни не могли бывать ежедневно въ университетѣ изъ-за условій матеріальныхъ, другіе изъ любви къ кутежамъ, третьи изъ-за желанія покидать родную провинцію лишь на время экзаменовъ и т. д. И изъ 2000-3000 студентовъ первокурсниковъ къ концу семестра университетъ посѣщало не болѣе двухсотъ, а серьезнымъ занятіямъ отдавалось не болѣе тѣхъ же роковыхъ десяти-пятнадцати фанатиковъ. Студентъ въ косовороткѣ день и ночь торчалъ или въ столовкѣ, требуя перевыборовъ марксистскаго правленія на народническое, что повидимому должно было отразиться на качествѣ обѣдовъ, или въ очередяхъ «на Шаляпина», «на Собинова», «на художественниковъ»... Студентъ въ смокингѣ (мундиръ и шпага отжили въ Москвѣ свой вѣкъ) вечеромъ ѣздилъ въ балетъ, къ Яру, въ Стрѣльну, на балъ, въ домъ свиданій, утромъ спалъ,

Digitized by Google

днемъ выходилъ на Кузнецкій. Учиться не хватало времени ни тѣмъ ни другимъ, да и не было желанія.

Разъ въ недѣлю, — большей частью это случалось по субботамъ, въ пять часовъ вечера, когда на Моховой уже желтѣли огни трамваевъ въ большой юридической аудиторіи появлялся странный человѣкъ. Въ немъ было то неопредѣлимое, что французы обозначаютъ словомъ — bizarre. Длинный, предлинный отчаянно худой, мефистофельская, хотя и свѣтлая бородка, огромные острые презрительные глаза, голосъ чудовищной, нервной экспрессіи, рѣзкій, какъ ударъ бича, отточенный, какъ лезвіе бритвы. Однажды курсъ своихъ лекцій (именовавшійся «методологіей юридическихъ наукъ», но вмѣщавшій въ себѣ весь юридическій факультетъ) онъ началъ такими словами: «Многіе герои Достоевскаго, входя въ комнату, говорятъ — простите, это только я... Я поступаю иначе. Я говорю, входя въ вашу аудиторію, — *это я*!... Лекцію о Петражицкомъ онъ начиналъ обѣщаніемъ доказать, что Петражицкій 1)ненаученъ, 2) амораленъ, 3) некультуренъ... Разговоръ о Скрябинѣ воплемъ: «Скрябинъ писалъ въ своихъ симфоніяхъ о такихъ половыхъ мерзостяхъ, что я не рѣшаюсь посмотрѣть въ лицо сосѣдкѣ по ложѣ»...

Digitized by Google

Молодые студенты трепетали отъ одного звука его голоса. Къ нему на экзаменъ (онъ въ числѣ другихъ доцентовъ экзаменовалъ по энциклопедіи права) не рѣшался идти ни одинъ смокингъ, ни одна косоворотка, хотя уже заранѣе, не ожидая отвѣта, онъ ставилъ «весьма»...

«Теперь — говорилъ онъ — когда вы коллега добились желаемаго, разскажите, что вы знаете. Можете взять любого автора, любую школу. Все что хотите. Лишь бы дѣйствительно знали»... Студентъ блѣднѣлъ, предчувствуя подвохъ, и пробовалъ начать разсказъ. Но каждый его промахъ раздувался экзаменаторомъ до размѣровъ гигантскаго невѣжества, каждое его слово вызывало градъ насмѣшекъ. Послѣ двухъ-трехъ попытокъ студентъ признавался что ему не о чемъ разсказывать, что онъ ничего по настоящему не знаетъ... Получалъ зачетную книжку съ «весьма» и въ паникѣ бѣжалъ.

Десять-пятнадцать очередныхъ роковыхъ фанатиковъ успѣвали понять къ концу года, что кромѣ номеровъ, разсчитанныхъ на устрашеніе, у бѣлокураго Мефистофеля есть еще громадная жуткая школа. Тотъ, кто хотѣлъ заниматься, становился его яростнымъ поклонникомъ. Въ чемъ же заключалась его школа? Право, взятое въ его реальныхъ соотно-

Digitized by Google

шеніяхъ съ силой, государство понятое такъ, какъ его понималъ Гегель — это схемы не покрывали сущности страннаго доцента. Духъ права проникалъ онъ у него во всѣ отрасли жизни, въ каждую малѣйшую ячейку. Его право требовало, хватало за шиворотъ, заставляло: ты мнѣ долженъ!... Императивъ становился сторожемъ бытія и жизнь кончалась тамъ, гдѣ не было императива.

Кружокъ его учениковъ напоминалъ античную школу, гдѣ ученики изучаютъ со словъ учителя не какую нибудь опредѣленную дисциплину, а постигаютъ жизнь, цѣликомъ познаютъ самихъ себя. Они клялись его именемъ, они настолько были подавлены его вкусами, его авторитетомъ, что, когда онъ увлекся Фрейдомъ и провелъ у автора «Психоанализа» цѣлое лѣто, ученики начали записывать свои сновидѣнія, начали по методу Фрейда разлагать каждый свой поступокъ на составные сексуальные элементы. Это занятіе было уже далеко отъ духа права. Но гипнозъ дѣйствовалъ, но его глаза, его голосъ, его жесты не допускали возраженій.

Финалъ бывалъ всегда печаленъ: ученикъ, не сумѣвшій преодолѣть его чаръ, превращался въ тѣнь, терялъ безъ остатка собственную личность, промѣнявъ ее на эхо, на безкорыстное отображеніе. Болѣе талантливые во

Digitized by Google

время отходили и ссорились съ учителемъ. Менѣе талантливыхъ онъ скручивалъ и заставлялъ идти по своимъ слѣдамъ...

Такъ, единственный свѣжій, оригинальный, большой человѣкъ не сумѣлъ преодолѣть соблазна и пошелъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Вивисекція безъ ножа, Мефистофель съ Моховой... Самъ онъ прошелъ школу большую и серьезную; школа же, основанная имъ, не оказалась ни большой ни серьезной, ни долговѣчной. У него были огромныя качества, но отъ него нельзя было перенять никакихъ традицій, т. е. того, что единственно способно заражать талантливостью.

Подражать ему было бы просто дурнымъ тономъ. Ибо его имя — Иванъ Ильинъ. Ибо онъ возможенъ только въ условіяхъ жизни на рубежѣ эпохъ. Сила Ильина въ томъ, въ чемъ была слабость де-ла Барта. На его лицѣ трепещутъ отблески зарницъ.

Ильинъ не пытался создавать, онъ хотѣлъ сдвинуть угрозой застывшіе умы, усыпить гипнозомъ жаждущую живой жизни личность и пробудить духъ абстракціи. Онъ яростно проповѣдывалъ побѣду. Онъ не выдержалъ натиска революціи. Лѣтомъ 1917 въ рѣчахъ, достигавшихъ силы и... неубѣдительности Савонароллы онъ еще разъ попытался загипнотизировать взбунтовавшуюся плоть.

Digitized by Google

Оказалось однако, что и его хватаетъ лишь на десять-пятнадцать объектовъ. Симфонія Скрябина восторжествовала надъ логикой Гегеля.

4.

Особнякомъ держались такъ называемые нео-славянофилы. Частью они входили въ приватъ-доцентуру, частью состояли изъ студентовъ и вольныхъ безъ опредѣленныхъ занятій. Евгеній Трубецкой, Булгаковъ, Бердяевъ, Рачинскій, Гершензонъ засѣдали на славянофильскомъ олимпѣ, дѣйствующая же армія не отличалась ни заслугами ни талантливостью.

Она являлась на всѣ публичные диспуты, отсиживалась въ многочисленныхъ университетскихъ семинарахъ, говорила больше, чѣмъ писала, работала совсѣмъ мало, предпочитая всему на свѣтѣ газетныя прорицанія...

Нео-славянофильство отличалось двумя грустными признаками: одинаковымъ словаремъ и одинаковыми цитатами. Въ головахъ былъ хаосъ необычайный, идеи падали съ перваго попавшагося дерева, въ презрѣніи къ «прогнившей культурѣ запада» каждый старался побить московскіе рекорды... Но и у юныхъ и старыхъ чемпіоновъ рѣчь составля-

Digitized by Google

лась одиноково; всѣми использовался одинъ и тотъ же разъ навсегда изготовленный макетъ...

«Душа, взыскующая града», «Китежъ» во всѣхъ падежахъ, «алчба» вмѣсто «жажда», порочная косноязычная витіеватость, вакханалія за уши притянутыхъ архаизмовъ, «путь въ Эммаусъ», «путь въ Дамаскъ», Павелъ и Савлъ и т. д. Въ этомъ безвкусіи эпигоновъ заключалось великое возмездіе для предтечъ: началось мудренымъ вертоградомъ Вячеслава Иванова, окончилось юродствомъ Дурылина, Устрялова, младшаго Трубецкого и пр. Когда Вяч. Ивановъ, въ предисловіи къ «Бороздамъ и Межамъ», пороговизну бумаги объяснялъ торжественной фразой — ...«условія переживаемаго момента понудили (!) меня скупѣе соразмѣрить»... и т. д. — элементъ величавой манеры еще имѣлся, еще брезжили какія-то оправданія. Когда же закрученный недокисшій Дурылинъ каламбурилъ — «Оригенъ» и «Оригинальный» или начиналъ бесконечный періодъ «Китежемъ», «Особенной статью», «теургіей» — становилось невмоготу, вспоминались слова Гоголя: «отъ ихнихъ (славянофильскихъ) похвалъ хочется плюнуть на Россію»...

Что со словаремъ, то и съ цитатами. Двадцать-тридцать строкъ, надерганныхъ изъ Тютчева («Особенная стать», «Фонтанъ» занимали

Digitized by Google

первыя мѣста...), обязательно Хомяковское... — «ложится тьма густая на дальнемъ западѣ — странѣ святыхъ чудесъ», не рѣдко Пушкинское «Клеветникамъ», во что бы то ни стало Соловьевскій «Панмонголизмъ» и цитаты изъ Соловьевсктхъ же статей о національнизмѣ. Кромѣ этой «становой жилы» репертуара, время отъ времени для приданія славянофильскому самовару совершенно ослѣпительнаго блеска насиловался Достоевскій («цѣлованіе земли», земной поклонъ Зосимы, «не ты, не ты», отрывки изъ Пушкинской рѣчи) или блаженный Августинъ Въ обоихъ случаяхъ вся безчисленная армія молодыхъ доцентовъ, студентовъ и просто котелковъ трогательно повторяла другъ друга. Въ недобрый моментъ научили ихъ искусству прокладывать пошлятину прозаическихъ разсужденій стихотворными цитатами. Въ ихъ рукахъ это искусство обратилось въ семинарскую систему писать сочиненія или говорить рѣчь. Сказано или написано точь въ точь по Цицерону: вступленіе, изложеніе, заключеніе и т. д. Только духъ тяжелый...

Университетскіе семинары обратились просто въ семинарію. Нынѣшній восторженный поклонникъ твердой совѣтской власти Устряловъ въ его студенческіе и доцентскіе годы напоминалъ молодого ретиваго дьякона, ме-

Digitized by Google

чтающаго о томъ, какъ попъ заболѣетъ и онъ вмѣсто попа молебенъ отслужитъ.

Тяжелую картину являли собой доценты — неославянофилы. Одинъ къ одному, люди плохо затверженныхъ верхушекъ настоящаго знанія, лишенные какой бы то ни было серьезной школы — они топили слушателей въ морѣ условнаго словаря славянскихъ трапезъ и бурсацкихъ диспутовъ. Старшее поколѣніе пришло къ своей Осаннѣ (какъ говорилъ Достоевскій) чрезъ многія и многія бездны. У Булгакова за его славянофильствомъ былъ длинный путь честной работы, и Булгаковъ сталъ вульгарнымъ, завести бурсу не смогъ бы при всемъ желаніи. За младшимъ же поколѣніемъ былъ лишь плохо прослушанный университетскій курсъ; ихъ славянофильство съ кондачка, ради моды, или въ силу истеріи представляло серьезнѣйшую опасность для всего движенія. Достаточно припомнить въ какой неприличный фарсъ выродились такіе опорные пункты, какъ идея соборности и «національный эросъ».

Неославянофильскіе ублюдки болѣютъ самой страшной болѣзнью — собачьей старостью. Болтливые, какъ Хомяковъ, запутавшіеся, какъ Данилевскій, усложняющіе, какъ Булгаковъ, но... ни одного достоинства старшаго поколѣнія. Они могли спастись единственно

Digitized by Google

въ своевременной связи съ большевистскимъ скифствомъ. Дикари, отрицающіе культуру, даже не коснувшись ея поверхности, нуждаются въ идеологахъ; такими идеологами легко могутъ стать неославянофилы.

Умирающій католицизмъ пытался найти поддержку въ соціальной революціи; славянофильство, бывшее всегда лишь живымъ трупомъ, пытается одѣть маску мѣшечника, красноармейца, спеца. Устряловъ славословитъ красную армію, а всѣ остальные контрабандой протискиваются въ третью Россію.

Меня очень обрадовало появленіе въ Парижѣ журнала «Смѣна Вѣхъ». Наконецъ-то всѣ слова сказаны. Наконецъ-то московскіе доценты Ключниковъ и Устряловъ, сумасшедшій адвокатъ Бобрищевъ и «просто котелокъ» Потѣхинъ перешли на дорогу, единственно-правильную для эпигоновъ славянофильства. Традиціонный макетъ, традиціонныя цитаты, стихотворныя выдержки Устрялова, благоговѣйно сохраненная отрыжка московскихъ собраній въ Мертвомъ переулкѣ у Маргариты Морозовой, пріобрѣтаютъ особенный вкусъ на службѣ у коминтерна. Отъ Чичерина старшаго къ Чичерину младшему — отъ московской философіи къ большевистской развѣдкѣ. Скифы угадываютъ скифовъ. Совершается процессъ кристаллизаціи. Логика исторіи торже-

Digitized by Google

ствуетъ; деревенскій бѣсъ съ полуаршиннымъ хвостомъ, пропахшій баней, мужицкимъ потомъ, заклинаніями попа, тотъ самый бѣсъ, котораго въ кабинетѣ европейца Кони нѣкогда увидѣлъ скифъ Соловьевъ — нынѣ тихонько подсмѣивается: давно пора!

5.

Скучно жить безъ самовара и безъ большой аудиторіи политехническаго музея. Какъ никакъ—вокругъ этихъ двухъ фетишей возростала молодая Россія...

Въ минувшемъ октябрѣ снова ожилъ Политехническій музей и Вадимъ Шершеневичъ — претенціозный сынъ талантливаго отца — кого то за ноги стаскивалъ съ кафедры... Дай Богъ, дай Богъ, значитъ машинка вертится. Доживемъ опять и до самовара.

Съ именами Шершеневича, Конст. Большакова, Николая Асѣева, Боброва, Пастернака, совсѣмъ молодыхъ Феодора Богородскаго и Сергѣя Предтеченскаго связана новѣйшая эпоха. Для этого поколѣнія уже не существовало тихихъ зорь. Шершеневичъ еще кое-что сохранилъ по дѣтской памяти, кое-что слышалъ отъ отца, отъ его друзей. Остальные — чистѣйшіе скифы, мѣшечники отъ поэзіи. Когда тѣ, другіе, настоящіе мѣшечники слѣ-

Digitized by Google

зутъ съ крышъ вагоновъ и научатся читать — ихъ любимымъ поэтомъ будетъ, конечно, ни Блокъ (человѣкъ для нихъ явно ненужный), ни Клюевъ, ни Есенинъ, ни Орѣшинъ (русаки какой-то умопомрачительной, чисто нѣмецкой реконструкціи), ни Андрей Бѣлый, ни Валерій Брюсовъ, ни Вяч. Ивановъ (плеяда, тщетно старающаяся подновиться). Мѣшечники для выборовъ короля поэтовъ придутъ въ политехническій музей въ Москвѣ, въ Тенишевское училище въ Петербургѣ. Въ Петербургѣ ихъ встрѣтитъ матерной бранью Маяковскій и они легко поймутъ другъ друга, въ Москвѣ выборъ будетъ труднѣе: всѣ — метры, всѣ искушены, всѣ — подготовлены.

Межъ поэтами третьей Россіи и школой тихихъ зорь — московскимъ университетомъ — есть живые значительные мосты. Всѣ они бывшіе студенты, слушатели отчасти де-ла Барта, отчасти Ильина.

Большаковъ — долговязый молодой парень съ лицомъ цвѣта испитаго чая, съ жестами призового лаунъ-теннисиста. Началъ онъ при всей внѣшней скандальности своего поведенія застѣнчивой лирикой, пѣлъ о томъ, что —

У меня глаза, какъ въ озерѣ
Утопилась дѣвушка не пожелавшая стать
матерью,

Digitized by Google

Это мои послѣдніе козыри
У жизни, стелющейся бѣлоснѣжной скатертью...

Свою первую книгу стиховъ послалъ Блоку, получилъ въ отвѣтъ нѣжное любовное письмо. Авторъ «Снѣжной Ночи» писалъ, что давно уже не читалъ такихъ прекрасныхъ стиховъ. «Ваша книга доставила мнѣ большую радость». Большаковъ съ гордостью показывалъ письмо, разсказывалъ о совмѣстныхъ обѣдахъ, съ Кузьминымъ, проводилъ вечера въ кафэ «Бомъ», гдѣ тепло, накурено, шумливо и гдѣ противъ Алексѣя Николаевича Толстого въ гипсѣ сидѣлъ Алексѣй Николаевичъ Толстой во плоти и крови. До катаклизма Большаковъ былъ типичнымъ московскимъ снобомъ. Ругалъ Станиславскаго, хвалилъ Таирова, развивалъ собственную теорію пэановъ, не «имѣющую ничего общаго съ теоріей Андрея Бѣлаго», доказывалъ отсутствіе въ русскомъ стихѣ какого бы то ни было метра, одѣвался педантично, сопровождая каждый новый галстукъ отъ Левенсона торжественными фразами въ духѣ кавалера Брэммеля. Война застала его въ Константинополѣ, гдѣ и были написаны прекрасные, увы! имперіалистическіе стихи объ Айя-Софіи...

Такъ шла жизнь. Карпаты, Сольдау, Молс-

Digitized by Google

деченскій прорывъ, земсоюзъ, земгоръ.... Бытъ держался и очередной манифестъ Шершеневича начинался словами: «Мои великолѣпные друзья Константинъ Большаковъ и Георгій Якуловъ»... Февральской ночью 1917 г въ составѣ роты Петергофскихъ прапорщиковъ подъ радостной весенней звѣздой, Большаковъ маршировалъ въ Петербургъ, на защиту... Кого? Сперва предполагалось царя, потомъ выяснился Родзянко, потомъ подъ гору, подъ гору, подъ гору... Но бытъ все же держался...

У «Бома» истребляли пирожныя, курили, шумѣли, доказывая Юрѣ Саблину неправильность его лѣво эсеровскаго направленія. Юра Саблинъ еще носилъ золотые погоны и 12 августа, въ день открытія государственнаго совѣщанія еще салютовалъ прибывшему атаману Каледину. Черезъ два мѣсяца Юра Саблинъ штурмовалъ московское градоначальство, черезъ четыре «усмирялъ кроваваго Каледина»... Молодое вино бродило съ великой страстностью, однако напитокъ, достойный боговъ, пока что не получался. Получилась красноармейская звѣзда на груди поэта Константина Большакова. Звѣзда невѣроятныхъ размѣровъ, у самого Муралова — командующаго Краснымъ Московскимъ Округомъ — не было такой звѣзды. Большаковъ сталъ большевикомъ. Но какимъ...

Digitized by Google

«Надо не стихи писать, а убивать... Самая лучшая поэма — залпъ разстрѣла»...

Только у ренегата можетъ быть такое краснорѣчіе, только мечтатель можетъ жаждать столько крови. Лѣтомъ 1918 онъ ходилъ въ драной солдатской блузѣ, кожаныхъ заплатаныхъ галифэ и нечищенныхъ боксовыхъ сапогахъ. Звѣзда на фуражкѣ, звѣзда на груди Левенсоновскіе галстуки залегли въ отдаленный сундукъ. Теперь и они снова увидѣли свѣтъ рампы. Воскресли и стихи, только пишутся они не перомъ, а стэкомъ. Третья Россія требуетъ отъ стиля больше, чѣмъ ясности.

Сравнительно рѣдко мелькаютъ въ совѣтской печати имена самыхъ новѣйшихъ людей — Федора Богородскаго и Сергѣя Предтеченскаго. Ядреные нижегородцы, они сдѣлались отечественными Мариннетти, не выходя изъ предѣловъ нижегородской ярмарки, не прочитавъ ни одной книги. Богородскій гимназистомъ шестого класса изъ любви къ натуральному искусству поступилъ въ циркъ и цѣлый годъ шатался съ циркомъ по Россіи. Научился совершенно сумасшедшимъ вещамъ. Много лѣтъ спустя на диспутѣ о театрѣ въ качествѣ рѣчи онъ произвелъ слѣдующій опытъ: взялъ четыре бутылки засунулъ въ горлышки четырьмя ножками стулъ, сѣлъ на

Digitized by Google

стулъ и началъ жонглировать шестью мячами... «Рѣчь» произвела потрясающее впечатлѣніе.

Одаренный внѣ всякаго сомнѣнія большимъ природнымъ талантомъ онъ тосковалъ и извергалъ потоки брани и у художественниковъ и въ Камерномъ, и на лекціяхъ Андрея Бѣлаго и при чтеніи стиховъ Маяковскаго. Бредилъ какимъ-то новымъ синкретическимъ искусствомъ, которое бы соединило трапецію съ музыкой, рифму съ глотаньемъ факеловъ. Пока что пьянствовалъ, дебоширилъ и въ салонѣ буржуазныхъ дамъ читалъ стихи, начинавшіеся словами —

Возьму и раздѣнусь на улицѣ голый
И вступлю въ половыя сношенья съ столбомъ...

Дамы ласково смотрѣли на румянаго и плечистаго нижегородца и — каждая своимъ способомъ — иллюстрировали полную ненужность столба для удовлетворенія его страсти... Стихи Богородскаго были какъ разъ въ мѣрку его характера. Повѣтствованіе о канатной плясуньѣ, влюбленной въ паяца и разбившейся при паденіи на смерть...

«Это такъ шаблонно, что она разбилась...» Почему-то гнусавя въ носъ и закатывая безъ

Digitized by Google

удержа подведенные глаза — протягивалъ Богородскій...

Его товарищъ, землякъ, сожитель, компаньонъ въ приключеніяхъ и пр. и пр., Сергѣй Предтеченскій спеціализировался на поношеніи Богородицы. Задолго до Есенина и банды пролетарскихъ поэтовъ, на девятомъ этажѣ небоскреба Нирнзее въ Гнѣздиковскомъ переулкѣ кудластый смуглый дѣтина сообщалъ о своемъ презрѣніи къ Св. Дѣвѣ. Онъ проводилъ параллель межъ ней и любой жрицей со Страстнаго бульвара — и параллель оказывалась не въ пользу Св. Дѣвы...

До того россійскимъ, черноземнымъ разило отъ этого Дѣвоборца, что даже по отношенію къ умершей матери онъ свято соблюдалъ стародавній обычай — неприличіе поминокъ. Сѣли на могилку, выпили, закусили, поплакали и... обрыгали могилку...

«Ты, выбросившая меня на жизненный базаръ! Посмотри, какъ я сводницей жизнью изукрашенъ, о моя дорогая единственная мамаша... Еслибы ты встала изъ гроба, я бы самъ плюнулъ тебѣ въ глаза»...

О любимой женщинѣ Предтеченскій вспоминалъ гротескомъ, мѣстами пріобрѣтавшимъ Бодлеровскую силу. Онъ «бралъ мужчинъ брюнетовъ и блондиновъ»... не было ни одного бродяги отъ Петербурга до Ташкента, съ кото-

Digitized by Google

рымъ бы онъ «не раздѣлилъ вонючаго ложа харчевни»... Онъ имѣлъ дѣло съ коровами, птицами, козами и т. д. и т. д. Но — «ни одной женщины я не могъ имѣть послѣ тебя»...

Не знаю, что стало съ Предтеченскимъ за послѣдніе три года; хорошо знаю, что ни у одного изъ вновь прославленныхъ русскихъ поэтовъ нѣтъ задатковъ, имѣвшихся у молодого нижегородца. Отъ поношенія Св. Дѣвы чрезъ осквернение памяти родителей онъ восходилъ къ какимъ-то абсолютно невиданнымъ дорогамъ, къ поэзіи грубой, топорной и по своему великой. Пилы и топоры, рѣшивъ заняться поэзіей, выбрали бы своимъ истолкователемъ Предтеченскаго.

Оба нижегородца послѣдній годъ войны провели въ кавалеріи въ Буковинѣ. Ихъ впечатлѣнія, ихъ обростаніе слоемъ военщины, ихъ перерожденіе въ нѣчто среднее межъ итальянскимъ кондотьеромъ и русскимъ ушкуйникомъ — при другомъ воспитаніи, при иной культурѣ такіе корни способны дать Аира Барбюса. Но прапрадѣдъ Богородскаго помогалъ Стенькѣ въ ограбленіи персидскихъ струговъ, а одинъ изъ предковъ Предтеченскаго былъ клейменъ за участіе въ Пугачевщинѣ. Пути были предопредѣлены зовомъ прошлаго — и оба стали проповѣдниками

Digitized by Google

третьяго интернаціонала. Еще два большихъ поэта, погибшихъ въ лихой колеѣ.

У каждаго движенія долженъ быть свой Валерій Брюсовъ. Въ эклектизмѣ есть нѣчто непреодолимое для сырыхъ московскихъ тѣлесъ. Москва не любитъ скромности кропотливыхъ работниковъ; тихая радость правды для себя непонятна въ кривыхъ переулкахъ Арбата. Звонъ колоколовъ пробуждаетъ жажду звона рекламы. Библіографія, указаніе трудно выговариваемыхъ источниковъ, торжественная китайщина, усложненіе простѣйшихъ вопросовъ... Не выдержала и поэзія молодой Россіи...

Весь онъ съеженный, нахмуренный, будничный. Носитъ свѣтлые пенснэ, а посмотришь на него — словно въ дымчатыхъ очкахъ. Всѣмъ недоволенъ, брюзжитъ, плюется; Сергѣй Бобровъ — ничего не подѣлаешь. Жить ему сравнительно легко. Со всѣми переругался, всѣхъ заплевалъ, заложилъ руки за спину и идетъ по Пречистенкѣ — здороваться больше не съ кѣмъ. Основалъ книгоиздательство «Центрифуга», возвѣстилъ длинный рядъ книжищъ мало извѣстныхъ молодыхъ людей земгусарскаго выпуска. Откопалъ гдѣ-то артилерійскаго офицера Аксенова, у того оказались деньги, стихи и трактатъ: «Пикассо и окрестности»... Сѣлъ писать «житейскую фи-

Digitized by Google

лософію», вышли библіографическія замѣтки. Пришелъ возражать на лекцію — получился конфузъ. Какой-то Епиходовъ футуризма. Слова — настоящія, а получается смѣшно. До французскаго языка добирается — бѣги безъ оглядки. Запасъ французскихъ терминовъ необычайный, сногсшибательный, но произноситъ всѣ буквы...

Московскія просвирни, которыхъ Пушкинъ рекомендовалъ въ качествѣ учителей русскаго языка, не могли не произвести на свѣтъ Божій Сергѣя Боброва. Русскій Маринетти не можетъ не сидѣть на собственной шляпѣ...

«Сергѣй Бобровъ»... Воскресаютъ его адъютанты. Долговязые, длинноносые юнцы. По большей части готовятъ атаку противъ современнаго театра. Большевики дали имъ по особняку для размѣщенія ихъ студій, усиленный паекъ и званіе режиссера. Есть одинъ способъ спасти отъ ихъ сопряженныхъ усилій русскій театръ: разрѣшить свободную торговлю. Всѣ немедленно упадутъ въ спекуляцію. Или «кризисъ театра» или откройте биржу... Со дня прекращенія биржи, свободной торговли, массовой спекуляціи, закрытія кофеенъ и пр., началась не имѣющая никакихъ прецендентовъ во всей исторіи человѣчества театральная горячка. Кромѣ одного Таирова оказалось еще не менѣе сорока тысячъ Таиро-

Digitized by Google

выхъ. По мановенію волшебной палочки смердящая замерзшая страна покрылась сѣтью предпріятій театральнаго характера. Въ самыхъ маленькихъ городишкахъ, гдѣ даже чека еще не успѣла организоваться, имѣлась студія трагическихъ исканій. Въ Балтѣ ставилась въ сукнахъ «Антигона», въ Анапѣ, въ 6. офицерскомъ собраніи происходило яростное соревнованіе сторонниковъ и враговъ Мейерхольда. Страсти до того разгорѣлись, что во время постановки «Незнакомки» враги Мейерхольдовскихъ методовъ пытались поджечь театръ. Въ Бердянскѣ, въ дни пребыва; нія Махно, инструкторъ просвѣтительнаго отдѣла при штабѣ батьки съ гигантскимъ успѣхомъ поставилъ Шницлеровскій «Хороводъ»... Нужды нѣтъ, что на сценѣ происходилъ законченный свальный грѣхъ, зрительный залъ не отставалъ отъ артистовъ. Пришли добровольцы и устроили Корниловское утро. При такихъ неравныхъ силахъ борьба становилась невозможна.

Природа влѣзала въ окно. Молодыхъ людей заставили снять земгусарскіе погоны, они вооружились званіемъ режиссера. Молодымъ людямъ запретили «интересоваться» желѣзомъ, мыломъ, свѣчами — они заинтересовались Шекспиромъ, Софокломъ, Блокомъ. Въ третьей Россіи изъ режиссеровъ, — достигшихъ

Digitized by Google

половой зрѣлости и изжившихъ такимъ образомъ свои театральныя исканія — получились кадры «бухарскихъ шапочекъ» — т. е. молодыхъ людей въ оригинальномъ головномъ уборѣ, завѣдующихъ всѣмъ, всѣми, вездѣ.

6.

Странныя лица попадаются въ Заволжьи. Одѣньте ихъ обладателей въ римскую тогу — проконсулы, сенаторы, быть можетъ императоры временъ солдатскихъ переворотовъ... Замѣните римскую тогу костюмомъ соратниковъ хана Мамая — предъ вами татаринъ, сборщикъ податей въ Тверскомъ княжествѣ. Въ нихъ одновременно: величіе и жестокость, презрѣніе и жадность, вызовъ и животный страхъ...

Въ бобровой шубѣ, въ суконныхъ валенкахъ, въ пенснэ безъ оправы, въ декабрьскихъ сумеркахъ на полированной Петровкѣ... Зоркій москвичъ заинтересованъ: «Кто такой? что за человѣкъ»?..

Въ новенькомъ смокингѣ, въ огромной манишкѣ, въ лаковыхъ полуботинкахъ одно такое лицо частенько раскланивалось со сцены Московскаго Драматическаго Театра. Оно же и гуляло по Петровкѣ, оно же и сидѣло у «Бома», Оно же и мелькало въ литературно-

Digitized by Google

художественномъ кружкѣ. Самый заядлый провинціалъ, пробывъ въ Москвѣ хоть одну недѣлю, — уже зналъ, уже запоминалъ. Утромъ разворачивалъ «Русскія Вѣдомости», подъ нижнимъ фельетономъ встрѣчалъ длинную подпись — «графъ Алексѣй Н. Толстой».. Ага, вчерашній, какъ же, какъ же...

Послѣ графа Вилье де-Лиль Адана, спавшаго на бульварныхъ скамейкахъ и предъявлявшаго права на восточные скипетры, свѣтъ еще не видѣлъ такихъ демократическихъ графовъ. Толстой-республиканецъ, не только потому, что «политика для швейцаровъ» и каждый долженъ развлекаться такъ, чтобы не дразнить чернь. Толстой — человѣкъ третьей Россіи, хотя третья Россія романами не интересуется и мюзик-холлъ предпочитаетъ театру. Толстой — человѣкъ завтрашняго дня; если завтрашнему дню онъ окажется не по зубамъ, дневникъ міровой дисгармоніи обогатится еще однимъ происшествіемъ... Въ Парижѣ онъ какъ въ Самарѣ, въ кафэ «Бомъ», какъ на пріемѣ у англійскаго короля. Веселый и грустный: Сидя въ пустынѣ и не видя оазисовъ, не плохо посмѣяться... Большинство хочетъ грустить? Отлично, будемъ грустить. И въ томъ и въ другомъ случаѣ выхода нѣтъ.

Парижскія улицы онъ называетъ московскими именами. Rue de Passy — вкругъ

Digitized by Google

которой селится эмиграція — для него есть и будетъ Арбатъ. Почему? Очень просто: Онъ не вѣритъ въ реальность своего парижскаго пребыванія. Ѣстъ устрицы у Prunier, а переживаетъ, будто у Тѣстова. Подозрительный волжанинъ, — въ душѣ немного удивляется тому, что консьержи не понимаютъ русскаго языка. Притворяются сволочи... Кромѣ того, я совершенно убѣжденъ, что этотъ бѣлый, дородный, красивый человѣкъ любитъ мѣшечниковъ и ненавидитъ японцевъ... Романъ его («Хожденіе по мукамъ») переведенъ въ Америкѣ; недавно одинъ человѣкъ въ полосатомъ пальто и зеленой кепкѣ долго хлопалъ его по широкой спинѣ и что-то одобрительное насасывалъ въ трубку. Пьеса его идетъ въ Парижѣ, Мюнхенѣ, въ Копенгагенѣ и гдѣ-то въ Южной Америкѣ, чуть ли не въ Перу. Самъ Толстой весь минувшій іюль ходилъ по Парижскимъ магазинамъ и выкопалъ неслыханно-американскія туфли. Носы, каждый съ полъ аршина; канты, расшивки, подборы... Посмотришь на ноги — Джонъ Асторъ младшій, посмотришь въ глаза — ну, когда же онъ сможетъ вернуться къ себѣ на Молчановку!.. Для мѣшечниковъ Толстой — графъ: они не поймутъ его юмора, ихъ не раскачаетъ «Любовь — Книга Золотая». Для графовъ Толстой — мѣшечникъ: имъ чужда его лю-

Digitized by Google

бовь ко всяческой Россіи, къ степенной красавицѣ и пьяной бабищѣ, они не поймутъ почему, до возвращенія въ Россію, онъ не можетъ продолжать свою трилогію. Мѣшечникъ онъ еще и потому, что психологію младенцевъ, зачатыхъ на крышѣ вагона, онъ остро почувствовалъ и не осудилъ. Въ немъ нѣтъ ненависти: для русскаго писателя это почти Монтіоновская премія.

...Изъ всѣхъ встрѣчъ припоминаю двѣ. Первые дни послѣ октябрьскаго переворота, легкій морозецъ задернулъ лужицы, вдали постръливаютъ. Съ винтовкой за спиной, въ въ защитной бекешѣ Толстой несетъ «внѣшнюю охрану» своего квартала на Молчановкѣ. Важно расхаживаетъ, лицо спокойное, жесты, какъ на Богослуженіи.

Парижъ. Сочельникъ. Среди суетливой толпы на большихъ бульварахъ фланируетъ Толстой уже не въ бекешѣ и безъ винтовки. Останавливается предъ каждой башмачной витриной, серьезнѣйше разсматриваетъ. Не троньте: человѣкъ священнодѣйствуетъ...

Хороши узконосыя туфли, но можно и во внѣшней охранѣ... Жить страшно пріятно. Россія будетъ.

Digitized by Google

7.

Нельзя безъ Ильи Эренбурга? Нельзя ли прикончить или возродить Россію безъ его молитвы и «Молитвы»? Есть люди, въ чьихъ устахъ любовь къ родинѣ оскорбляетъ, отвращаетъ, гнѣвитъ. «Отъ ихнихъ похвалъ хочется плюнуть на Россію»...

Человѣкъ, который сдѣлалъ карьеру на томъ, что стряхивалъ пепелъ не въ пепельницу, а на собственнную грудь. Максимиліанъ Волошинъ не выдержалъ и завопилъ на цѣлый подвалъ «Рѣчи» — «помилуйте человѣкъ не моется по цѣлымъ семестрамъ»...

Когда этотъ феноменальный человѣкъ въ огромной шляпѣ, въ знаменитой курткѣ, не выпуская трубки изо рта, переплылъ двадцать морей и явился во взлахмаченную Москву 1917 — эффектъ получился необычайный. Москва не Латинскій кварталъ, шляпой и трубкой на Тверской можно сдѣлать побольше, чѣмъ косовороткой на бульварѣ Сэнъ-Мишель.

«Стихи о канунахъ» — книжка аккуратно сдѣланной безпорядочности, тщательно обдуманной истеріи, заранѣе предпринятаго трагоса и въ итогѣ очень маленькаго искусства. Въ кафэ «Бомъ» книжка возрасла до размѣровъ Апокалипсиса. Ходульность была принята

Digitized by Google

за пафосъ, картонные громы за прорицанія Патмосскаго отшельника...

Человѣкъ въ огромной шляпѣ остался очень доволенъ и, энергично записывая въ блокнотъ по 2-3 стихотворенія въ сутки, къ осени 1917 приготовилъ новую истерику — «Молитву о Россіи»...

Розановъ въ своемъ предсмертномъ «Апокалипсисѣ» заплевывалъ Россію съ ногъ до головы — и изъ его плевковъ выростали цвѣты оскорбленной любви; Эренбургъ со всей старательностью комиссіонера, взявшаго подрядъ на патріотизмъ, вопилъ, предвѣщалъ, билъ себя въ перси — и отъ его любви къ Россіи чадомъ валили омерзѣніе, ненависть, жажда погибели Россіи. Въ стихахъ о кануна̀хъ еще были потуги творчества и къ нимъ еще можно было подходить съ критеріемъ искусства; «Молитва о Россіи», цѣликомъ укладывалась въ причитанья нанятой плакальщицы — а какъ плакальщица онъ плохо выполнилъ свою обязанность... Чувствовалось что тѣ-же слезы продаются на любой случай: замолить «грѣхи города Рима» — какъ онъ писалъ въ своей первой книгѣ, — или оправдать новую суровую культуру отказа и гибель гнилого запада — какъ онъ проповѣдывалъ въ свой послѣдній пріѣздъ въ Парижъ...

Теперь человѣкъ въ огромной шляпѣ взялъ

Digitized by Google

новое комиссіонное порученіе — поссорить зарубежныхъ писателей съ писателями, оставшимися тамъ, за великой китайской стѣной. Съ той-же старательностью и съ тѣми же нанятыми слезами, подъ ходульными косноязычными заголовками, изобрѣтая никогда не сказанныя слова, выдергивая отдѣльные двусмысленные пассажи, онъ плачетъ, вопитъ, бьетъ себѣ въ грудь. Въ 1917 онъ молился о спасеніи Россіи отъ большевиковъ, теперь онъ хочетъ, но не смѣетъ, пытается, — но виляетъ, — молиться о спасеніи большевиковъ отъ Россіи...

...«Метро величайшее изобрѣтеніе западной цивилизаціи. Все это я любилъ, все это было мнѣ близко и дорого, но все это гніетъ, зрѣетъ въ Россіи суровая культура» и т. п. — съ кривляньями, съ истерикой, засыпая пепломъ собственную грудъ, чужой коверъ, лицо собесѣдника, гнусавилъ онъ въ Парижѣ на квартирѣ у одного здороваго писателя... Писатель теперь ходитъ по знакомымъ и спрашиваетъ: нельзя ли безъ Ильи Эренбурга?

8.

Скоро снова повалитъ снѣгъ, завоютъ вѣтры и бѣлымъ каркасомъ затянется Великая Пустыня. Первая мятель безъ Блока. Толкова-

Digitized by Google

тель мятелей ушелъ. Что услышалъ онъ въ зовѣ своей послѣдней весенней мятели?...

... Но милый Лео я не лгу —
мнѣ холодно, въ моей душѣ морозъ...

...Его бытіе, его творчество, его сновидѣнія.. Когда-то Андрей Бѣлый пытался ихъ замкнуть въ опредѣленіи — «трагедія трезвости». Черезъ полгода появились «Двѣнадцать» — если это трезвость, такъ уже конечно отъ великой привычки ко всяческому зелью...

Иныя слова самъ о себѣ сказалъ Блокъ въ неконченномъ «Возмездіи» —

Жизнь безъ начала и конца,
Насъ всѣхъ подстерегаетъ случай,
Надъ нами сумракъ неминучій,
Иль ясность Божьяго лица.

Вотъ здѣсь то, что греки выражали понятіемъ — «Эйдосъ»... Самая сокровенная сущность, самый глубинный смыслъ!...

Начала терялись: «рожденные въ года глухіе, пути не помнятъ своего, мы, дѣти страшныхъ лѣтъ Россіи, забыть не въ силахъ ничего»... Начала обрѣзала судьба: на плитахъ Италіи мудрость язычниковъ напоминала о Неизбѣжной Гостьѣ, въ глушь розовыхъ зарослей доносился погребальный звонъ и въ итальянскихъ стихахъ Блокъ шелъ такъ, будто кромѣ

Digitized by Google

собственной тѣни позади, иная неотвязная тѣнь впереди — смотрѣла въ глаза и отравляла запахомъ тлѣна.

Пѣснь Гаэтана—гимнъ радости—страданью. Мысль Блока — покорность судьбѣ и любовь къ судьбѣ...

У автора «Двѣнадцати» не оказалось концовъ: всѣ пережитыя имъ жизни растворились, оборвались въ тотъ январьскій вьюжный денекъ 1918, когда впервые прошли двѣнадцать апостоловъ въ красноармейскихъ шинеляхъ, щелкая затворами, горланя свою странную пѣсню. На Офицерской улицѣ, въ красномъ городѣ Петроградѣ, подъ ревъ грузовиковъ, лай пулеметовъ, ропотъ замерзающихъ — его посѣтило видѣніе, тридцать лѣтъ назадъ на высотахъ Энгандина повстрѣчавшее безумца Ницше.

И новая мысль Блока и музыка «Двѣнадцати» (для тѣхъ, конечно, кто умѣетъ слышать музыку) — больше, чѣмъ кошмаръ, сильнѣе, чѣмъ зовъ, сложнѣе, чѣмъ жажда дешевой символики. По мощи его музыка равна «вѣчнымъ возвращеніямъ»: ее можно было или, не услышавъ, не узнать, или, услышавъ, умереть. Блокъ умеръ, какъ за двадцать лѣтъ до него умеръ Ницше, какъ за два года умеръ Розановъ. Розановъ пробовалъ бороться, метался, бредилъ, шесть разъ подрядъ исповѣды-

Digitized by Google

вался въ поискахъ луковки спасенія... У Блока нашлось мужество: сердце остановилось. А у обоихъ начала и концы въ Заратустрѣ: incipit tragoedia...

Колесница большевизма уже мчалась по Россіи. Отъ октября еще зіяли купола Кремлевскихъ соборовъ.

Въ нетопленной московской квартирѣ сидѣлъ золотоволосый мудрый поэтъ, чей обликъ воскрешаетъ Тютчева. Пѣвучимъ старческимъ голосомъ, кутая въ пледъ зябнущія колѣна (Тютчевская поза...) онъ говорилъ о Блокѣ и Бѣломъ. Съ обоими его связывали стародавнія отношенія: долгое время онъ былъ для нихъ хранитель тайнъ, жрецъ посвященныхъ, таинственный волхвъ. Андрей Бѣлый главу за главой читалъ ему въ рукописи «Петербургъ» и многое въ изумительномъ романѣ обязано совѣтамъ золотоволосаго старика.., Блокъ, духовно возросшій въ его домѣ, писалъ о немъ: «слегка согбенъ, ни старъ ни молодъ, весь излученье тайныхъ силъ, о сколькихъ душъ пустынный холодъ своимъ ты холодомъ пронзилъ...»

«Я начинаю сомнѣваться въ Бѣломъ. Помню давно-давно въ Петербургѣ я его въ шутку называлъ «Гоголекъ» и въ серьезъ полагалъ, что онъ выростетъ въ Гоголя. Но... эта безумная

Digitized by Google

эрудиція, но эта преждевременная «переписка съ друзьями»... Наврядъ, наврядъ. Безъ остатка пожралъ его Штейнеръ. Нельзя безнаказанно волховать три года въ Гетеанумѣ» (храмъ культа Гете, воздвигнутый теософомъ Штейномъ въ Швейцаріи)...

Переходя къ Блоку, пѣвучій старикъ взволнованно, нѣжно, охватывающе заговорилъ объ опасности для него большевистскаго коня блѣднаго. «Конь большевистскій опасенъ для всѣхъ, кто горячъ, ибо въ позиціи антибольшевизма неизбѣжна корневая бездарность, роковая обреченность... Бѣлаго спасетъ паѳосъ, многорѣчіе, у Блока все перегоритъ внутри, и будетъ онъ испепеленъ»...

Черезъ мѣсяцъ вышли «Двѣнадцать». Въ первый разъ поэма была напечатана въ лѣвоэсеровской газетѣ «Знамя Труда». — Совершилось величайшее трагическое недоразумѣніе. Блока превратили въ лѣваго эсера. Стаи косноязычныхъ партійныхъ шакаловъ бросились на митинги цитировать «Двѣнадцать». Блока расклеили плакатами на заборахъ исполкомовъ, въ станціонныхъ буфетахъ, въ общественныхъ ретирадахъ...

Но это было еще не самое худшее: трагедія только начиналась. Потомъ появился злой геній Блока — Ивановъ Разумникъ. Линючее самовлюбленное существо — мальчикъ изъ

Digitized by Google

колбасни, которому все понятно и который все берется объяснить. «Двѣнадцать» получили въ придатокъ предисловіе Иванова-Разумника съ рекордной по пошлости расшифровкой: «новое христіанство», «откровеніе въ грозѣ и бурѣ», «духовная революція» и т. д. и т. д.

Не у каждаго великаго поэта есть свой докторъ Эккерманъ, но каждому грозитъ Ивановъ-Разумникъ...

Съ безконечной грустью перечитывалъ Блокъ «толковый словарь» къ его поэмѣ. «Какъ волнуетъ меня то, что этотъ человѣкъ написалъ. Я такъ не люблю подобную шумиху. Это мнѣ дорого обойдется»...

Обошлось сравнительно недорого. Вслѣдъ за Ивановымъ-Разумникомъ присяжные критики пролектульта и освага, захлебываясь одни отъ восторга, другіе отъ бѣшенства, на всѣхъ парахъ принялись развивать тезу великаго петербургскаго пошляка. Въ Москвѣ «Двѣнадцать» заставляли читать повзводно; въ одномъ изъ южныхъ городовъ бѣлый полицмейстеръ запретилъ на вечерѣ Блока читать его «большевистскіе стихи»... Въ общемъ, что и требовалось доказать. Дураки остались вѣрны похвалѣ глупости.

Тому, кто хоть разъ въ жизни прочелъ «Двѣнадцать» тому, кто сумѣлъ *услышать*, не

Digitized by Google

приходится объяснять разницу между катастрофическимъ сознаніемъ новой эпохи и коммунистическимъ манифестомъ. Если же каждый геній, въ чьей душѣ звучитъ музыка предчувствій, заранѣе приговоренъ къ расклейкѣ на заборахъ, тогда остается посовѣтывать коминтерну и всѣмъ Разумникамъ всего міра широко использовать Христа и Ницше! Тѣмъ съ большимъ успѣхомъ и большей безопасностью, что... величіе души не заразительно.

Отъ Блока не отойдетъ столѣтіе. Двадцатый вѣкъ въ русской поэзіи опредѣлится его плеядой какъ девятнадцатый плеядой Пушкина. Безъ Блока мы уже не можемъ. Онъ присутствуетъ своимъ стихомъ въ творчествѣ поколѣній какъ трагедія его послѣднихъ лѣтъ озаряетъ особеннымъ свѣтомъ обще русскую (быть можетъ міровую?) трагедію.

Блокъ — узникъ Сѣверной коммуны, — отметая масштабы и сопоставленія вглубь, — такое же единственное явленіе, какъ Петрарка въ Авиньонѣ, Вольтеръ въ Фернеѣ, Левъ Толстой въ Ясной Полянѣ.

Онъ былъ немногословный, замкнутый, съ гордой застѣнчивой душой, съ земнымъ усталымъ сердцемъ, съ мыслью, перерѣзанной горними молніями. Онъ носилъ въ себѣ нес-

Digitized by Google

частье Россіи, самое Россію, перегорѣвшую и распыляющуюся. Онъ зналъ судьбу, которая его и его ношу ожидаетъ тамъ, въ третьей, отрекшейся... Онъ доживалъ послѣдніе дни въ страшномъ отъединеніи среди голодныхъ, продающихъ, растлѣнныхъ — тоскующій, непримиренный, задавленный тяжестью грядущаго. Голодалъ, замерзалъ, стоялъ въ хвостахъ и однажды въ очереди за яблоками пріѣзжій молодой человѣкъ, замѣтивъ страннаго сосѣда съ лицомъ скандинавскихъ мореплавателей, спросилъ у знакомаго — «Что здѣсь дѣлаетъ этотъ шведскій шкиперъ?...»

«Въ дѣтствѣ—вспоминалъ Блокъ — у меня была горячая мечта — стать юнгой. Теперь мнѣ сорокъ лѣтъ, на корабль я такъ и не поступилъ, а все сувствую себя почему-то морякомъ»...

...На эстрадѣ обычный лѣво-эсеровскій докладъ: ярмарочное остроуміе, картонные катаклизмы, взлеты ужа въ небо. Желтыя умирающія лампочки, нетопленный залъ, кажущійся огромнымъ, какъ снѣжная степь. Батюшковъ въ валенкахъ и драной шубейкѣ. Венгеровъ запустилъ пятерню въ лохматую бороду, время отъ времени строчитъ въ блокнотъ. Боюсовъ — надменный, торжественный и жалкій въ своемъ неизмѣнномъ черномъ сюртукѣ и красномъ галстухѣ при золотой цѣ-

Digitized by Google

почкѣ; презрительные молодые люди въ кожаныхъ курткахъ; Маяковскій скучаетъ... нужно поддерживать репутацію; лѣниво, нехотя, стучитъ онъ ногой по пюпитру и кричитъ — «хамъ»... Въ самомъ заднемъ ряду, на маленькомъ полусломанномъ стульчикѣ сидѣлъ Блокъ въ «шкиперскомъ нарядѣ»; развязный угреватый «лѣвый эсеръ» что-то шепталъ ему на ухо, а онъ сидѣлъ неестественно спокойный, изсиня блѣдный, полузакрывъ прекрасные глаза, стараясь слушать и сосѣда и докладчика и многочисленныхъ оппонентовъ. Такой безысходной обреченностью вѣяло отъ всей его фигуры, что вспомнились еще и еще разъ его любимыя строки изъ Лермонтова (повторенныя во множествѣ его статей въ «Аполлонѣ» и «Золотомъ Рунѣ»):

Скакунъ на волю господина
Изъ битвы вынесъ, какъ стрѣла,
Но злая пуля осетина
Его на волѣ догнала.

Въ баснословные дни той Россіи, въ своей прежней квартирѣ на Галерной, въ маленькомъ кабинетѣ, половину котораго занималъ ковровый диванъ, Блокъ безъ всякой внѣшней связи съ разговоромъ прочелъ эти четыре строки. Прочелъ, какъ онъ читалъ всегда: глухо, вкладывая особую значительность. По-

Digitized by Google

томъ промолчалъ съ минуту и прибавилъ — «На дняхъ я работалъ надъ переводомъ Флобера, вспомнилъ злую пулю осетина и съ ясностью ощутилъ, что ни переводъ Флобера ни большой программы своей жизни не докончу. И «Возмездіе» мнѣ не удастся закончить»...

Въ этомъ же году въ таинственномъ стихотвореніи — «Было то въ темныхъ Карпатахъ» — онъ писалъ: Спи старый другъ, терпи, терпи... *Терпѣть не долго*, крѣпче спи... Все равно, все пройдетъ, все равно вѣдь никто не пойметъ,... ни тебя не пойметъ ни меня, ни что вѣтеръ поетъ намъ, звеня...

Выстрѣлъ Дантеса, выстрѣлъ Мартынова, Сѣверная Коммуна. Снова полупонятый, снова «съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ».

Скоро въ степи завоетъ вѣтеръ, скоро лихой человѣкъ начнетъ свой обходъ, ударяя морозомъ, засыпая снѣгомъ, кружа въ мятели.

Толкователь мятелей ушелъ. Быть можетъ споютъ онѣ о такой веснѣ, что лучше бы на вѣкъ оставалась зима!..

«Надъ нами сумракъ неминучій»...

9.

Снова Пречистенскій бульваръ, тоже въ снѣгу, тоже пустынный, молчащій, грозный, тоже въ хлопьяхъ мокрой городской мятели.

Digitized by Google

Я отогрѣваю запотѣлое стекло, разглядываю рѣдкихъ одиночекъ и вспоминаю людей, что прошли незамѣтно, не написавъ поэмы, ни вылѣпивъ статуи, ни породнившись съ симфоніей. Съ поднятыми воротниками, съ покраснѣвшими носами они встрѣчались въ какихъ-то переулкахъ и скромно ныряли въ сугробы. Навсегда, хотя по прежнему съ неистовымъ карканьемъ перелетали вороны и окоченѣлый колоколъ дребезжалъ, возвѣщая смерть...

...Пала Варшава и на Кузнецкомъ затараторила польская рѣчь.

Отъ «живого тѣла Польши» онъ сохранилъ корпорантскую фуражку съ крошечными полями и какой-то исключительно польскій надрывъ. Встрѣтить въ кафэ героя Пшибышевскаго — это всегда тяжело, а тутъ еще двадцатиградусный морозъ, пальтишко его драное, лодзинскаго вѣтрогоннаго матеріала, рѣчь торжественная, уснащенная періодами со сказуемыми на концѣ, сдобренная безконечными цитатами изъ Ницше, Словацкаго, Берндта. Впервые я его встрѣтилъ въ университетѣ. Пришелъ онъ чуть ли не съ поѣзда и сразу же прочелъ докладъ — «этика трагизма у Ницше», а потомъ послѣ преній возбужденной толпѣ встрепенувшихся пораженцевъ прославлялъ Пильсудскаго, формировавшаго легіоны для австрійской арміи.

Digitized by Google

А какъ же вы съ московскимъ гостепріимствомъ такъ поступаете?..

Польскій жестъ закручиванья усовъ и характерный отвѣтъ: «въ пораженіи московитскій имперіализмъ искупитъ вину предъ Польшей»...

Очень часто, порой ежедневно, приходилъ къ намъ въ домъ, присаживался къ печкѣ, отогрѣвался — съ неуклюжихъ ботинокъ стекали ручьи на коверъ — и начиналъ доказывать варварство русской культуры. Говорилъ о вліяніи, которое Мицкевичъ имѣлъ на Пушкина. Не жалѣлъ ни акцента, не преувеличеній, ни завѣдомой лжи. Потомъ разсказывалъ содержаніе романа Берндта «Гнилушки». Каждый разъ съ одинаковыми жестами, воспроизводящими въ точности Фалька, каждый разъ все больше подчеркивая преимущества польской прозы. Бралъ взаймы отъ двадцати пяти рублей до ста, судя по обстоятельствамъ. Буркнувъ — «на три недѣли максимумъ», хлопалъ дверью и пропадалъ въ сугробахъ. Денегъ никогда не отдавалъ. Шатался по всему городу, завсегдатаемъ сталъ въ разнообразныхъ кофейняхъ: каждому лестно послушать, что Россія навозъ, пригодный лишь для взращенія германской культуры. Подсаживались къ его столику люди, представлявшіеся радикалами и полонофилами. Онъ уси-

Digitized by Google

ливалъ темпъ рѣчи; дойдя до Пильсудскаго, заказывалъ бигосъ. Радикалы умилялись и платили.

Стыдилъ, что мы не знаемъ польскаго языка и не можемъ пріобщиться къ культурѣ славянскихъ французовъ. Набралъ уроковъ, но манкировалъ невѣроятно. Если и приходилъ, то по русски разсказывалъ о нашихъ новыхъ пораженіяхъ. По большей же части сидѣлъ въ своей любимой польской цукарнѣ на Срѣтенкѣ, курилъ безостановочно и писалъ какія-то письма.

Къ революціи отнесся сперва саркастически...

«Подождите, подождите, придетъ и для вашей сволочи Муравьевъ вѣшатель и отомститъ за польскую Вильну. Дѣдъ вѣшалъ поляковъ, внуки перевѣшаютъ другъ друга».

Въ серединѣ марта, когда красные банты уже вышли изъ моды, а полиція еще не сорганизовалась, неожиданно задѣлался помощникомъ комиссара второй Тверской части по наружной охранѣ. Черезъ недѣлю на допросѣ задержаннаго по подозрѣнію въ грабежѣ, пришелъ въ изступленіе и разрядилъ цѣлую обойму Нагана въ голову мнимаго преступника...

Опасаясь мщенія заметался, забѣгалъ и въ концѣ концовъ перевелся въ Оршу.

Digitized by Google

Прослужилъ тамъ до нѣмцевъ, потомъ юркнулъ въ нѣмецкую Варшаву, дѣлалъ карьеру на знаніи Россіи. Послѣ армистиса истязалъ застрявшихъ нѣмцевъ. Теперь онъ—какая-то большая шишка по полицейской части... Москвичей, бѣжавшихъ въ Польшу, ссылаетъ въ концентраціонные лагеря. О Берндтѣ больше нигдѣ и никому не разсказываетъ. Корпорантская фуражка съ крошечными полями давно уступила мѣсто котелку. По русски говорить разучился, по французски не выучился, хотя въ отвѣтъ на русское обращеніе отвѣчаетъ съ невѣроятнымъ акцентомъ: «Pardon, monsieur, je ne comprends rien»...

...Въ полдень къ нашему дому, посапывая, подкатывалъ старенькій автомобиль. Ни шоффера, ни пассажировъ. Одна лишь высокая дѣвушка съ волосами цвѣта свѣже скошеннаго сѣна, въ сѣромъ свитрѣ, въ мѣховыхъ сапогахъ, пропахшая бензиномъ, морозной пылью, чудовищной энергіей. Только у женщинъ спортсмэновъ бываетъ такая энергія. Каждый день ей казалось, что моторъ не въ порядкѣ. Натягивала кожаныя руковицы, вооружалась грудой щипцовъ, клещей, буравчиковъ и, злобно закусивъ губы, ныряла головой въ моторъ.

Пріѣзжала она за жирнымъ адвокатомъ изъ двадцать шестого номера. Былъ онъ уполно-

Digitized by Google

моченный земгора, всегда сонный, всегда жмурится, всегда ежится, какъ вялый осенній комаръ. Женихъ ли? дядя ли?, начальство ли? Чортъ его знаетъ. Лицеистъ изъ девятнадцатаго номера за цѣлыхъ полчаса до прибытія испорченнаго мотора, сходилъ въ вестибюль, усаживался на табуретѣ, клалъ на колѣни одну и ту же книгу — «Догма Римскаго Права», проф. Митюкова и, не раскрывая книги, что-то шепталъ, глядя на засиженный мухами Жоржъ — Бормановскій календарь: «четвергъ 17 октября, память чудеснаго спасенія Августѣйшей Семьи на Ст. Борки. Консомэ съ пирожкомъ, осетрина-майонезъ, индѣйка жареная и салатъ по сезону, мороженое пралинэ. Наши пряли, ваши спали, у семи нянекъ дитя безъ одного глаза. Продолжительность дня»... Уголокъ листка швейцаръ оторвалъ на цыгарку.

Межъ лицеистомъ, дѣвушкой въ свитрѣ и жирнымъ адвокатомъ существовали какія-то странныя отношенія. Здоровались они, не глядя другъ на друга... «Н-ну что будущій вице-губернаторъ, какъ подвигается ваша догма»? — мычалъ адвокатъ, принимая отъ швейцара корреспонденцію. Лицеистъ, молча подавалъ руку. Молчала и дѣвушка въ свитрѣ. Если случайно ихъ глаза встрѣчались, оба вспыхивали, и она яростно набрасывалась на свой несчастный моторъ.

Digitized by Google

Полдень за полднемъ, бѣлѣлъ снѣгъ на бульварѣ, бѣлѣли цвѣтущія яблони въ садикѣ, что на Сивцевомъ Вражкѣ; свѣтръ замѣнялся чесунчевымъ костюмомъ, мѣховые сапоги легкими туфельками. Адвокатъ съ жарой становился еще сонливѣе, на каждой площадкѣ останавливался, протяжно зѣвалъ: «Господи, когда жъ эта волынка кончится»... Въ серединѣ лѣта лицеистъ исчезалъ на шесть недѣль, возвращался въ концѣ августа, загорѣвшій, веснушчатый съ бритой головой и выцвѣтшими бровями. Клалъ догму римскаго права на колѣни и погода портилась — автомобиль, посапывая, хлюпалъ по лужамъ и обдавалъ грязью толпу бабъ стоявшихъ внизу, у кооператива, за керосиномъ и дрожжами.

Два года, какъ два часа. Въ то утро, когда на Волхонкѣ залаялъ пулеметъ и трамваи не вышли изъ парковъ, автомобиль не пріѣхалъ. Жирнаго адвоката точно муха какая ужалила. Еще молочница не приходила, а онъ уже выскочилъ на лѣстницу въ огромной дохѣ, долго оралъ на швейцара, грозилъ съ кѣмъ-то посчитаться и такъ стукнулъ парадной дверью, что Жоржъ — Бормановскій календарь запрыгалъ на ржавомъ гвоздѣ...

Ни адвоката, ни автомобиля, ни дѣвушки въ свѣтрѣ я больше никогда не видѣлъ.

Digitized by Google

Позапрошлымъ лѣтомъ въ спискѣ разстрѣленныхъ по дѣлу о Московскомъ заговорѣ значились всѣ трое: адвокатъ такой-то за руководство пречистенскимъ отдѣломъ, его любовница такая-то за развозъ членовъ боевой организаціи въ автомобилѣ подъ флагомъ земсоюза.

Лицеиста я встрѣчалъ въ Константинополѣ въ саду Таксимъ. Онъ совсѣмъ опустился. Ходилъ въ драныхъ, офицерскихъ штанахъ, въ засаленномъ черномъ пиджакѣ. Воротничекъ картонный, грязный. Вмѣсто галстуха теплое кашнэ. За юсъ пара онъ покупалъ половину круглаго хлѣба и забирался въ аллею надъ самымъ Босфоромъ. Тамъ же нерѣдко оставался ночевать, если удавалось обмануть бдительность кавасовъ. Оказалось, что дѣвушка въ свитрѣ осенью пятнадцатаго года стала его невѣстой. Но потомъ, уѣхавъ на фронтъ, гдѣ-то въ Луцкѣ встрѣтила и полюбила жирнаго адвоката — кузэна его мачихи.

10.

Во всероссійскомъ цикѣ или по-просту въ концертномъ залѣ Мамонтовскаго «Метрополя» два человѣка напоминаютъ неизмѣнной трубкой Маниловскаго друга — поручика съ нѣжной душой. Они подобно классическому пору-

Digitized by Google

чику не выпускаютъ трубки изо рта не только въ залѣ засѣданій, но и въ иныхъ деликатныхъ мѣстахъ. Одинъ—Радекъ, другъ берлинскихъ кельнершъ, малопочтенный, но оригинальный джентльменъ, о которомъ приходилось говорить достаточно часто.

Другой — кратковременный посолъ въ Варшавѣ, человѣкъ, который «дополнилъ» Брестъ, вдохновитель и опора Чичерина, побѣдитель Савинкова — товарищъ Караханъ. Крещенскими морозами, въ нетопленномъ залѣ разграбленнаго загаженнаго Тарасовскаго особняка на Спиридоновкѣ, вы встрѣчаете экзотическаго брюнета; борода, лицо, брови, глаза, волосы — весь онъ обожженъ далекимъ южнымъ солнцемъ, о которомъ такъ сладко мечтать вечеромъ, когда тухнетъ буржуазка и замерзаетъ вода въ умывальникѣ... Такіе до красноты, до пожара темные люди встрѣчаются на полянахъ Копсихора, въ Отузскихъ садахъ, въ Ріонской долинѣ...

На его тощихъ короткихъ ногахъ легонькія брючки въ свѣтло-сѣрую съ крапинкой клѣточку: лѣтъ пять назадъ такой клѣточкой увлекались въ Брайтонѣ, Довиллѣ, Біаррицѣ, но и по-нынѣ она способна довести до восторга провинціальныхъ парикмахеровъ, полтавскихъ экстерновъ, начинающихъ венерологовъ, не имѣющихъ практики.

Digitized by Google

По пятамъ за огненнымъ брюнетомъ шелеститъ вылощенный юноша — обладатель увѣсистой папки и фамиліи самаго популярнаго въ Россіи бѣльевого магазина.

Караханъ прислоняется къ поломанному радіатору и сосетъ трубку; юноша дѣлаетъ знакъ служителю — и въ залъ вваливается разноплеменная, равно оборванная толпа. Просители робко подходятъ, протягиваютъ бумагу юношѣ и пытаются произнести подобающій спичъ... но юноша презрительно отмахивается, пробѣгаетъ, скучая, бумагу и, если она кажется ему заслуживающей вниманія, роняетъ сухимъ, выработаннымъ тономъ: «Пройдите къ товарищу Карахану»... Окончательно задерганный проситель направляется къ радіатору и возобновляетъ попытку краснорѣчія, но и брюнетъ слушаетъ его лишь съ полминуты; потомъ, не вынимая изо рта трубки, киваетъ головой. Аудіенція окончена...

Да, онъ не словоохотливъ этотъ замѣститель наркоминдѣла. Говорятъ, что любовью къ молчанію онъ завоевалъ любовь Ильича. Никогда не спорилъ, не острилъ, не язвилъ, смотрѣлъ въ сторону хозяина и подражалъ его жесту: подымать руку — такъ подымать, опускать — такъ опускать. За четыре года существованія самой счастливой въ мірѣ рес-

Digitized by Google

публики Караханъ не сказалъ и четырехъ рѣчей. Придетъ въ «Метрополь», подымитъ у предсѣдательской трибуны и спокойно засядетъ въ буфетѣ до момента голосованія.

Брестской весной, послѣ того, какъ Троцкій уѣхалъ, не воюя и не мирясь, Ленинъ рѣшилъ послать Карахана заглаживать конфузъ и подписывать, не читая и не оскорбляя новыми рѣчами болѣзненный слухъ генерала Гофмана. Молчаливый человѣкъ выслушалъ инструкцію, посопѣлъ трубкой въ знакъ того, что понялъ возложенную задачу, одѣлъ свои кронныя брючки и поѣхалъ въ сопровожденіи другого, не очень умнаго мужчины — Сокольникова. Прошло три дня; форсированный маршъ нѣмцевъ по Украйнѣ и Приазовью продолжался, авангардъ міровой революціи по привычкѣ сдавался въ плѣнъ, отъ Карахана ни слуху ни духу...

3 марта утромъ пришла телеграмма: «Вышлите поѣздъ на станцію Псковъ»... Лаконизмъ телеграммы не оставлялъ никакихъ сомнѣній: вѣроятно Гофманъ выставилъ новыя неисполнимыя требованія, быть можетъ потребовалъ включенія Москвы въ зону украинскаго универсала — и Караханъ возвращается, не солоно хлебавши. Загудѣли мотоциклетки. Изъ штаба на Остоженкѣ въ Кремль, изъ Кремля на Скобелевскую площадь — въ

Digitized by Google

московскій совѣтъ. Засѣдали цѣлую ночь, Ленинъ просилъ какъ-нибудь покороче и потому Троцкій произносилъ рѣчь съ перерывомъ, съ цитатами и автобіографическими справками...

Выработанныя мѣры не отличались большой оригинальностью. За подписью Совнаркома, цика и московскаго совдепа заборъ у ресторана «Прага» объяснилъ арбатскимъ жителямъ, что несмотря на миролюбіе совѣтской республики и ея территоріальную незаинтересованность, германскіе имперіалисты отказались подписать миръ, что за храненіе оружія отнынѣ причитается разстрѣлъ на мѣстѣ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ каждый честный гражданинъ обязанъ при встрѣчѣ съ объявленными внѣ закона, вынимать браунингъ и палить... Для благозвучія въ концѣ приказа слѣдовала традиціонная угроза помѣщикамъ, банкирамъ, капиталистамъ, агентамъ антанты и пр., кого требуетъ Лубянскій этикетъ.

...А къ вечеру пріѣхалъ Караханъ. Вышелъ изъ вагона и предложилъ поздравить рабочихъ всего міра съ миромъ. Какъ? Почему?! Недоразумѣніе легко разъяснилось. Молчаливый дипломатъ считалъ фактъ подписанія настолько несомнѣннымъ (вся церемонія продолжалась около двухъ минутъ), что о немъ, не стоило упоминать въ телеграммѣ...

Digitized by Google

Миръ, конечно, заключенъ, но нельзя же заставлять сидѣть въ Псковѣ въ ожиданіи поѣзда...

Съ этихъ поръ Карахана освободили отъ обязанности вояжировать и перевели на письменныя упражненія. Ежедневно составлять исполинскую порцію Чичеринскихъ нотъ!.. Вотъ что значитъ довѣрять человѣку... Нота за нотой, вранье и угрозы, бахвальство и провокація, обѣщанія и насмѣшки... Ленинъ читаетъ, одобряетъ, только совѣтуетъ писать болѣе ясно, болѣе красочно. Не Каутскій, а соціалъ-предатель Каутскій, не на «Quai d'Orsay полагаютъ», а «наглый лай буржуазныхъ псовъ» и т. д.

Четыре года нотъ, тихіе юбилеи, важность которыхъ способны оцѣнить лишь дактило и мальчикъ при ротаторѣ...

По прежнему собачій холодъ въ залѣ; по прежнему въ кабинетѣ приходится топить столами, кроватями, диванами. У Карахана дрожатъ клѣтчатыя ножки, онъ сосетъ трубку, соглашается съ Ленинымъ, голосуетъ и пишетъ, пишетъ, пишетъ... Тѣмъ временемъ идетъ мышиная возня. Ѣздятъ взадъ и впередъ. Красинъ разсказываетъ о Пикадилли и увѣряетъ, что такихъ брюкъ больше не носятъ. Литвиновъ высмѣиваетъ наивность эстонскаго правительства, Ганецкій шлетъ къ празднику

Digitized by Google

кулекъ латышскаго масла, но отказывается вести скромный образъ жизни, Копенгагенскій Игнатьевъ опять послалъ сѣмена на незастрахованномъ пароходѣ — и грузъ утонулъ... Въ разборѣ всѣ. Миръ съ Польшей. Не осталось больше никого изъ числа лицъ, заслуживающихъ довѣрія. Молчаливаго человѣка съ трубкой посылаютъ въ Варшаву. Онъ пріѣзжаетъ, садится писать и засыпаетъ нотами всѣ учрежденія Польскаго государства. Обманулъ поручикъ Масловскій — продалъ фальшивые документы: сто нотъ; задерживаютъ высылку Савинкова: двѣсти нотъ... Всѣхъ перьевъ воскресшей Польши не хватаетъ, чтобы поспѣть за продуктивностью совѣтскаго посла.

Второго Карахана нѣтъ въ цѣлой Европѣ: гдѣ Бріанъ произноситъ программную рѣчь, Караханъ затягивается... максимумъ три затяжки...; гдѣ лордъ Керзонъ пишетъ меморандумъ въ двадцать строкъ, Караханъ рождаетъ вкладной листа Times'a...

11.

«Трехногій богъ» залѣзъ въ наши комнаты. Начадилъ, надымилъ, тяжкимъ молотомъ застучалъ по головамъ. И отъ чада въ какой-то тарантеллѣ закружилась послѣдняя московская зима.

Digitized by Google

«Мнѣ холодно, мнѣ страшно», шепталъ умирающій Шингаревъ.

Оставалось: либо въ монахи либо въ спекулянты. Никому и не снилось, въ какія формы отольется то, что мерещилось лишь нехорошимъ сномъ и пока что поглядывало пулеметными дулами изъ кремлевскихъ амбразуръ.

Сергѣй Булгаковъ, Сергѣй Дурылинъ приняли священный санъ; кое-кто зачастилъ въ Иверскую, кое-кто сразу сообразилъ и сѣвернымъ путемъ бѣжалъ въ Европу. Остальными овладѣлъ смерчъ спекуляціи. Центръ циклона придется позже — въ 1919-1920 — на иныя мѣста: Украйну, Донъ, Крымъ; начало было заложено здѣсь. Если большевизмъ не смогъ дать рабочимъ восьмичасоваго рабочаго дня, то остальнымъ онъ показалъ съ ослѣпительной убѣдительностью истину; брезжившую еще въ годы войны. Нужно не работать, а ѣздить. Передвиженіе тѣ-же деньги. Если бы въ Москвѣ, Орлѣ, Курскѣ существовали одинаковыя цѣны на сахаръ, было бы не три города, а одинъ... Въ рабочемъ днѣ нѣтъ ни восьми часовъ, ни шести, ни трехъ, ни одного... Звоните по телефону и остальное приложится.. Новаго не было въ этомъ московскомъ сознаніи весны 1918. И здѣсь большевизмъ остался трогательно вѣренъ отрыжкамъ войны, лишь

Digitized by Google

усиливъ до размѣровъ катаклизма намѣченное пунктирами. Война дала — «главковерха», большевизмъ — «наркомпомордѣ»; война дала контръ-развѣдку, большевизмъ — чека; война фантастикой казенныхъ цѣнъ взяла промышленность на содержаніе, большевизмъ пришелъ къ милліардамъ расходовъ на рабочія руки и къ милліонамъ доходовъ отъ производства; война породила земгусаровъ, всеобщее участіе въ спекуляціи, всеобщее распространеніе коммерческихъ талантовъ, большевизмъ — апоѳеозъ земгусарства...

Молодые люди, привыкшіе ѣздить по «литерѣ А», съ командировочными, суточными, подъемными и пр., не смогли оторваться отъ четырехлѣтней плѣнительной привычки.

Можно было сломить буржуазію — она не была классомъ и не имѣла классоваго сознанія, нельзя было сломить земгусарство — къ моменту октябрьскаго переворота оно представляло единственный выкристаллизованный классъ въ Россіи. Военные трутни, альфонсы крови...

Кончились литеры, суточныя, подъемныя, но молодые люди по привычкѣ натянули поддевки, по привычкѣ сѣли въ поѣздъ, по привычкѣ что-то гдѣ-то купили и привезли въ Москву. Раньше они совершали подобныя сдѣлки «пополамъ» съ общественными учре-

Digitized by Google

жденіями, теперь всю прибыль положили въ свой собственный карманъ.

Черезъ три мѣсяца послѣ октябрьскаго переворота въ Москвѣ не оставалось ни одного адвоката, ни одного инженера, ни одного режиссера, ни одного музыканта... Создалась мощная корпорація бывшихъ соратниковъ по земгору, земсоюзу, крестамъ всѣхъ цвѣтовъ и пр. Ѣздили въ Гельсингфорсъ за валютой, въ Курскъ за сахаромъ, въ Тамбовъ за хлѣбомъ...

Одинъ доцентъ-философъ въ теченіе двухъ недѣль объѣхалъ главные уѣзды Московской губ. и скупилъ по дешевкѣ купоны «Займа Свободы»; одинъ видный врачъ трижды въ мѣсяцъ бывалъ въ Гельсингфорсѣ и въ захваченномъ матросами «Société-Hôtel» пріобрѣталъ бриллианты октябрьскаго происхожденія. Выдающійся инженеръ-теоретикъ собралъ своихъ состоятельныхъ знакомыхъ и краснорѣчивыми цифровыми данными показалъ, что лучшія пѣнки снимаются обладателями транспорта. Немедленно ему ассигновали нѣсколько милліоновъ рублей на покупку грузовиковъ для установленія правильныхъ хлѣбныхъ рейсовъ Москва-Тамбовская губернія. До Пасхи дѣло шло такимъ темпомъ, что стоимость грузовиковъ, бензина, шоферскаго труда была покрыта нѣсколько разъ. На Пасху въ

Digitized by Google

Тамбовской губерніи вспыхнуло возстаніе. Инженера поймали вмѣстѣ съ грузовиками, заподозрили во «французскомъ шпіонажѣ» (!) и разстрѣляли.

Однако при всей радикальности разстрѣла совѣтская власть отлично понимала, что борьба съ вольными коммерсантами немыслима. Нужно было вернуть ихъ «in statu nascendi». Тутъ-то пришла на помощь идея совнархоза, заграничныхъ закупочныхъ комиссій, казеннаго продовольственнаго аппарата. Испытанная армія снова стала подъ ружье. Красинъ спасъ совѣтскую республику... Красинъ понялъ то, чего годомъ позже не смогли понять Колчакъ и Деникинъ. Они издавали свирѣпые законы, грозили, вѣшали мелкихъ приказчиковъ, но такъ и не добрались до идеи совнархоза, до идеи легализировать спекуляцію, сдѣлавъ изъ нея государственную службу. По этому и только по этому пути должна двигаться всякая русская власть, мечтающая о долговѣчности. Ибо третья Россія — дитя войны. Отрыжки войны — традиціи третьей Россіи...

Полное примиреніе большевиковъ со спекулянтами, подъ знакомъ котораго начинается 1922, страшнѣе, чѣмъ англо-русскій договоръ, грозитъ большими послѣдствіями, чѣмъ крушеніе Крыма.

Digitized by Google

Конечно, для чистоты коммунистической доктрины спекуляція — моментальная смерть. Но для продолженія опыта, для сохраненія власти спекуляція — лучшая подпора. Заключается вѣрнѣйшее соглашеніе, творится конституція, выражающая истинное соотношеніе силъ: вамъ — политика и право международнаго шантажа, намъ — экономика и свободная игра силъ. То, что англичане называютъ «fair play», то, что столько лѣтъ подрядъ проповѣдывали московскіе славянофилы. Формула нвоѣйшей конституціи — почти Аксаковская. Только тамъ, гдѣ Аксаковъ говорилъ «религія», стоитъ «спекуляція», «экономика», «торговля» (въ зависимости отъ этикета). Паѳосъ же славянофильской мысли сохраненъ полностью: народу обезпечивается свободное проявленіе его сущности. «Особенная стать» выпускается изъ пожизненнаго заключенія. Творимая ею третья Россія—по существу дѣла является первой: никогда — со дня пришествія варяговъ до конницы Буденнаго — Россія не строилась по волѣ народной. Или военныя поселенія Аракчеева или учредительное собраніе Виктора Чернова, или цинизмъ азіата Побѣдоносцева или, мечты европейца Кокошкина. Или право, не понятное и чуждое, или принужденіе, оскорбительное и тягостное.

Digitized by Google

Третья Россія — первая русская Россія...
Третья Москва — первая русская Москва...
1918 годъ — первый русскій годъ...
Заря спекуляціи — первая русская заря...
И послѣдняя московская мятель поетъ неслыханную первую пѣснь!..

Digitized by Google

ДЖЕТТАТОРЭ.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей
И корни ядомъ напоила...

А. Пушкинъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I

Вы чините карандашъ. Въ этотъ моментъ онъ входитъ въ комнату. Вы подымаете голову, смотрите ему въ глаза и отхватываете мякоть своего большого пальца...

Метръ д'отель разбѣгается къ вашему столу, по дорогѣ спотыкается обо что-то, падаетъ и ломаетъ ногу. Онъ заказалъ шатобріанъ-о-помъ. Проходитъ десять минутъ, внизу подъ заломъ раздается оглушительный взрывъ. Въ чемъ дѣло? Въ тотъ моментъ, когда поваръ снималъ шатобріанъ съ плиты, газъ взорвался и тяжко ранилъ повара и обоихъ его помощниковъ.

Вы идете съ нимъ по улицѣ. Навстрѣчу Вамъ мчится какой-то человѣкъ безъ шапки, вслѣдъ бѣгутъ полисмены и кричатъ «стой»! Человѣкъ не останавливается, полисмены стрѣляютъ и вы чувствуете острую боль въ плечѣ.

Если онъ сдалъ вамъ квартиру, въ первую же ночь пожаръ истребляетъ всѣ вещи и вы спасаетесь въ одномъ бѣльѣ. Онъ повезъ покатать на автомобилѣ вашихъ дѣтей, автомобиль попадаетъ подъ автобусъ, онъ

Digitized by Google

далъ вамъ контръ-марки на концертъ, при возвращеніи изъ театра васъ ограбили. Почтальонъ, несущій его письма, умираетъ отъ разрыва сердца. Пароходъ, на борту котораго имѣется онъ, — выходитъ въ штиль, а къ вечеру страшнѣйшая буря и кораблекрушеніе.

Не останавливайтесь съ нимъ на тротуарѣ: черепица раскроитъ вашу голову; не зовите его въ гости — въ домѣ будетъ смерть; не посвящайте его ни въ одну изъ вашихъ операцій — самое вѣрное дѣло сорвется и дастъ убытокъ, потому что цвѣтущій садъ, гдѣ онъ поспалъ въ гамакѣ, за одну ночь уничтожается градомъ, и городъ гдѣ онъ вѣнчался, посѣщаетъ чума.

Онъ — «джеттаторэ»; онъ — тотъ человѣкъ, котораго въ Италіи не пускаютъ ни въ рестораны, ни въ гостиницы, ни въ театры. Не надо твоихъ денегъ, не надо твоихъ подарковъ. Только уходи подальше... Если итальянецъ сидитъ за карточнымъ столомъ и къ нему приближается назнакомый человѣнъ онъ немедленао подымаетъ подъ столомъ два пальца — сакраментальный жестъ противъ джеттаторэ...

Русскій писатель, не вѣрившій ни въ сонъ, ни въ чохъ — рѣшился однажды снять домъ, принадлежавшій джеттаторэ. Задрожала вся

Digitized by Google

Италія, къ писателю ходили депутаты отъ его друзей и умоляли покинуть гибельный домъ. Онъ смѣялся: у него было во всемъ и всегда счастье Поликрата. Прошло немного лѣтъ — и на голову писателя упали такія бѣды, которыхъ не зналъ самъ Іовъ. Голодъ, нищета, смерть ворвались въ его жизнь...

Когда итальянцы узнали о его горѣ, они закатили глаза до бѣлковъ, подняли два пальца и трагическимъ шопотомъ сказали одно слова.

Джеттаторэ!..

2.

У джеттаторэ тысячи тысячъ личинъ: онъ ихъ мѣняетъ съ быстротой трансформатора, онъ жонглируетъ контрастами, сбиваетъ съ толку неожиданностями. То въ бронѣ военнаго корабля, то въ сутанѣ деревенскаго кюрэ, то въ цилиндрѣ растакуэра, то въ очкахъ ученаго, то въ формѣ заражающей отвлеченной идеи — онъ водитъ васъ отъ воспоминанія къ забвенію. Вы трете лобъ, вы напрягаете всѣ силы: что-то знакомое, какой-то отличительный штрихъ, это уже было, но гдѣ? когда?

Лишь, сломавъ вамъ въ конецъ голову, джеттаторэ возвращается въ одномъ изъ уже бывшихъ образовъ и больше сомнѣній нѣтъ.

Digitized by Google

Вы отчетливо вспоминаете на какой именно остановкѣ жизни вы повстрѣчались съ нимъ. Вы остро чувствуете: несчастье послало свою тѣнь, надо бѣжать...

За послѣдніе годы столько личинъ джеттаторэ смѣялось прямо въ лицо что теперь, когда я хочу ихъ всѣхъ припомнить, расположить въ какомъ-либо порядкѣ, я чувствую свое полное безсиліе. Классификація невозможна. Однѣ личины встрѣчались только мнѣ, другія усмѣхались моимъ друзьямъ, однѣ любили интимную обстановку, ночныя встрѣчи у гаснущаго фонаря, столкновенія въ темныхъ вестибюляхъ провинціальныхъ вокзаловъ, другія предпочитали блескъ офиціальной помпы, звонъ колоколовъ, площадь, усѣянную радостной толпой или пристань, выдерживающую натискъ панической эвакуаціи...

...На второй или третій вечеръ своего возвращенія изъ Вѣны въ германскій Кіевъ, всласть наѣвшись, напившись, выспавшись, я отправился въ «жокей-клубъ», куда съ перваго же часа меня влекла жажда встрепенувшагося игрока...

Зеленое сукно—цвѣтъ малахитовъ тины,
Весь въ пеплѣ тузъ червей на сломанномъ мѣлкѣ,

Digitized by Google

Подумай, жертву наканунѣ гильотины
Туманятъ картами и въ каменномъ мѣшкѣ!

Усатые нѣмецкіе майоры при первой же вѣсти о берлинскомъ переворотѣ, растегнули свои ужасные воротники и бросились на водку и карты. Въ громадной накуренной комнатѣ наряду съ зародышами будущей русской эмиграціи имѣлось не менѣе двадцати-тридцати майоровъ. Крупье — наглые, сверкающіе, быстрые, въ свою очередь использовали переворотъ и перестали стѣсняться съ завоевателями.

«Въ банкѣ тридцать пять тысячъ» — заоралъ крупье, безконечно похожій на портретъ Доріана Грея послѣ убійства Бэзиля Холлуорда.

«Banko»! прохрипѣлъ багровый майоръ съ прилипшими рѣдкими волосами, со множествомъ платиновыхъ пломбъ. Портретъ Доріана Грея, не поворачиваясь въ его сторону, рѣзко сказалъ — «Eclairage s. v. p»! Это означало, что майору предлагается до полученія карты показать, имѣется ли у него тридцать пять тысячъ. Еще недѣлю назадъ вмѣсто «экляража» крупье получилъ бы подсвѣчникомъ по головѣ, но теперь послѣ армистиса духъ обычнаго права измѣнился...

Digitized by Google

Всѣ двѣнадцать «табло» уставились въ упоръ на майора, мазильщики придвинулись ближе къ столу. Майоръ судорожно выхватилъ бумажникъ, помедлилъ секунду, не раскрывая переложилъ его въ другой карманъ и неуклюже развалисто отошелъ отъ стола...

Двѣнадцать табло равнодушно опустили головы, мазильщики захихикали, портретъ Дорiана Грея снова заоралъ — «Il y a toujours trente cinq milles a banko. Qui va banko»? Лопатка съ двумя картами обошла двѣнадцать табло, но никто не сдѣлалъ сакраментальнаго жеста; тогда лопатка стала балансировать въ воздухѣ, гипнотизируя людей, столпившихся у стола, обольщая надеждой, парализуя волю, сокрушая логику.

Что-то сухое, внезапное, нетерпимое царапнуло мнѣ горло; захватило дыханіе. Чрезъ кучу чернѣющихъ головъ я бросилъ на столъ пачку запечатанныхъ карбованцевъ и, не узнавая собственнаго голоса, крикнулъ «Banko». Лопатка протянулась ко мнѣ, дрожащей рукой я схватилъ обѣ карты, но, прежде чѣмъ ихъ открыть, почему-то взглянулъ въ сторону банкомета. Черезъ стулъ отъ крупье, слегка отодвинувшись отъ стола, закинувъ нога на ногу и блистая лакированнымъ сапогомъ со шпорой, сидѣлъ совершенно лысый, плохо выбритый человѣкъ въ коричневомъ

Digitized by Google

френчѣ изъ какой-то необычайно толстой верблюжьей матеріи. Мой взглядъ встрѣтилъ два влажныхъ черныхъ глаза, лѣниво улыбающихся по краямъ остраго тонкаго носа съ небольшой бородавкой на лѣвомъ крылѣ. Въ этомъ отвѣтномъ взглядѣ меня непріятно прорѣзало спокойное добродушіе; я порывисто раскрылъ карты — и не смогъ удержаться отъ радостнаго вздоха — «восемь»...

Двѣнадцать табло и толпа мазильщиковъ загудѣли, застучали стульями. Портретъ Доріана Грея съ изысканной учтивостью улыбнулся въ мою сторону, давая понять, что онъ и раньше былъ на моей сторонѣ — и съ грустнымъ лицомъ повернулся въ сторону банкомета. «Monsieur, annoncez votre point»..!

Банкометъ опустилъ лакированный сапогъ, вмѣстѣ со стуломъ придвинулся къ столу и лѣниво опрокинулъ свои двѣ карты, надъ которыми двѣнадцать головъ сперва склонились, и отъ которыхъ потомъ откинулись съ воплемъ изумленія: тройка червей и шестерка бубенъ...

Портретъ Доріана Грея немедленно измѣнилъ расположеніе улыбокъ: «Huit a la ponte, neuf a la banque, bon pour la banque» — сочувственно кинулъ онъ въ мою сторону. «Voilà monsieur votre argent» — сіяюще поднесъ онъ лопатку съ деньгами лысому человѣку...

Digitized by Google

Отъ жажды, отъ волненія, отъ жары меня буквально укачало. Машинально прошелъ въ буфетъ. Машинально выпилъ двѣ бутылки нарзана. Машинально вернулся къ столу и остатокъ ночи наблюдалъ, какъ смѣнялись игроки, какъ счастье бѣжало вокругъ стола, какъ никто не могъ угадать минуты его прихода. И только лысый человѣкъ оставался до конца невозмутимъ: проигрывалъ, выигрывалъ и опять проигрывалъ и опять выигрывалъ. Груды разорванныхъ карбованцевъ летѣли къ нему и отъ него, а онъ оставался такой-же спокойный, такой-же лѣнивый. Казалось, что его озабачиваетъ лишь недостающая пуговица на рукавѣ, часто онъ ощупывалъ болтающуюся нитку и тогда сквозь сѣдоватую щетину проступалъ румянецъ досады.

Въ семь часовъ утра игра окончилась. На Крещатикѣ уже продавали «Кіевскую Мысль» и безчисленныя паштетныя приготовлялись къ трудовому дню. Было горько отъ осенняго солнца. Каждый проѣхавшій извозчикъ отдавался въ головѣ нестерпимой болью. Я повернулъ назадъ и двинулся къ царскому саду. У самаго входа въ садъ уже виднѣлись стативы уличныхъ фотографовъ и предъ однимъ изъ нихъ стоялъ высокій человѣкъ въ полувоенной фуражкѣ, въ лакированныхъ сапогахъ и коричневомъ френчѣ. Я съ ужасомъ

Digitized by Google

посмотрѣлъ въ его сторону, онъ поднялъ голову, ласково улыбнулся черными влажными глазами и проводилъ меня взоромъ до самаго конца аллеи. Дважды я оборачивался и дважды видѣлъ сѣдоватую щетину, просвѣченную осеннимъ солнцемъ. Фотографъ — мальчишка въ барашковой шапкѣ и солдатской шинели — все одергивалъ его и старался заставить смотрѣть въ аппаратъ, а онъ щурился и глядѣлъ въ мою сторону. И я понялъ, что джеттаторэ занесъ меня на листѣ своихъ жертвъ...

Въ результатѣ кіевскаго проигрыша жизнь не пошла по желательному пути. Пришлось оставить мысль о возвращеніи за-границу. Возможность спасенія, — которую въ первый разъ со времени войны я ощутилъ въ Инсбрукѣ, увидѣвъ въ сумеркахъ силуэтъ Тирольскихъ Альпъ — снова ускользала. Снова предстояла роковая русская игра. Влажные черные глаза не оставляли меня со дня кіевскаго проигрыша, въ теченіе двухъ лѣтъ.

Лакированные сапоги блеснули въ кромѣшной тьмѣ кіевскаго вокзала, въ декабрѣ 1918: я не попалъ въ нѣмецкій поѣздъ, пѣшкомъ ушелъ на югъ, вмѣсто Берлина очутился въ Одессѣ.

Коричневый френчъ торчалъ на Одесской набережной въ утро французской эвакуаціи:

Digitized by Google

я опоздалъ на англійскій пароходъ и вмѣсто Константинополя попалъ въ Новороссійскъ.

Въ Ростовѣ я встрѣтилъ взглядъ своего джеттаторэ въ грязномъ спекулянтскомъ кафэ: въ этотъ день я заразился сыпнымъ тифомъ.

Въ Батумѣ я еще издали увидѣлъ коричневую спину въ конторѣ итальянскаго пароходства и рѣшилъ ее перехитрить: я взялъ билетъ не на ближайшаго «итальянца», а на слѣдующаго «француза». Итальянецъ прошелъ благополучно, а насъ ограбили въ первую-же ночь...

Ровно годъ назадъ пароходъ «Св. Николай», пройдя 2 ноября Коринфскій каналъ, попалъ въ Средиземное море, въ полосу неслыханнаго осенняго шторма. Старое, къ тому-же ненагруженное судно, превратилось въ послушную куклу валовъ. Пять дней насъ швыряло, рвало, ломало. Не осталось ни одной не разбитой лампы, пролились баки съ прѣсной водой и прибавилось новое бѣдствіе. «Борьба невозможна — сказалъ капитанъ — у насъ есть только одинъ шансъ — Николай чудотворецъ»...

Каютъ - кампаніи сдѣлалась складомъ поломанныхъ вещей и больныхъ женщинъ. Я рѣшилъ, рискуя быть смытымъ, пробраться наверхъ на носъ. Громадная волна, хлестнувъ отъ борта къ борту, залила меня, швыр-

Digitized by Google

нула, и я, самъ не помня какъ, очутился на спордэкѣ. Въ двухъ шагахъ отъ меня, схватившись за канатъ, стоялъ человѣкъ въ коричневомъ френчѣ. Вѣтеръ сорвалъ съ него фуражку — и весь онъ: его лысый черепъ, его сѣдоватая щетина, его лакированные сапоги снова горѣли, какъ тогда въ Царскомъ саду — на этотъ разъ въ лучахъ косматаго, разъяреннаго, бурей омытаго солнца.

Черезъ двадцать часовъ мы услышали звонъ Мальтійскихъ колоколовъ: два года не срокъ для джеттаторэ. Онъ мучитъ всю жизнь, смерть не даетъ ему наслажденій... Смерть — самый элементарный номеръ въ его дьявольскомъ репертуарѣ.

3.

Джеттаторэ не рѣдко воплощается въ человѣка, чуждаго его коварнымъ планамъ и онъ, самъ того не зная, становится носителемъ несчастья.

Начиная съ 1919, меня крайне интересовалъ графъ де Мартель, французскій верховный комиссаръ для бѣлыхъ армій и для лимитрофовъ. Есть-ли что-нибудь роковое въ его лицѣ, въ голосѣ, въ манерахъ? Оказывается ничего: обычный французскій дипломатъ, архилюбезный, архокраснорѣчивый, архипредупредительный. Никакой угловатости, ни-

Digitized by Google

какой отличительности, никакого особеннаго поворота зрачка... А между тѣмъ этотъ человѣкъ былъ опредѣленнымъ джеттаторэ. Съ его пріѣздомъ въ Сибирь счастье измѣнило Колчаку — начался развалъ. закончившійся иркутской трагедіей. Съ его пріѣздомъ въ Закавказье кончается кратковременное цвѣтеніе южныхъ республикъ: падаетъ Баку, агонизируетъ Тифлисъ и де-Мартель переѣзжаетъ въ Крымъ. Памятный торжественный обѣдъ на «Провансѣ» въ точности совпадаетъ съ крушеніемъ Таврической Операціи и натискомъ Фрунзэ. Конецъ извѣстенъ. Можно спорить, смѣяться, доказывать гнилость тѣхъ образованій, куда пріѣзжалъ де-Мартель. Одного опровергнуть не удастся: въ исторіи русской гражданской войны обязательный графъ прочно занялъ положеніе Каменнаго Гостя. Кромѣ того, джеттаторэ не первопричина бѣды, а лишь ея неизмѣнный вѣстникъ.

Что касается Колчака, то и въ личности самого адмирала было нѣчто отъ джеттаторэ. Исключительная талантливость, смѣлость первоклассная, рѣшительность лоцмана, но все это снаружи, а внутри расщепъ, тоска и тотъ зловѣщій отсвѣтъ, который преслѣдовалъ его и въ Черноморской эскадрѣ и въ Сибири, въ ставкѣ, и въ поѣздкахъ на фронтъ. Развалъ

Digitized by Google

эскадры, золотое оружіе, переломанное и брошенное въ море, севастопольскія звѣрства; въ теченіе лѣта 1919 послѣдовательно сгораютъ два дома, въ которыхъ жилъ адмиралъ; побѣда за побѣдой, счастье улыбается, но стоитъ мелькнуть вблизи фронта профилю адмирала, какъ армія бѣжитъ...

Одинъ изъ его ближайшихъ помощниковъ профессоръ Гинсъ передаетъ, что Колчакъ вполнѣ сознавалъ тяжесть своей руки: когда сгорѣлъ второй домъ, служившій штабъ-квартирой, новая мрачная складка легла на лицѣ адмирала и потухли прежде острые, пытливые глаза... Верховный правитель больше не вѣрилъ въ возможность побѣды подъ его командованіемъ. И все чаще и чаще онъ мечтаетъ о «счастливомъ человѣкѣ — Деникинѣ или атаманѣ Семеновѣ... Все чаще и чаще запирается въ кабинетъ, ходитъ изъ угла въ уголъ и отчетливымъ морскимъ голосомъ поетъ — «Пускай умру — и надъ могилой гори, сіяй моя звѣзда»...

Окружающіе указываютъ ему на странное поведеніе чеховъ, опасаются ихъ возможнаго предательства, совѣтуютъ охрану личнаго и золотого поѣздовъ составить изъ русскихъ вѣрныхъ частей. Адмиралъ разсѣянно слушаетъ совѣтниковъ, соглашается, поддакиваетъ, но не принимаетъ никакихъ мѣръ. Послѣ

Digitized by Google

сдачи Омска ничто не въ состояніи развѣять его мрачныхъ предчувствій, его грознаго гнѣва на собственную несчастливость. Душа Колчака борется съ тѣломъ—одной изъ личинъ джеттаторэ. И въ послѣдній моментъ еще можно или бѣжать или застрѣлиться. Но душа уже вынесла свой приговоръ: все съ той-же мрачной улыбкой адмиралъ слѣдуетъ за чешскимъ карауломъ, передавшимъ его въ руки повстанцевъ...

Свидѣтели казни разсказываютъ: «Не хотите ли Вы чего-либо передать — спросилъ у адмирала человѣкъ, изображавшій прокурора — письма, записки»...

«Нѣтъ ничего — отвѣтилъ адмиралъ — только еще одну папиросу»...

Досталъ портсигаръ, вынулъ папиросу, выкурилъ и, бросивъ портсигаръ одному изъ солдатъ, замѣтилъ — «Это тебѣ на память отъ твоего Верховнаго Правителя»... Солдаты неожиданно отказались стрѣлять, пришлось вызвать матросовъ. Эти не смутились. Лицо адмирала оставалось строгое, ровное, только чуть-чуть блѣднѣе обыкновеннаго. При звукахъ команды оно дрогнуло отъ какой то странной улыбки...

Вспоминается другая улыбка, тоже предсмертная: улыбка Лермонтова.

Въ обоихъ случаяхъ смерть напоминала самоубійство. Сами убивали личину...

Digitized by Google

4.

Каждая эпоха богата личинами джеттаторэ. Но бываютъ моменты кризиса, разстройства, смятенія духа, когда изобрѣтательность джеттаторэ достигаетъ гиперболическихъ размѣровъ. Эвакуаціи побили всѣ міровые рекорды. Суевѣріе среднихъ вѣковъ на фонѣ Кіева, Ростова, Новороссійска, Севастополя и т. д. показалось бы законченнымъ скептицизмомъ.

Музыка кофеенъ, приказы коменданта, мѣры, принимаемыя диктаторомъ, составъ прибывающихъ изъ за-границы, содержаніе зрѣлищъ, надписи на заборахъ, поведеніе домашней прислуги... За два десятка эвакуацій ни разу не была нарушена обязательность появленія излюбленныхъ личинъ. Опытные люди къ третьему году бѣженства научились искусству распознаванія. Первая личина... — бѣги!, не дожидаясь остальныхъ, иначе будетъ поздно.

Музыка кофеенъ: Кіевскаго Франсуа, Харьковскаго Версаля, Новороссійскаго Нордоста, Одесскихъ Веселыхъ Сумерокъ, Батумскаго Павильона, Ростовскаго Паласа, Тифлисскаго Хамелеона, Севастопольскаго поплавка. Когда наступаетъ моментъ, когда надвигающееся уже послало свою тѣнь, съ пюпитровъ удаляются марши, польки, увертюры, Осеннія

Digitized by Google

пѣсни, мазурки. Офицеры перестаютъ требовать гимнъ, спекулянты не интересуются гай-да-тройкой, дирижеръ не отдаетъ никакихъ распоряженій. По нѣмому согласію всѣхъ присутствующихъ первая скрипка зажмуриваетъ глаза, крѣпче прижимаетъ грифъ, яростно замахивается смычкомъ. «Сильва ты меня не любишь»... «За милыхъ женщинъ», «Частица чорта-ль въ насъ»... Никогда, нигдѣ, ни въ какой странѣ произведеніе венгерскаго композитора не сыграло такой жуткой роли, не пользовалось такимъ своеобразнымъ успѣхомъ. Отъ Сильвы до послѣдняго поѣзда или парохода остается одна, maximum двѣ недѣли. Предусмотрительные люди, дорожащіе богажемъ, уѣзжаютъ послѣ третьяго повторнаго вечера сплошной Сильвы... Любопытная вещь: уже въ Константинополѣ Сильву не исполняютъ, въ Батумѣ круглый годъ громыхали ту-степы, фок-строты, шимми и только послѣ ухода англичанъ репертуаръ измѣнился. Въ Европѣ, въ странахъ спокойныхъ, въ городахъ прочнаго быта Сильвы не знаютъ: ни во Франціи, ни въ Англіи, ни даже въ Германіи, ни даже въ родной Венгріи. Царство Сильвы лишь въ голодной Вѣнѣ и въ сомнительныхъ лимитрофахъ.

Гимнъ эвакуаціи или по крайней мѣрѣ голодной смерти!..

Digitized by Google

Приказы Коменданта; реквизиція теплыхъ вещей означаетъ, что армія больше не существуетъ и что кто-то хочетъ имѣть предлогъ для вторженія въ богатыя квартиры; окопныя работы предупреждаютъ эвакуацію не болѣе, чѣмъ на одну недѣлю; онѣ производятся въ цѣляхъ увеличенія стоимости выѣзда, для людей уже имѣющихъ билетъ и паспортъ т. е. лицъ, намѣревающихся уклониться отъ уплаты контрибуціи въ пользу развѣдки и комендатуры; самыя работы въ буквальномъ смыслѣ никогда не производятся; генералъ, подписавшій приказъ объ окопныхъ работахъ, имѣетъ возможность сдѣлать это лишь однажды, къ дѣятельности онъ больше никогда и нигдѣ не возвращается. Наконецъ изъ прочихъ «приказовъ коменданта»: запрещеніе выѣзда изъ города. Эта мѣра — самый послѣдній вѣстникъ — maximum за два дня; когда большевики уже на плечахъ, уцѣлѣвшія воинскія части употребляются для задержки желающей бѣжать интеллигенціи. Личина страшная, сопровождается разстрѣломъ бѣдныхъ и грабежемъ богатыхъ.

Мѣры диктаторовъ: когда пуговица доходитъ до четырехсотъ рублей и продается только россами (не менѣе дюжины россовъ), созывается экономическое совѣщаніе изъ финансистовъ, проживающихъ за границей.

Digitized by Google

Большинство успѣваетъ доѣхать только до Константинополя. По времени одна изъ раннихъ личинъ: первыя замѣтки появляются за мѣсяцъ, официальный приказъ за 2-3 недѣли. Одновременно съ экономическимъ совѣщаніемъ прекращеніе движенія поѣздовъ сѣвернѣе ставки возбуждаетъ вопросъ о крупномъ валютномъ займѣ. Иностранныя миссіи уѣзжаютъ именно послѣ обнаруженья этой идеи: остается не болѣе десяти дней.

Прибывшіе пароходы и спасатели: изъ военныхъ кораблей не оставляютъ никакихъ сомнѣній появленіе «Вальдекъ-Руссо» (стажъ—четыре эвакуаціи...), изъ цивильныхъ установленіе Тріестинскимъ ллойдомъ правильныхъ рейсовъ. Изъ профессіональныхъ спасателей остерегаются пріѣзда русскихъ политическихъ дѣятелей изъ Парижа, изъ иностранцевъ доказанный джеттаторэ — редакторъ «Temps» Шарль Ривэ. Подъ подозрѣніемъ секретарь французской миссіи Зиновій Пѣшковъ.

Новыя зрѣлища и проекты: возобновленіе «Русскаго Слова» и «Биржевыхъ Вѣдомостей», открытіе заграничныхъ отдѣленій Оевага и добровольческаго телеграфнаго агентства въ Парижѣ.

Но, конечно, наиболѣе общеизвѣстной и признанной изъ личинъ джеттаторэ является «Кривой Джимми», «петербургскій» театръ съ конферансье — Курихинымъ... Пріѣзжа-

Digitized by Google

етъ maximum за четыре, minimum за два дня, устраивается обыкновенно въ залѣ громаднаго ресторана, гдѣ уже никто не бываетъ за исключеніемъ чиновъ контръ-развѣдки. Стажъ «Кривого Джимми» — шесть эвакуацій т. е. на второмъ мѣстѣ послѣ мірового рекорда — «окопныхъ работъ».

Если «Кривой Джимми» пріѣдетъ въ Парижъ, французы уйдутъ и изъ этого города...

Въ выборѣ вѣстниковъ эвакуаціи джеттаторэ не минуетъ и основной волны человѣческихъ настроеній. Оставляя въ сторонѣ характерные не только для эвакуаціи кокаинъ, карты, безпробудное пьянство — историкъ революціоннаго быта отмѣтитъ исключительное по интенсивности разрушеніе условной морали Въ періодъ рѣшающихъ пораженій къ насѣкомымъ, приносящимъ тифъ, прибавлялись насѣкомыя, заражающія влеченьемъ къ распутству. Начинались аѳинскія ночи при участіи сѣдовласыхъ профессоровъ, многосемейныхъ политиковъ, невинныхъ дѣвушекъ. Готовясь къ неизвѣстному, жуткому, неизбѣжному, люди всѣхъ возрастовъ и положеній порывали съ тѣмъ, что составляло будто-бы желѣзный стержень прежней баснословной жизни. Проходило два-три мѣсяца, и, попадая въ счастливыя удержавшіяся страны, участники аѳинскихъ ночей въ сношеніяхъ съ иностранцами, съ людьми другой, «не нашей»

Digitized by Google

эвакуаціи, полностью возстановляли старую мораль. Но между людьми, увидѣвшими лицо медузы въ одну и ту же эвакуацію, создавалась или пропасть отъ стыда, или близость во грѣхѣ. Эвакуаціи ссорили братьевъ и роднили враговъ. Люди, прошедшіе короткій мигъ эвакуаціоннаго кошмара, сами превращались въ личины. Пріѣзжая на Западъ, они привозили злосчастье, отравляли атмосферу, пугались другъ друга. Завязывались какіе-то новые узлы.

Я не перебралъ и малѣйшей доли тѣхъ, кто въ больничныхъ саванахъ, въ золотыхъ погонахъ, въ отточенныхъ идеяхъ, въ дикомъ смятеньи, оживаютъ, чуть коснешься этого хаоса, — оживаютъ и сосѣдъ, оживляетъ сосѣда. Я могъ бы написать отдѣльную книгу о русскихъ личинахъ джеттаторэ. Тема, совсѣмъ не плохая. Но я боюсь, что, если долго говорить объ этомъ, въ комнату безъ звонка и безъ доклада войдетъ лысый человѣкъ въ коричневомъ френчѣ, въ лакированныхъ сапогахъ, усядется на кресло, уставится своими влажными черными глазами и начнетъ ласково молчать. Вѣдь въ Парижѣ уже много лѣтъ не было землетрясенія.

Digitized by Google

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СЫПНЯКЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Ну, кажется, капутъ. Солгала видно счастливая подкова, найденная мной въ то первое баснословное лѣто, въ городѣ Несвяжѣ у зданія солдатскаго комитета первой арміи. У меня тридцать девять и пять. И хотя мобилизованный заурядъ скорчилъ небритую сизую физіономію и сказалъ, что, «еще ничего нельзя рѣшить опредѣленно» я уже все рѣшилъ. Съѣли и меня марсіане. Чертовски непріятно, даже какъ-то неудобно. Еще позавчера генерадъ Шкуро категорически обѣщалъ къ пасхѣ быть въ Москвѣ и отслужить заутреню въ Успенскомъ... Мнѣ видно не попасть. Ахъ, марсіане, марсіане. Маленькіе, бѣленькіе, ногтемъ разможжишь, но прыгаютъ, но изворотливые, но непобѣдимые. Да, кстати, какія бываютъ вши? Платяныя, головныя, ну а еще? Какая-то ерунда въ голову претъ, это отъ головныхъ, надо полагать. Въ 1912 году, въ путейскомъ институтѣ на конкурсномъ экзаменѣ для сочиненія дали тему — «Всѣ блохи не плохи, всѣ маленькія, всѣ черненькія, всѣ

Digitized by Google

прыгаютъ». Вотъ и допрыгались. Спрашивается: сыпной или возвратный, хотѣлось бы возвратный, ужъ болѣть, такъ подольше. Въ смыслѣ отсрочки у воинскаго разница что-то около шести недѣль, а голова трещитъ одинаково и бредъ не меньше. На прошлой недѣлѣ умеръ одинъ изъ членовъ земсоюза, свою послѣднюю ночь онъ завывалъ изъ «Сильвы» — примелькалась видно, ужъ такая — «Маделонъ Эвакуаціи»... Въ сосѣдней комнатѣ плачетъ жена, ребятишки жмутся въ страхѣ, пріятели во френчахъ маршируютъ, а онъ отъ сидѣлки вырывается и оретъ «Сильва ты меня не любишь»!..

Марсіане, марсіане. Какими васъ танками брать? Ахъ голова, голова. Чортъ, я, кажется, ослѣпъ. Что это на стѣнѣ, почему комната оклеена колокольчиками главнаго командованія?.. Теперь я все понялъ, марсіанъ я нахваталъ въ понедѣльникъ въ кафе. У того толстоносаго, который кричалъ — «Что вы мнѣ звоните вашими колокольчиками. Я на русскомъ языкѣ предупреждалъ васъ — керенки безъ дырочекъ, или николаевскія»... Ну, конечно, отъ него. Онъ изъ Харькова съ эвакопунктомъ ѣхалъ, вотъ теперь весь городъ заразитъ. Будь онъ проклятъ вмѣстѣ съ его Мерковскимъ кокаиномъ въ грамовой упаковкѣ!.. Хоть бы поскорѣй кофейни позакры-

Digitized by Google

вали... Въ Москву вернемся, первымъ дѣломъ заведемъ нѣмецкіе порядки. Хотите въ спальный вагонъ, пожалуйста свидѣтельство о безвшивости. Сколько женскихъ волосъ сволочи извели. Та золотоволосая въ Освагѣ, что отъ ея нимба осталось? Въ чепчикѣ содержателя не найдешь, нѣ-ѣтъ. Попробуй на жалованье прожить. Это тебѣ не Р. С. Ф. С. Р., у насъ, братъ недѣлимая! Колокольчики-бубенчики звенятъ! Гдѣ-то теперь Каміонскій? Тоже небось вшей понахватался и весь театръ заражаетъ. Маленькихъ больше нѣтъ. Торжественное засѣданіе въ честь годовщины добрарміи... Гдѣ спрашивается засѣданіе? Въ театрѣ, Ага, то-то и оно. Приходите, значитъ, въ театръ, садитесь на бархатныя кресла и изъ каждаго кресла на васъ пересядутъ платяные марсіане. Я и дома посижу. Спасибо, дураковъ нѣтъ. Вотъ, ты скажи, приходите, мы вамъ по мѣшку со льдомъ на голову положимъ, настоящую камфору вспрыснемъ! Это я пойму, а то дали вмѣсто льда теплаго навоза. Камфору вашу тоже знаемъ. Англійскую перелили, пузырьки водой разбавляете! Подождите, подождите, въ Москву придемъ, посчитаемся...

Digitized by Google

2.

Опираясь на палочку, кутаясь въ англійскій бурнусикъ, иду по Большой Садовой улицѣ. Какія перемѣны, какія перемѣны! У насъ теперь, кажется, одинъ Ростовъ, остался. За шесть недѣль сыпняка сдали Орелъ, Курскъ Харьковъ, молчатъ о Кіевѣ, Махно чуть чуть въ самый Таганрогъ не влѣзъ. Когда-то теперь въ Москву попадемъ? А сколько народа перемерло. Страшно спрашивать о знакомыхъ: или умеръ, или въ бреду наканунѣ кризиса, или «безнадежно: дышетъ кислородомъ»...

Синематографовъ больше нѣтъ. Остались вывѣски, на лохмотьяхъ плаката различаю — «Пренсъ женится — сильно комическая», а изъ двери осточертѣвшій запахъ карболки и весь тротуаръ предъ зданіемъ въ соломѣ, кишащей вшами... Прохожіе въ ужасѣ перебѣгаютъ на другую сторону, отряхиваются, осматриваютъ другъ друга и мчатся домой принять ванну, у кого... она есть. Зданія кинематографовъ не приноровлены для лазарета; какъ тамъ класть больныхъ? надо всѣ стулья выламывать, заводить отопленіе, передѣлывать наклонный полъ, доставать кровати, матрацы, бѣлье, лекарства. Гдѣ взять? Махно въ Александровскѣ захватилъ всю санитарную базу, англичане сердятся, больше не везутъ.

Digitized by Google

На дворѣ морозъ. За одно сегодняшнее утро по «весьма секретной сводкѣ освага», лежащей на столѣ каждаго кафе, привезено на вокзалъ и остается неразгруженными 7000 тифозныхъ, изъ нихъ «невыясненное количество замерзшихъ».

У синематографа «Колизей» новая картина: реквизировали его только вчера, устроить ничего не поспѣли, а фургоны все ѣдутъ и ѣдутъ. Устлали соломой парадную лѣстницу громаднаго дома и кладутъ, какъ есть: въ обрывкахъ шинелей, во вшивомъ бѣльѣ. Въ домѣ около сотни квартиръ, вездѣ дѣти, другой лѣстницы нѣтъ. По ступенямъ ползутъ марсіане, проникаютъ во всѣ квартиры. Пройдетъ восемь дней и громадный домъ превратится въ очагъ сыпняка...

Опять музыка. За часъ это уже не то пятый, не то шестой разъ. Въ деревянномъ заколоченномъ гробу несутъ свѣжую жатву; за гробомъ кучка людей мѣситъ по мостовой, въ отдаленіи, сбиваясь съ ноги, отставая, задыхаясь, плетется стадо подростковъ въ шинеляхъ сшитыхъ изъ кавказскихъ бурокъ (гдѣ-то грабнули!), съ александровскими винтовками.. на перевѣсъ — плечо не выдерживаетъ. Трое изъ нихъ, напрягая всѣ силы, дуютъ въ примерзшія къ губамъ громадныя трубы: «Похо-

Digitized by Google

ронный Маршъ»? «Коль Славенъ»? «Сильва»? Кто знаетъ...

Подростки въ бурковыхъ пальто — студенты бѣлобилетчики: хромые, слѣпые, безъ одного легкаго, безъ трехъ четвертей зубовъ. Зачѣмъ ихъ мобилизовали? Взяли семнадцатилѣтнихъ калѣкъ, швырнули въ зараженную казарму, сказавъ: «будете нести гарнизонную службу, теперь не до ученья»!.. И вотъ теперь каждый день, съ утра до вечера, они хоронятъ своихъ умершихъ товарищей: всѣ они съѣдены казарменными марсіанами. Если игра продлится еще съ мѣсяцъ, въ студенческомъ батальонѣ останется одинъ его начальникъ, казачій есаулъ, который живетъ на частной квартирѣ... Впрочемъ, есть у нихъ реальное назначеніе: они трубятъ свой странный мотивъ за гробомъ не только своихъ товарищей, но и вообще всѣхъ «чиновъ добрарміи», умершихъ въ Ростовѣ.

Катафалки, треуголки, галуны остались въ томъ мірѣ; съ пришествіемъ марсіанъ появились бурковыя пальто, громадныя папахи. Почетный караулъ изъ двадцати пяти пенснэ...

На каждомъ шагу *Его* дыханіе. Онъ — Его Величество Сыпнякъ. Въ окнахъ магазиновъ, торговавшихъ раньше фотографическими принадлежностями, выставлена камфора, аспи-

Digitized by Google

ринъ и пр., съ надписями: «настоящее англійское», «Привезено изъ-за границы», «Остатки стоковъ». Изъ гастрономическихъ витринъ глядятъ бутылки какого-то сомнительнаго вина, этикетка смазана, но зато плакатъ — «незамѣнимо для подкрѣпленія выздоравливающихъ». Изъ витрины освага каждый день для опусканія рокового шнура выходитъ новый мальчикъ: «заболѣлъ», «выбылъ за смертью», «выбылъ для поправки»... Толпа, пожирающая въ сумерки манипуляціи шнура, прежде всего занята главнѣйшей заботой: какъ бы такъ изловчиться пролѣзть къ окну — гдѣ каждымъ вечеромъ краснѣетъ еще одинъ городъ — чтобы не задѣть,упаси Боже, сосѣда локтемъ, ли, плечомъ ли, ногтемъ-ли... Какой-то невиданный конкурсъ вѣжливости. Ибо сосѣдъ представляется сосѣду человѣкомъ, зараженнымъ, который лишь по злости ходитъ вмѣсто того, чтобы слечь. Коснешься — марсіанинъ перескочетъ — и готово: двѣ, три недѣли и въ твой домъ явятся двадцать пять пенснэ, двѣнадцать легкихъ, три трубы...

«Баринъ подвезу, недорого возьму»! Что это, совсѣмъ какъ въ былыя времена — извозчикъ напрашивается. Да потому что на извозчикахъ никто не ѣздитъ. Однажды утромъ ихъ мобилизовали для перевозки съ вокзала замерзшихъ тифозныхъ — съ тѣхъ поръ причина

Digitized by Google

всѣхъ причинъ: имярекъ умеръ, онъ былъ безумецъ, онъ ѣздилъ на извозчикахъ до самаго послѣдняго дня...

Тщетно театръ прельщаетъ новой постановкой, тщетно знаменитый піанистъ, занесенный волной бѣженства, возвѣщаетъ интереснѣйшій концертъ, тщетно милостью высшихъ властей уцѣлѣвшія кабарэ зазываютъ похабщиной. Профилактика съѣла зрѣлища. «Онъ» тамъ, гдѣ больше двухъ человѣкъ. Вѣрить можно лишь своимъ близкимъ — и то когда приходятъ, садятся за столъ, кто-нибудь немедленно блѣднѣетъ: онъ замѣтилъ на братѣ, отцѣ, сестрѣ или т. п. непобѣдимаго врага... Немедленная ванна, уничтоженіе одежды, прививки — но въ домѣ скорбь. Зачѣмъ только этотъ человѣкъ живетъ съ нами — теперь мы всѣ погибли!

Во время одного изъ надрывныхъ послѣднихъ веселій, къ нашему столу въ ресторанѣ «Паласъ» подошла дрожащая женщина и трагическимъ голосомъ, со слезами на глазахъ, сказала мужу — «Ты меня обманываешь, я тебя видѣла на извозчикѣ, тебѣ жалко, что у меня хорошіе волосы»... Багровые румыны заглушили ея рѣчь... «Сильвой»!

Свободы онъ не даетъ никому; но зато повсемѣстное равенство и братство. Командующій Кавказской арміей, вагонъ котораго де-

Digitized by Google

зинфецируется дважды въ сутки, и случайно уцѣлѣвшій плѣнный красноармеецъ, съ котораго конвоиры сняли сапоги и босаго погнали по снѣгу; членъ особаго совѣщанія, умилительно вѣрящій въ спасательность какой-то камфоровой ладанки, запаха которой марсіане будто-бы не выдерживаютъ и переползаютъ на... другихъ членовъ особаго совѣщанія — и его курьеръ, убѣжденный, что «вшу выдумали жиды»; кухарка и жена директора банка — обѣ въ чепчикахъ; хозяинъ кіоска фруктовыхъ водъ и первѣйшій богачъ, прятавшійся въ одиночествѣ трижды окуреннаго особняка — оба идутъ, опираясь на палочку, блѣднозеленые, кожа да кости, дрожащія руки, ввалившіеся глаза. Входишь въ залъ государственнаго банка и отъ перваго до послѣдняго — надъ всѣми столами чепчики. Не отбываютъ воинской повинности, но лишаются красоты... Онъ помиритъ всѣхъ; отольются повѣшеннымъ ихъ неотомщенныя слезы — бравый полковникъ сойдетъ въ ту же братскую могилу. Всѣхъ, побѣдилъ, соединилъ несоединимыхъ. Пуришкевичъ и Мамантовъ, князь Евгеній Трубецкой и партизанъ Семилѣтовъ — какія эпохи первой и второй Россіи съѣлъ непобѣдимый марсіанинъ!...

Digitized by Google

3.

Бѣлое движеніе нерѣдко сравниваютъ съ Вандеей... Какой вздоръ! Вандея — это когда тысячи крестьянъ вооружаются вилами и лѣзутъ на пушки ради стараго порядка, ради прежняго быта. Бѣлое движеніе — это когда милліоны крестьянъ, дворянъ, буржуевъ, студентовъ, шуллеровъ, врачей, инженеровъ и пр. и пр. всю вѣковую ловкость направляютъ въ сторону уклоненія отъ воинской повинности. Вандея выростаетъ изъ земли, изъ тучнаго унавоженнаго чернозема, бѣлое движеніе зарождается въ родѣ гомункулуса: таинственные опыты, таинственныя совѣщанія, ночныя бдѣнія и внезапно появляется крошечный человѣчекъ, бросающій вызовъ всей ледяной пустынѣ...

За трехлѣтнюю исторію бѣлаго тифознаго движенія я знаю лишь одинъ моментъ, когда въ донскихъ станицахъ набухло нѣчто, отдаленно напоминавшее французскій примѣръ. Семилѣтовщина. Тоже конечно не Вандея, но и не мобилизація шомполами; въ финалѣ и семилѣтовцы драпнули, но по началу шли добровольно. Старые станичники безъ сѣделъ, безъ винтовокъ съ деревянными пиками перли на броневики, за ними тянулись и молодые фронтовики, которые

Digitized by Google

за всѣ три года такъ и не рѣшили окончательно — «чи мы красные, чи мы бѣлые». Въ ихъ метаніяхъ по семестрамъ — весенній у бѣлыхъ, зимній у красныхъ было нѣчто отъ того же всемогущаго сыпняка. Бредъ, схватки, возвраты.

...Вождь степной Вандеи — генералъ Семилѣтовъ былъ безконечно донской человѣкъ. Именно: не русскій, а донской. Ни капли сепаратизма, ни тѣни какого бы то ни было самостійничества, великолѣпнѣйшій патріотъ и все же... что подѣлаешь съ казачьей душой, если въ Новочеркасскѣ колокола звонятъ лучше, чѣмъ въ Москвѣ и если памятникъ Платову, ближе, роднѣе Фальконетовскаго Петра. Платовъ — свой, степной, весь какъ на ладони, страшенъ въ битвахъ, веселъ въ пирахъ, а у того хмель на дыбѣ, дыба во хмелю и, жуткія воспоминанія о выданныхъ и казненныхъ атаманахъ. За двѣсти лѣтъ послѣ всѣхъ войнъ, гдѣ моря казачьей крови пролиты за Россію, гдѣ казачьи штандарты славнѣе гвардейскихъ, прародимый антагонизмъ вовсе не исчезъ, находя щедрое питаніе въ институтѣ наказныхъ атамановъ, въ политикѣ изоляціи казачьихъ войскъ...

Такъ или иначе, гражданская война на Дону и на Кубани оправдала и укрѣпила этотъ строй казачьей души. Семилѣтовъ — вождь

Digitized by Google

степной Вандеи — поднялъ Донъ для освобожденія только Дона: и къ нему шли одиннадцатилѣтніе кадеты, шестидесятилѣтніе старики, переодѣтыя женщины, выбывшіе изъ строя калѣки. Въ самый отвѣтственный моментъ 1919 веселый молодой генералъ въ папахѣ приведетъ своихъ партизанъ на линію Донца и выдержитъ всю зиму и всю весну натискъ сильнѣйшихъ частей Егорьева. Надъ Донцомъ хибарки, не много ихъ уцѣлѣло отъ орудійнаго обстрѣла, въ нихъ ютятся семилѣтовцы. Коситъ сыпнякъ, англійскія шинелишки рыбьимъ мѣхомъ подбиты, жрать нечего, но... иначе на Дону жизни нѣтъ, надо только продержаться: справа или слѣва съ одного изъ фланговъ большевиковъ обязательно хлопнутъ, покатится центръ, и Донъ освободенъ. Можно опять спокойно жить...

И степная Вандея окончится въ тотъ самый день лѣта 1919, когда Донъ освобожденъ, когда нужно идти въ предѣлы Россіи. На границѣ Воронежской губерніи снова, какъ годъ назадъ при Красновѣ казаки остановятся и устроятъ митингъ. Митингъ всегда — безъ аннексій и контрибуцій, митингъ всегда — постолько, посколько...

На первомъ же митингѣ умираетъ Вандея, на рубежѣ осени, приносящей возвратъ сыпняка, умираетъ Семилѣтовщина. Все подве-

Digitized by Google

зено за лѣто: есть орудія, снаряды, танки, бронепоѣзда, но нѣтъ больше желанія... Играется роковая ставка — личное обаяніе на карту! «Если вы не пойдете впередъ, большевики снова займутъ Донъ!».

Тщетно, степь уже бредитъ, уже инкубаціонный періодъ, марсіане уже укусили: «Большевики что, мы съ большевиками всегда рады, мы противъ коммуніи, а теперь плѣнные бають — коммунія на чисто отмѣнена»...

Ставка проиграна или на языкѣ военномъ— кавалерійское сердце пропало. Отъ всего партизанскаго движенія остается одинъ генералъ въ защитной шинели и бѣлой папахѣ. Онъ хмурится, ему не по себѣ, противъ него возобновляется борьба какихъ-то самолюбій, смѣшныхъ для побѣдителя, роковыхъ для побѣжденнаго. Онъ отходитъ въ сторону, на дворѣ безотрадная осень. Ползутъ поѣзда съ отмороженными, ранеными, сыпными, убитыми. Бредитъ все. Дежурные на станціяхъ перестали бояться нагана, направленнаго въ ихъ красную фуражку; немногіе здоровые спѣшатъ драпать, пока еще черное море осталось. Семилѣтовъ въ Новочеркасскѣ. Пить не пьетъ. Кокаина не нюхаетъ, въ карты не играетъ. А для того, чтобы битый вождь самъ не обратился въ битую карту, ему надо умереть. Семилѣтову въ послѣдній разъ улыбается счастье: ему не

Digitized by Google

суждено было испить горечи бѣженства. Онъ умеръ. Пощаженный пулями, не пощаженный марсіанами, умеръ, какъ всѣ отъ сыпняка. Но, какъ, немногіе гордый, нетерпимый пловецъ противъ теченія. Бѣдная станичная Вандея!... Онъ и въ бреду называлъ имена, неуклюжія, неблагозвучныя, милыя его донскому хмурому сердцу — Гундоровская, Митякинская, Усть-Бѣлокалитвенная, Семикарокорская... Кругомъ бредила степь. Казалось, что самый горизонтъ усѣянъ бѣленькими прыгающими точками.

4.

Прахъ Семилѣтова остался въ его родной землѣ. Другому донцу — Мамантову судьба не дала и этой скромной радости. Герой рейда, которому Times посвятилъ передовую статью, умеръ въ Екатеринодарѣ; въ полномъ забвеніи, окруженный полу-презрѣніемъ, полу-ненавистью. Газеты посвятили его смерти шесть строкъ неудобочитаемаго петита, бѣженцы, собиравшіеся въ дальнѣйшій путь изъ агонизирующаго Екатеринодара на югъ, къ морю, разсѣянно спрашивали при видѣ похоронъ — «Почему столько войска? Мамантовъ? Это какой-же. Ахъ знаменитый! Тотъ что въ Тамбовѣ спиртъ раздавалъ. Почему

Digitized by Google

же гробъ заколоченный? Ага, и онъ отъ сыпняка. Скажите, значитъ не уберегся»...

Шесть мѣсяцевъ назадъ онъ былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ во всей Россіи. Совѣтскія газеты наполнялись «бандитомъ Мамантовымъ», вмѣстѣ съ городами центральной Россіи онъ завоевывалъ и великорусскія пословицы. «Какъ Мамантовъ на голову», «не было ни юнкера а вдругъ казачій генералъ», «нежданный Мамантовъ хуже татарина».... Даже толстозадый мальчикъ при витринѣ Ростовскаго Освага, презиравшій все и всѣхъ и долгое время выдававшій кудряваго мичмана за адмирала Колчака, на этотъ разъ смутился, задралъ желтый шнуръ до города Серпухова, долгое время слюнилъ какой-то плакатъ, а потомъ пристукнулъ его къ окну. Оказался человѣкъ, явно срисованный съ Плевненскихъ портретовъ Скобелева, только безъ орденовъ и гигантскіе усы, сильно терявшіе свою прелесть оттого, что ихъ концы стерлись подъ слюной толстозадаго мальчика.

Прошелъ мѣсяцъ. Военные обозрѣватели всѣхъ осважныхъ газетъ на тысячи ладовъ убѣдили насъ, что набѣги Мюрата, Гадика, Шеридана, Стюарта ничто въ сравненіи съ рейдомъ Мамантовымъ, забравшимся въ тылъ противника на 800 верстъ, что на Курскомъ вокзалѣ поѣзда совнаркома стоятъ подъ пара-

Digitized by Google

ми, ибо задержать Мамантова уже немыслимо. Инженеры Владикавказской дороги частнымъ образомъ принялись высчитывать количество и стоимость взорванныхъ Мамантовымъ мостовъ и испорченной колеи, но добравшись до астрономическихъ цыфръ, махнули рукой — «еще недѣля и каждую рѣку придется пассажирамъ вплавь переплывать». А извѣстія, приходившія отъ самаго Мамантова поражали противорѣчіемъ и оригинальностью. Къ первому за пять лѣтъ привыкли, второе смущало: такъ изъ Воронежа Мамантовъ увѣдомлялъ донского преосвященнаго, что посылаетъ на украшеніе Новочеркасскаго храма столько-то пудовъ золотыхъ ризъ, а для личныхъ удобствъ владыки коляску съ кровными рысаками. Мамантовъ, конечно, герой, и о немъ Times пишетъ и самъ король справляется, но все-же удобно ли ограбить одинъ храмъ ради другого и подобаетъ ли владыкѣ пользоваться «военной добычей»? Рысаки не собаки, на кличку не откликаются, но кой-какія примѣты однако существуютъ...

Дальше дѣла пошли ускореннымъ темпомъ, Москву Мамантовъ по «стратегическимъ соображеніямъ» брать не пожелалъ и обремененный многоверстнымъ обозомъ двинулся къ роднымъ пенатамъ. Съ трудомъ у Коротояка ему удалось отбиться отъ Буденнаго; въ этомъ

Digitized by Google

сраженіи полегла большая часть такъ называемой Тульской дивизіи, составленной изъ крестьянъ центральной Россіи; ей была предназначена тяжелая задача — защищать переправы. Пока тянулся обозъ, нескончаемый, трудно переправимый, отнимающій массу провожатыхъ — Туляки дрались...

Наконецъ корпусъ вернулся въ Донскую область. Корреспонденты, выѣхавшіе на встрѣчу, на ст. Кантемировку, полюбовались разнообразіемъ привезенныхъ изъ рейда вещей: отъ шифоньеровъ до клѣтокъ со скворцами было широко представлено все русское хозяйство. О деньгахъ и камняхъ много говорили, но показывать не показывали. Героямъ рейда былъ предоставленъ небольшой отпускъ; нагруженные военной добычей они разъѣхались по станицамъ, предвкушая радость использованія пріобрѣтеннаго за шесть недѣль боя. Изъ отпуска вернулось не болѣе одной трети: для остальныхъ смыслъ войны былъ изжитъ. А запугать ихъ было нелегко: они привыкли видѣть смерть на черезчуръ близкомъ разстояніи. «Не хочу» означало дѣйствительно — «не пойду».

Распустивъ исполинскіе, единственные въ мірѣ усы, Мамантовъ бросился съ головой въ открывшіяся предъ нимъ радостныя пропасти. Вечера съ англичанами, вечера съ

Digitized by Google

французами, вечера съ итальянцами — что говорятъ не понятно, но пьютъ серьезно. Вечера съ донскими парламентаріями, вечера съ поклонницами, вечера съ офицерствомъ — все понятно — и этикеты и тосты и легкія обѣщанія.

Корреспонденты набросились на него, какъ коршуны. И сколько пришлось поработать донскимъ цензорамъ, чтобы изъ вороха гранокъ вытравить откровенныя признанія генерала. Въ результатѣ отъ рейда для печати осталась лишь сторона военная, бравурная; экономическія послѣдствія и наблюденія политическія были уничтожены отъ перваго слова до послѣдняго, — и публикой читались въ спискахъ, при чемъ каждый читавшій отъ себя прибавлялъ щедрой рукой пули, единицы, яркія детали. Черезъ недѣлю, когда списки широко разошлись, рейдъ Мамантова вошелъ въ народную душу въ видѣ путешествія Али-Бабы въ наполненную кладами пещеру разбойниковъ. Къ Мамантову повалили съ подписными листами, предложеніями случайныхъ дачъ, выгодныхъ имѣній, исключительныхъ партій товара. Генералъ распушилъ усы еще больше, влѣзъ въ салонъ и уѣхалъ опять на фронтъ.

«Предстоитъ второй рейдъ, свѣдѣнія о коромъ по понятнымъ причинамъ сообщены

Digitized by Google

быть не могутъ»: такимъ остроумнымъ плакатомъ, сопровожденнымъ обычной порціей слюней ознаменовалъ толстозадый мальчикъ отъѣздъ генерала.

Какъ извѣстно второй рейдъ не состоялся. Въ вопросѣ о причинахъ авторитеты, конечно, разошлись.

Виновата нога, которую генералъ повредилъ, садясь на лошадь и изъ за которой онъ больше вообще никогда не смогъ влѣзть на лошадь.

Виноватъ кубанецъ Улагай, который не пожелалъ подчиниться донцу и тѣмъ разстроилъ знаменитую диспозицію «рейда конной группы».

Виноватъ Троцкій, который въ промежутокъ между первымъ и «вторымъ» рейдами научился влѣзать на лошадь и цѣликомъ укралъ идею донского командованія...

Виноватъ Буденный, который прорвался не тамъ, гдѣ ему полагалось и на недѣлю раньше, чѣмъ имѣлъ право... согласно диспозиціи!...

Мамантовъ оказался трехнедѣльнымъ удальцомъ въ самомъ непереносномъ смыслѣ. Когда выяснилось съ печальной ясностью, что августъ неповторимъ, когда вмѣсто совѣтскихъ тыловъ, ему пришлось дѣйствовать въ

Digitized by Google

метель, въ опустошенномъ Донецкомъ бассейнѣ, пропало и его кавалерійское сердце. Уже никто не пѣлъ «Христосъ Воскресе», уже не было спирта не только для раздачи населенію, но даже для собственныхъ нуждъ, уже на запасныхъ путяхъ узловыхъ станцій замерзали испорченные танки и съ большевистскихъ аэроплановъ летѣли саркастическія летучки — «вы къ намъ шли два года на танкахъ, мы къ вамъ пришли за мѣсяцъ на санкахъ»... Донецкіе рабочіе выполняли свою программу — минимумъ: встрѣчать цвѣтами побѣдителя, провожать выстрѣлами побѣжденныхъ. Мамантовъ вышелъ изъ игры. Поводъ? Не то онъ придрался къ чему-то, не то къ нему придрались за что-то. Отъ августовскихъ трофеевъ оставался одинъ французскій бульдогъ, найденный въ Тамбовѣ, въ захваченномъ поѣздѣ Троцкаго... Съ этимъ быстро привязавшимся бульдогомъ, каждый часъ наблюдая, какъ еще быстрѣе отвязываются былые друзья и почитатели — Мамантовъ проѣхалъ въ тылъ. Сдали Ростовъ — двинулся въ Екатеринодаръ. Пробовалъ пить — получалось скучно. Пробовалъ разговаривать — выходило еще скучнѣй. Онъ — Мамантовъ Тамбовскій, оказывался въ числѣ главныхъ виновниковъ... О, какъ онъ пушилъ свои усы, какъ онъ стучалъ своимъ мощнымъ

Digitized by Google

кулакомъ. Напрасно. Молохъ гражданской войны пожравъ генерала, подбирался къ человѣку.

Въ порядкѣ эвакуаціи его покусали сыпнотифозныя вши; въ порядкѣ эвакуаціи небрежно лечили, въ порядкѣ эвакуаціи поспѣшно, подчеркнуто скромно похоронили. Совѣтская сводка отмѣтила «смерть въ Екатеринодарѣ извѣстнаго бандита Мамантова», озябшій репортеръ кубанской газеты что-то нацарапалъ на обрывкѣ блокъ-нота, а одинъ изъ бывшихъ адъютантовъ дородный румяный человѣкъ вечеромъ того же дня сильно клюкнулъ и неестественнымъ театральнымъ голосомъ, голосомъ спившихся трагиковъ и осипшихъ суфлеровъ разсказывалъ двумъ земгусарамъ: «Господи, раздолье то какое! 3 августа вошли мы въ Тамбовскую губернію. И пошло, что твой автомобиль. Днемъ спимъ, гуляемъ, жремъ, а ночью идемъ по росистымъ полямъ. Скошенное сѣно пахнетъ невообразимо, лошади чавкаютъ, луна такая, что вынимай изъ сумы деньги и считай. Въ одну пачку николаевскія, въ другую керенки, въ третью нашего донского производства. Благодать братцы. Генералъ нашъ, за полверсты ѣдетъ, а усищи видны... Царствіе ему небесное»!...

Digitized by Google

* * *

Судьба ломала, швыряла, мяла, опрокидывала всѣ планы и гнала все дальше, дальше и дальше. Въ Новороссійскѣ прежде чѣмъ выпустить свои жертвы въ море, она приготовила для нихъ цѣлый лѣсъ пытокъ. Сыпнякъ достигъ размѣровъ неслыханныхъ, люди изнемогали въ борьбѣ съ марсіанами, придумывали адскія мѣры, но сдѣлать ничего не могли. Спать пришлось въ поѣздахъ на полу загаженныхъ теплушекъ, на столахъ кофеенъ, просто на улицѣ. И тогда ударилъ Крещенскій морозъ, завылъ нордъ-остъ. Вѣтеръ не можетъ достигать такой силы!... Какая-то роковая Немезида срывала суда съ якорей, подымала на воздухъ будки съ часовыми и замораживала, убивала самой страшной смертью. По утрамъ обитатели теплушки, выглядывая изъ подъ бурокъ, обнаруживали въ своей средѣ новый трупъ. Сыпныхъ уже перестали лѣчить. Зараженные составы отводились на далекій запасный путь и здѣсь ихъ обитатели или замерзали или умирали отъ жажды и голода. Ни одинъ врачъ, ни одинъ санитаръ не рѣшался переступить порогъ инфернальныхъ вагоновъ. Триста тысячъ человѣкъ, сбѣжавшихся въ этотъ несчастный переполненный городъ поняли, что они у

Digitized by Google

послѣдней черты. И кончилось все. Врачъ зналъ, что надо не лечить другихъ, а самому ловчиться на пароходъ. Санитаръ зналъ, что красные на носу и они не погладятъ по головкѣ за заботы о бѣлыхъ — и онъ наскоро перекрашивался.

Военными овладѣло бѣшенство конца. Власть бредила. На улицѣ хватали стариковъ и требовали отъ нихъ рытья окоповъ, хотя послѣдній прапоръ понималъ, что нужны не окопы, а пароходы. Человѣку, желающему спастись и имѣющему возможность уѣхать, ставились непреодолимыя препятствія. Въ его каюту врывались люди съ кровавыми глазами въ сорокаградусномъ жару, сували въ руки винтовку и гнали за городъ, хотя армія страдала именно отъ множества ненужныхъ неумѣлыхъ элементовъ и никакая мобилизація уже не могла спасти градъ обреченный — Новороссійскъ.

Отъ Деникина до контръ-развѣдки, отъ коменданта до его часовыхъ — властью руководилъ все тотъ же Великій Сыпнякъ. Однихъ онъ сваливалъ, другіе переносили его чары на ногахъ, но разумъ пересталъ дѣйствовать и у тѣхъ и у другихъ. Съ сѣвера шелъ Буденный, въ городѣ готовилось возстаніе, съ горъ двигались зеленые...

Digitized by Google

Мы умремъ, но пусть умрутъ и всѣ штатскіе — вотъ бредъ Новороссійска. На счастье штатскихъ еще существовали денежные знаки и за извѣстное количество пятитысячныхъ хозяинъ кабарэ «Нордъ-Остъ» давалъ и музыку (Сильва, Сильва...) и заграничный паспортъ и ночлегъ и гарантію на случай облавы. И ужъ конечно для спасенія Новороссійскихъ жертвъ онъ сдѣлалъ гораздо больше Деникина съ его окопными работами и сэра Макиндера съ его эвакуаціей только для женщинъ и дѣтей(т.е. для тѣхъ, кому большевики наименѣе страшны). У южнорусскаго Содома оказался свой праведникъ.

* * *

Сперва похоронили Пуришкевича, потомъ князя Евгенія Трубецкого. Такова была иронія Немезиды. Въ апогей нордъ-оста исхудалая, съ ногъ валящаяся лошаденка отвезла на кладбище два некрашенныхъ забитыхъ гроба. Въ день Пуришкевича еще можно было идти противъ вѣтра, не рискуя быть унесеннымъ. Въ день Трубецкого по мостовымъ скрежетали сорванныя вывѣски, громадный итальянскій пароходъ снесло съ якорей и кучка людей, провожавшая князя, шаталась, какъ пьяная, задыхалась, какъ въ астмѣ.

Digitized by Google

Три года назадъ, въ снѣжную ночь на хорошемъ автомобилѣ Пуришкевичъ отвозилъ трупъ Распутина на острова. Три года назадъ въ строгомъ залѣ Маріинскаго дворца Трубецкой держалъ свою знаменитую рѣчь о темныхъ силахъ, Протопоповѣ, Штюрмерѣ и т. д. «Это не люди, это тѣни»...

Пуришкевичъ до послѣдняго дня остался тѣмъ же бессарабскимъ депутатомъ, котораго нѣкогда Головинъ удалялъ на 15 засѣданій. Суетился, сновалъ изъ Одессы въ Ростовъ, изъ Ростова въ Кисловодскъ, изъ Кисловодска въ Новороссійскъ. Вездѣ хотѣлъ создать какую то новую національную партію въ духѣ вульгаризованнаго Аксакова,. а главное обличалъ, бранилъ, грозилъ. Въ Одессѣ обличалъ союзниковъ — высылалъ д'Ансельмъ, въ Ростовѣ обличалъ и союзниковъ и казаковъ — высылалъ донской атаманъ; въ Кисловодскѣ затаившей дыханіе титулованной аудиторіи разъяснялъ, что начальникъ французскаго штаба въ Одессѣ Fridenberger есть никто иной, какъ кременчугскій еврей Фриденбергеръ, другъ Троцкаго и т.п. и т.п. Слѣдовали бѣшеные апплодисменты и предупрежденіе со стороны Терскаго главноначальствующаго.

Лысый демонъ безтактности, осунувшійся,

Digitized by Google

желчный, страдающій маніей преслѣдованія, онъ хотѣлъ страстно любить Россію, но пока что изошелъ ненавистью къ тѣмъ, кто по его мнѣнію являлся врагомъ Россіи. Годы волненій, крѣпость и революціонный трибуналъ замѣтно сокрушили неугомоннаго человѣка: въ немъ уже была трещина, незаполнимая никакой ироніей. Поблекли рѣчи, подешевѣли сарказмы, не удавались экспромты. Дѣловая работа? На ея мѣстѣ воцарилась безпредметная суетня: деклассированная, сбродная армія была глубоко враждебна душѣ корневого человѣка стараго режима. Можно любить того, кто ненавидитъ тебя, но нельзя любить того, кого самъ ненавидишь. Онъ бы не смогъ вступить въ Москву Деникина...

Въ деревяномъ некрашенномъ гробу лежала лишь оболочка Пуришкевича, душа его умерла уже очень давно — 27 февраля 1917 г. Петербургскій нордъ-остъ предупредилъ своего новороссійскаго собрата.

...Пробѣженствовавъ три года, у грани обѣтованной земли, лицомъ къ солнцу запада, падавшему въ море, среди панической бредящей толпы умеръ князь Евгеній Николаевичъ, Трубецкой. Отъ сыпняка въ Новороссійскѣ: хрестоматическій конецъ человѣка той развалившейся Россіи...

Digitized by Google

Три года бѣжать и терять въ каждомъ городѣ пріобрѣтенное двухстолѣтней культурой предковъ, длинной великолѣпной жизнью!..

Трубецкой пережилъ все, во что уходилъ корнями, изъ чего росъ къ разуму, который такъ и не возсіялъ ни для него, ни для его друзей. Пережилъ Московскій университетъ. Помнилъ тихую зарю Буслаева, раздѣлилъ рабочую страду Соловьева, Ключевскаго, брата Сергѣя, Стороженко и увидѣлъ... обязательные курсы начетчика Скворцова, прожектора Ларина. Какъ онъ завидовалъ друзьямъ его радостной юности... Максимъ Ковалевскій, не увидѣвшій лица Медузы, щедрый Петроній, влюбленный въ жизнь, за часъ до смерти перечитывающій Лермонтовскаго ангела: «Ахъ, еще бы этихъ скучныхъ пѣсенъ земли»...

Коршъ, ушедшій подъ громъ первыхъ побѣдныхъ Карпатъ, въ багряномъ свѣтѣ могущества Россіи, въ апоѳеозѣ собственной славы.

Братъ Сергѣй, чье сердце остановилось на порогѣ эпохи, въ которую онъ вѣрилъ, какъ въ золотой вѣкъ русской культуры..., какъ въ полное осуществленіе великаго Логоса. А Евгеній — онъ пережилъ даже самую возможность національнаго возрожденія, національной культуры: Россія проводила его некрашенный гробъ Востокомъ именно Ксерк-

Digitized by Google

са, а не Христа. Послѣ религіозно-философскаго общества, послѣ «Русскихъ Вѣдомостей», послѣ «трудной Господней работы» — завѣта Вл. Соловьева — кончилось все, однимъ ударомъ. Редакціи, общества, судебные уставы, земства, университетскіе семинары, научная работа.

Ему было за шестьдесятъ; грузный русскій баринъ, совмѣстившій въ своей фигурѣ неповоротливую мощь родной земли и тревожные надрывы западныхъ всходовъ — Трубецкой почувствовалъ себя въ кромѣшной тьмѣ. Солнце разума скрывалось отъ него за мохнатыми спинами западныхъ наркомпроса, пролеткульта, въ ледяной пустынѣ снова зачадили лучины и онъ пересталъ вѣрить въ землю обѣтованную... Ибо не было больше краеугольнаго камня его міросозерцанія — вѣры въ русскій народъ. Когда рухнулъ этотъ камень, все обратилось въ кучу мусора. Сорокъ лѣтъ подрядъ Трубецкой убѣждалъ, писалъ, проповѣдывалъ, доказывалъ: существуетъ правда русскаго народа, выстраданная, объективнообоснованная, заслуженная, самая высшая правда въ мірѣ. «Любовь моя къ народу — отвѣтилъ онъ однажды П. Б. Струве — не темный подсознательный эросъ, не безпричинное влеченіе. Я поклоняюсь не народу, а той правдѣ, что за нимъ»...

Digitized by Google

Отвѣтилъ такъ уже *наканунѣ*, въ 1916 году, въ «Русской Мысли», редактируемой Струве; а въ 1920, за двѣ недѣли до смерти, въ газетѣ «Великая Россія», редактируемой тѣмъ-же Струве, страшнымъ воплемъ въ сердце раненаго богатыря Трубецкой заревѣлъ: «Неужели Вы думаете, что эту сволочь можно учить аграрной реформой»...

...Въ оборванной медвѣжьей шубѣ московскаго охотника, съ длинными рукавами, волочившимися по тротуару, съ мутными, никого не видящими глазами, проходилъ онъ свои послѣдніе дни. На Серебряковской улицѣ бушевали облавы, нордъ-остъ заглушалъ тревожныя сирены, съ горъ доносилась пальба: наступали зеленые... Красные, зеленые, бѣлые... Трубецкой умеръ отъ того, чѣмъ мы пытались жить. Правда, раздѣлившаяся на цвѣта, перестала быть правдой.

Огненная Русь потухла отъ дыханія смертоносныхъ марсіанъ. Оставалось бредить — но бредить онъ не захотѣлъ...

Въ некрашенномъ гробу на Новороссійское кладбище отвезли послѣднюю Москву... По прежнему завывалъ нордъ-остъ и провожалъ уходившіе въ море корабли своей страшной пѣснью эвакуаціи. О томъ, что еще много бѣсноватыхъ жертвъ осталось на проклятомъ берегу. О томъ, что Его Величество Сыпнякъ

Digitized by Google

для сбора тучныхъ урожаевъ посылаетъ новыя полчища своихъ быстроногихъ жнецовъ.

О томъ, что не скоро кончится бредъ занемогшей оскорбленной земли...

По Серебряковской проходили хромые подростки въ мохнатыхъ пальто; въ примерзшія къ посинѣвшимъ губамъ, изломанныя трубы они дули изо всѣхъ силъ: «Похоронный маршъ? «Сильва»? «Коль славенъ»? Кто знаетъ? Кто возьмется угадать...

Digitized by Google

МИРАЖИ.

...«На четвертыя сутки въ полдень одинокая пальма издали казалась журавелемъ колодца. Когда же на горизонтѣ блеснула полоска новой волны песковъ, нѣкоторые изъ насъ кинулись бѣжать съ хриплымъ крикомъ — «озеро», «вода»»...

(Изъ записокъ путешественника въ пустынѣ).

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

До сихъ поръ не могу понять. Было все это на яву, въ дѣйствительной жизни, во всѣхъ полагающихся измѣреніяхъ — или просто отъ тропической жары, отъ тропическихъ снѣговъ, отъ болотныхъ испареній, отъ болотной сырости встали гигантскіе миражи и поползли по окровавленному Кавказу... Англійскіе полковники создавали республики, Сергѣй Городецкій прославлялъ праздникъ Байрама, Матвѣй Скобелевъ требовалъ отъ антанты de jure признать грузинскую республику, перводумецъ Рамишвили налаживалъ полицейскій аппаратъ, а мой старый московскій пріятель поэтъ Тиціанъ Табидзе, сидя въ кафэ «Дорбази» на Головинскомъ съ трудомъ припоминалъ русскія слова... Единственное, что осталось отъ всѣхъ трехъ республикъ, единственное, ради чего пожалуй стоило имъ существовать — Судейкинская раскраска тифлисскаго кабарэ «Хамелеонъ», бакинскіе портреты Сорина...

Не англійскаго-же толстозадаго «боби» втаскивать въ исторію въ качествѣ эмблемы

Digitized by Google

закавказскаго опыта? Не особый же тифлисскій отрядъ — жалкая пародія организаціи Лациса — оправдаетъ собой 2½ тяжкихъ года?

Намъ каждый гость ниспосланъ Богомъ,
Какой-бы ни былъ онъ страны...

Въ числѣ гостей оказалась къ счастью и кучка незваныхъ оборванныхъ русскихъ. И изъ всей человѣческой рвани, — жадной до каратовъ, щедрой на посулы, тугой на дары — занесенной въ миражныя республики люксами четырехъ ллойдовъ, кой-какой слѣдъ оставили лишь застѣнчивые нежелательные люди.

Такъ нѣкогда на перепутьи культуръ, на базарахъ Востока особенно гордо звучала латинская рѣчь! Civis romanus sum...

2.

Все уже давно кончилось. Четыре ллойда увезли обратно жадныхъ варяговъ, Судейкинъ и Соринъ въ Парижѣ, тутъ же и три правительства. Дѣлить намъ больше нечего, патентовъ на проницательность нигдѣ не выдаютъ...

Утромъ просыпаюсь, сажусь на коврикъ, обкладываюсь газетами и читаю, читаю, читаю.

Que le monde est grand à la lumière
des lampes,
Aux yeux du souvenir que le monde
est petit...

Digitized by Google

Всѣ фамиліи знакомы, всѣ дороги изъѣзжены, жили во всѣхъ отеляхъ, сидѣли во всѣхъ кофейняхъ. Англійскихъ адмираловъ, американскихъ комиссаровъ, французскихъ пословъ итальянскихъ консуловъ, международныхъ контръ-развѣдчиковъ — кто-жъ ихъ не запомнилъ изъ числа тѣхъ по крайней мѣрѣ, кто побывалъ въ странѣ миражей?

*
* *

Вотъ и вчера, раскрылъ «Матэнъ». Гляжу: письмо съ Кавказа. Ага, то, что надо. Кто пишетъ: Одеттъ Кенъ... Такъ! Годъ 1920, весна, лѣто, городъ Тифлисъ, а если по нашей особой живой хронологіи: Деникинъ уже уѣхалъ въ Лондонъ, Кривошеинъ еще не пріѣзжалъ въ Севастополь.

Длинная, нескладная, руки, какъ плети, плечи прокалываютъ легкій батистъ, синіе, пресиніе круги подъ глазами, еслибъ не единственный, только француженкѣ присущій подъемъ ноги — бился-бъ о закладъ, что встрѣтилъ англичанку, путешествующую по директивамъ Thomas Cook and C-o...

Въ войну прожила немало времени въ Алжирѣ, о нравахъ, литературѣ, вѣрованіяхъ мало изслѣдованныхъ племенъ написала книгу, по женски добросовѣстную, по мужески

Digitized by Google

тягучую, долбящую, самовлюбленную. На закатѣ закавказскихъ республикъ, — повстрѣчавшись въ средиземномъ морѣ съ кораблемъ Деникина — пріѣхала въ Тифлисъ и преисправно сувала носъ всюду, куда только звали. А звали часто, настойчиво, архилюбезно. Ибо въ странѣ, гдѣ вино пьется съ утра и съ колыбели, свѣжій человѣкъ немедленно превращается въ миражъ, репортеры становятся Рошфорами, помощники присяжныхъ повѣренныхъ Гамбеттами. На Головинскомъ проспектѣ Одетть Кенъ за одну недѣлю выросла до размѣровъ г-жи де-Сталь. Г-жа де Сталь открыла новую Германію, г-жа Одетть Кенъ откроетъ никому невѣдомую Грузію.

Съ ней носилось правительство, ей устраивались этнографическія поѣздки въ забытые уѣзды, гдѣ каждый камень говоритъ о стародавней Иверской землѣ, о жизни мученическаго подвига: здѣсь слегъ авангардъ христіанства.

Частные люди, со всей широтой и легкостью, какія возможны только на Кавказѣ, дарили ей рѣдкія мингрельскія книги, доставали рукописи на пергаментѣ. приносили ковры, вытканные въ тоскѣ Дарьярскаго ущелья невѣдомыми рабынями прошлыхъ столѣтій и изумительные щиты съ латинскими надписями, занесенными сюда быть можетъ крестоносцами... И случилось все то, что должно было случиться.

Digitized by Google

Съ экспансивностью романской женщины, поэтессы, старой дѣвы, Одеттъ Кепъ за какія-нибудь двѣ недѣли стала яростной грузинской патріоткой. Ужасались ея бывшіе кавалеры, британскіе офицеры, футбалисты, охотники и лаунъ-тениссисты. Одинъ, старый майоръ — убившій еще до іюля 1914 года свыше 500 лисицъ — сказалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ основалась Ligue of Condamnations, его вообще ничто не удивляетъ. Все пошло къ радикаламъ и къ чортовой матери. Принцъ Уэллскій изъ пяти выстрѣловъ промазываетъ три, а у вице-короля Индіи такой слабый back-hand, что онъ не въ состояніи принять чуть-чуть низкаго мяча...

Тѣмъ временемъ Одеттъ Кенъ присутствовала на безконечныхъ банкетахъ въ ея честь. Въ гостинницѣ Оріантъ, гдѣ дряхлый метръ д'отель помнилъ первые годы Воронцовскаго правленія съ дебелой красавицей — покойной графиней, грузинскіе писатели и политическіе дѣятели соревновались въ цвѣтахъ восточнаго краснорѣчія. Одеттъ Кенъ оказывалась тѣмъ самымъ Аполлономъ, который время отъ времени спускается на землю и посѣщаетъ далекія страны; ея книга о Грузіи сыграетъ исключительную роль въ исторіи познанія Востока; со времени книги Клоделя о Китаѣ ничего подобнаго не появлялось и т. д. и т. д.

Digitized by Google

Прекрасная страна, прекрасное вино, прекрасные миражи!

Наступалъ 1921 г. Большевики были у самой Куры. По Тифлису металась Одеттъ Кенъ потрясая плечами, ключицами, руками она кричала, что Романскій міръ не допуститъ уничтоженія оазиса, сокровищницы героическаго христіанства, родины Руставелли. Языкомъ отточеннымъ всѣми исканіями Готье и его школы, она предсказывала новый крестовый походъ.

Миссіи укладывали чемоданы, колесо вертѣлось за недѣлю до конца пріѣхалъ «Кривой Джимми» и у Дорбази заиграли Сильву. Потомъ пришелъ Левандовскій и разграбилъ родину Руставелли; захватилъ и ковры и иконы и книги; ковры продалъ, иконы разбилъ, книги сжегъ.

Грузія пила чашу до дна; Горійскій уѣздъ увидѣлъ картины, предъ которыми поблѣднѣли ужасы прошлогодняго землетрясенія. Нуженъ былъ четырехлѣтній опытъ «очистки городовъ» отъ контръ-революціонныхъ элементовъ», нужно было, чтобы «золотое сердце» спѣло создать свою школу... и весь этотъ запасъ садизма по рецепту, мести по канону упалъ на головы наивныхъ веселыхъ обитателей страны миражей...

Вѣрный другъ грузинскаго народа — Одеттъ

Digitized by Google

Кенъ — осталась въ Батумѣ, она не захотѣла «покинуть вторую родину въ дни скорби». Въ «Матэнъ» она послала обстоятельное письмо, гдѣ все объяснила.

«Сахаръ подешевѣлъ», «населеніе въ восторгѣ», «вотъ наконецъ люди», «Грузія вздохнула полной грудью», «нѣтъ смысла ѣхать во Францію, самая счастливая страна въ мірѣ теперь здѣсь — въ лонѣ свободы». Какъ только поправятъ мосты, я вернусь въ Тифлисъ»...

...Люди трехъ правительствъ, проживающіе въ Парижѣ, потрясены поступкомъ Одетъ Кенъ, какъ отцеубійствомъ, какъ отравленіемъ единственнаго ребенка...

Я утѣшалъ, какъ могъ, но самому себѣ, на газетномъ коврикѣ, сказалъ: закончена еще одна глава познанія Запада Востокомъ и Востока Западомъ. Какъ хорошо и ясно, что Одетъ Кенъ написала свое письмо. Мужчины въ аналогичныхъ случаяхъ не пишутъ въ «Матэнъ». Вѣрные старые друзья, преданные мужчины, подписываютъ ордера на отправку парохода съ бѣженцами, «реэвакуируемыми на честное слово республики совѣтовъ»...

3,

Можно убитьчеловѣка, но миражи возникаютъ снова и снова. Лишь бы была пустыня. За утро на коврикѣ сразу два миража: одинъ

Digitized by Google

вродѣ цвѣтущаго оазиса, съ зеркальнымъ озеромъ, со свѣжестью клейкой листвы, другой пугающій, угрюмый, образъ смерти, засухи, погибели.

Во главѣ хуверовскихъ организацій въ Россіи полковникъ Вильямъ Гаскель. Старый закавказскій знакомый. За всю антанту старался спасать придуманную, но не обутую и не накормленную Арменію. American Relief commitee не предполагалъ въ тѣ дни, что придется ему помогать «красной лошади», противъ которой столь неудачно сыграли друзья англичане...

Снабженіе хлѣбомъ гибнущихъ замерзающихъ армянскихъ сиротъ, младенцевъ, стариковъ, борьба съ цынгой, холерой, сыпнякомъ, неуклонно приходившими на смѣну курдовъ: кого не дорѣзали курды, скашивала ихъ коса.

Гаскель явился въ Тифлись, занялъ особнякъ, посадилъ на «форды» съ надписью A. A. R. байкихъ заокеанскихъ джентльменовъ и началась работъ: былъ брошенъ вызовъ всему тому, что на Кавказѣ почиталось непреодолимымъ.

Съ точностью часового механизма два-три раза въ мѣсяцъ въ Батумскій портъ вваливались пятнадцатитысячъ тонные великаны; въ облакѣ мучной пыли скрывался городокъ, испо-

Digitized by Google

линскія лебедки черезъ всю бухту жонглировали нигрузовиками, походными лазаретами, дл нѣйшими ящиками съ консервами, обувью, одеждой...

Неразговорчивые хаки со значкомъамериканскаго краснаго креста, съ сигарой въ зубахъ, бдительно слѣдили за ходомъ грузки, мало довѣряя чумазымъ мушамъ; самолично препровождали хвостъ подводъ на желѣзную дорогу; изрѣдка короткій ударъ стэка — и лихой туземный джигитъ сконфуженно бросалъ неудавшуюся попытку спартизанить что-либо, Со станціи Санаинъ начиналась баснословно отвратительная даже для Россіи узколейка, полоса обваловъ, заносовъ, развинченныхъ рельсъ, украденныхъ шпалъ... Кругомъ вопіющая порча нравовъ: воруютъ всѣ отъ праводниковъ до встрѣчныхъ пастуховъ; злоумышленники подготовляютъ крушенія, въ проталинахъ грязнѣющаго снѣга не рѣдко разлагаются трупы зарѣзанныхъ осенью до снѣга и оставшіеся здѣсь до весны: когда стаетъ снѣгъ, прибѣгутъ шакалы и пожрутъ падаль... На пригоркахъ блуждаютъ тѣни стариковъ, женщинъ, согнутыя подъ тяжестью замерзающихъ дѣтей. Взоры всѣхъ устремлены на новую столицу — Эривань. Но и тамъ тотъ-же непобѣдимый сыпнякъ, въ крошечной комнаткѣ ютятся сразу четыре министра,

Digitized by Google

на улицѣ не протолпишься отъ нищихъ. Въ воздухѣ запахъ карболки и... паники: каждый день ожидается «мѣстное выступленіе»... Какъ тутъ работать?

Рѣдко приходится Гаскелю засидѣться въ его Тифлисской квартирѣ дольше, чѣмъ на одни сутки. Изъ четырехъ краевъ Армянской республики несутся вопли осчастливленныхъ въ Севрѣ людей — «мы не хотимъ республики, мы хотимъ хлѣба, сапогъ и безопасности»... Классическій англо-саксъ — условная внѣшность завоевателя, сердце героя сентиментальныхъ фильмъ — очень хорошо понялъ невозможность довѣряться кому бы то ни было въ странѣ, пережившей 1917-1920 годы... Все на томъ-же невзрачномъ Фордѣ, преодолѣвающемъ горы, болота, снѣга и пески, онъ колеситъ по воющимъ вилайетамъ, контролируетъ нужду, распредѣленіе, недохватку. Двухлѣтняя работа, увѣнчавшаяся полнымъ успѣхомъ, проведена исключительно при помощи своихъ, привезенныхъ изъ Америки людей. Не знали ни языка, ни обстановки, но зато не были затронуты самумомъ разрухи. Ни слова по русски... но зато и ни одного русскаго поступка!

Рядомъ съ Вильямомъ Гаскелемъ шла другая жизнь, другихъ англосаксовъ: великобританская оккупація палками толстозадыхъ «бобби» прививала добрую мораль, расхища-

Digitized by Google

ла богатства края, оставляя гибнуть голодающихъ, умирать больныхъ; englich is the first nation...

Безъ дредноутовъ, безъ пушекъ, безъ чванныхъ приказовъ, не разсыпая неисполнимыхъ обѣщаній, Гаскель поспѣвалъ всюду и пока онъ на Кавказѣ — Арменія сыта.

Потомъ обычный рэфрэнъ: пришелъ 21 годъ, пришли пророки изъ Москвы, разграбили запасы Гаскеля, продали автомобили, загадили лазареты... Полгода на родинѣ, и снова за океанъ — къ еще болѣе страшной работѣ. Въ атмосферѣ рекорднаго воровства, цинизма, лжи, среди сыпныхъ вшей, чумныхъ крысъ, въ Россіи, превращенной въ гигантскій нужникъ — американскій полковникъ, представитель самыхъ большихъ и самыхъ упорныхъ въ мірѣ «помѣщиковъ, банкировъ и капиталистовъ» долженъ спасать тѣхъ, кого не успѣли заморить друзья хижинъ—враги дворцовъ...

И все тотъ-же забрызганный Фордъ уже колеситъ по самарскимъ черноземамъ, по астраханскимъ пескамъ... Трясучій, какъ бричка Коробочки, побѣдоносный, какъ танкъ Китченера!...

***

Въ Великобританской казнѣ нѣтъ денегъ для помощи, но въ англійскомъ словарѣ есть матеріалъ для замысловатыхъ рѣчей. Оливеръ

Digitized by Google

Уордропъ — бывшій верховный комиссаръ въ Закавказьѣ — назначенъ куда-то, какимъ-то представителемъ, въ качествѣ спеціалиста по русскимъ вопросамъ. Если имя Гаскеля на гребнѣ рѣдко-трогательной волны — все прекрасное столь же рѣдко, какъ и трудно — то Оливеръ Уордропъ прежде всего потревоженная и тревожащая тѣнь, знаменующая роковую эпоху въ исторіи гражданской войны.

Въ періодъ опредѣлившагося ущерба Колчака, Деникина, Юденича, нынѣшній генеральный консулъ въ Страсбургѣ, нынѣшній представитель гдѣ-то, чего-то пребывалъ все въ томъ же Тифлисѣ и дѣлалъ большую политику. Англія находилась въ зонѣ своего «вліянія», кругомъ била нефть и значитъ Англія давала тонъ...

Британскій профессоръ, Уордропъ представлялъ яркій типъ модернизованнаго пуританина. Суровый пафосъ Кромвеля выродился до степени суфражизма въ штанахъ, сохранивъ лишь увлеченіе къ словамъ съ истлѣвшимъ содержаніемъ, лишь скопческую ненависть къ... алкоголизму, къ Оскару Уайльду, къ современной живописи.

Уже на Версальской Конференціи «право на самоопредѣленіе народностей» вызывало зѣвоту у Клемансо, циничныя остроты у Ллойдъ-Джорджа, уже разочарованный Кейнсъ

Digitized by Google

отмѣчалъ въ своихъ дневникахъ полную агонію 14 пунктовъ развѣнчаннаго президента, а профессоръ Оливеръ Уордропъ по прежнему отстаивалъ дѣятельность экзотическихъ республикъ отъ «преступныхъ покушеній черныхъ генераловъ». При чемъ происходило дѣло въ тысячеплеменномъ Баку, ожидающемъ рѣзни, въ Тифлисѣ, открытомъ для ударовъ со стороны красной Арменіи и краснаго Кемаля...

Сперва мы — въ добровольческой арміи — много смѣялись надъ кукурузной идеологіей Уордропа, пока онъ парилъ на высотахъ, не страшныхъ для Деникинскаго тыла. Потомъ мы горько и неутѣшно плакали, когда въ дни Дагестанскихъ возстаній, въ концѣ расшатавшихъ южно-русскую базу, Уордропъ занялъ позицію загадочную, почти враждебную и ужъ во всякомъ случаѣ цѣликомъ расходившуюся съ предупредительной проповѣдью Киза, Бриггса и Хольмена на англо-русскихъ трапезахъ въ Ростовѣ, Таганрогѣ, Кіевѣ, Харьковѣ...

Нашъ — Хольменовскій полковникъ — Роландсенъ отъ имени правительства Его Британскаго Величества увѣщевалъ горцевъ Дагестана помогать Деникину и гарантировалъ имъ за это всевозможныя милости изъ Лондона. Ихній Оливеръ Уордропъ торжествен-

Digitized by Google

но заявлялъ, что никто Роландсена не уполномачивалъ и что напротивъ, — если горцы Дагестана дорожатъ милостями Лондона, — имъ надлежитъ денно и нощно бдить, какъ бы «пушки царскихъ генераловъ не обратились противъ демократическихъ республикъ»...

Тогда въ припадкахъ чисто добровольческой ярости намъ казалось, что вѣроломство Уордропа исходитъ изъ традиціонной англійской дипломатіи. «Линія Биконсфильда», — отплевывались таганрогскіе сердцевѣды... Теперь, когда всѣхъ помирилъ вахмистръ Буденный, отъ грузинъ и азербайджанцевъ насъ отдѣляетъ уже не Кавказскій хребетъ, а всего лишь небольшая уличка въ тихомъ Пасси... Глупости было больше, чѣмъ вѣроломства, взаимнаго хорохорства не меньше, чѣмъ традиціи...

Такъ или иначе, но пуританину Уордропу блестяще удалось поссорить, тишайшаго Деникина съ честнѣйшимъ Жорданія. У таганрогскаго генерала играло упорство и звенѣли въ ушахъ московскіе колокола; у тифлисскаго соціалиста была популярность, которой могъ позавидовать самъ Шарло, и онъ уже въ серьезъ считалъ себя кавказскимъ Кавуромъ. Опьяненный первой удачей, верховный комиссаръ двинулся дальше. Ему захотѣлось на практикѣ

Digitized by Google

показать свое знаніе Востока, свое чувство мусульманской души...

Въ началѣ 1920 года Оливеръ Уордропъ прибылъ въ Баку. Восторженный азербайджанскій народъ, составленный изъ безработныхъ бурильщиковъ, получившихъ по 100 рублей за овацію; бдительные полицейскіе въ итальянской (по случаю купленной) формѣ; филеры изъ бывшей царской охранки съ мечтой о провокаціи въ исхудалыхъ, нѣкогда породистыхъ лицахъ; расшитый золотомъ до самаго пупа персидскій консулъ; правительство in corpore, ожидающее Высокаго гостя на громадномъ (реквизированномъ) коврѣ; восточное угощеніе и все прочее по чину.

Потянулся длинный рядъ банкетовъ, гдѣ профессоръ блисталъ заученными татарскими словами, въ которыя онъ умудрился все-же всучить могущественный «ти-эчъ»; засѣли безчисленныя конференціи, гдѣ верховный комиссаръ объяснялъ Хану-Хойскому сущность демократическаго строя и его отличіе отъ режима оккупаціи: при первомъ захватѣ англичанами русской нефти назывался платой за пользованіе нефтепроводомъ, при второмъ возмѣщеніемъ расходовъ по содержанію оккупаціонныхъ войскъ...

Одновременно, въ тѣ-же дни января 1920, въ томъ же Баку, въ нѣсколькихъ кварталахъ

Digitized by Google

отъ мѣстопребыванія Уордропа происходило другое сборище — конференція лидеровъ «муссавата» (партіи бековъ и хановъ), большевистскихъ посланцевъ и офицеровъ Мустафы-Кемаля. Къ вечеру Ханъ-Хойскій старался отдѣлаться отъ Оливера Уордропа и прибѣгалъ на эти таинственныя собранія трехъ якобы враждующихъ сторонъ. Всѣ три стороны, играя лишь двумя словами — «Освобожденіе Востока» — пытались надуть другъ друга, а въ первую голову британскаго профессора, комиссара и кунака.

Результаты извѣстны: Левандовскій прогналъ и англичанъ и кемалистовъ и муссаватистовъ. Впрочемъ изъ послѣднихъ нѣкоторыхъ разстрѣлялъ.

Доброе англійское имя на Востокѣ, доброкачественная приготовленная къ вывозу нефть, запасы сырья, немало англійскихъ подданныхъ, засѣвшихъ въ подвалы че-ка: такова была, проигранная Уордропомъ, ставка. Вслѣдъ за ней вскорѣ послѣдовала Сѣверная Персія и игра перенеслась въ Афганистанъ...

Въ послѣдній разъ мудраго мужа совѣта я видѣлъ 28 апрѣля 1920 года на станціи Кобулеты подъ Батумомъ. Въ самомъ сердцѣ англійской оккупаціи добрый аджарскій народъ (для республики котораго британскій профессоръ набрасывалъ проектъ конститу-

Digitized by Google

ціи) взорвалъ желѣзнодорожный мостъ и всѣмъ ѣдущимъ — въ томъ числѣ и Уордропу — пришлось мѣсить около двухъ верстъ подъ тропическимъ дождемъ, по зловонной грязи полей орошенія. Верховный комиссаръ тщетно пытался защититься легонькимъ лѣтнимъ зонтикомъ. Шумныя сильныя струи заливали его съ ногъ до головы; грязь текла по добродѣтельному лицу неоцѣненнаго Вильсона...

Едва-едва вытаскивая ноги изъ вязкаго поля, я все же съ большимъ заслуженнымъ удовлетвореніемъ наблюдалъ профессора. Это былъ достойный финалъ двухлѣтней англійской работы въ Россіи. Начали вымпелами въ Одессѣ, танками въ Новороссійскѣ, манифестами въ Батумѣ, кончили въ Кобулетской грязи.

Честный тропическій ливень растворилъ послѣдній миражъ; въ утреннемъ парномъ туманѣ очертанія дредноутовъ на рейдѣ сливались съ горизонтомъ и казались бѣглыми дождевыми облаками...

4.

Теперь осень — осень 1921 года. Я сижу на коврикѣ въ тихой уличкѣ Auteuil. Здѣсь нѣкогда герой Мопассановскаго «Notre Coeur» разыскивалъ квартиру для свиданій съ госпожей Мишель де Бѣрнъ...

Digitized by Google

Въ двухъ шагахъ отъ моего дома жили братья Гонкуры, а если спуститься къ рѣкѣ, въ концѣ широкой проѣзжей улицы красный кирпичный особнякъ съ зелеными, всегда закрытыми ставнями. Прохожіе пугливо озираются и ускоряютъ шагъ: здѣсь живетъ Дейблеръ, человѣкъ, который въ наслѣдство отъ знаменитаго отца получилъ искусство нажимать кнопку гильотины...

Мишель де Бёрнъ, бааться Гонкуры, Дейблеры отецъ и сынъ. Какая снится жизнь... И все же, право, въ этомъ снѣ столько вѣкового быта, столько традицій, которыхъ лучше не ломать, столько счастливыхъ предразсудковъ... Пусть ужъ спящіе не пробуждаются...

...Полтора года назадъ въ Тифлисѣ была почти такая же тихая улица и былъ коверъ много лучше теперешняго парижскаго... Напротивъ, въ большомъ бѣломъ домѣ жилъ человѣкъ: Кировъ — посолъ самой свободной въ мірѣ страны. На домѣ висѣло все, что полагалось: серпъ и молотъ, часы пріема и списокъ новыхъ декретовъ, Р и С и Ф и еще разъ С и еще разъ Р...

Раза два въ недѣлю Кировъ выходилъ на балконъ второго этажа, изъ перваго этажа на мостовую выходили подозрительные люди въ новенькихъ костюмахъ и отъ имени грузинска-

Digitized by Google

го пролетаріата просили высказаться великаго посла... Онъ не заставлялъ себя долго просить и заводилъ шарманку.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Кирова, въ другомъ большомъ домѣ, жилъ посолъ одной изъ самыхъ не свободныхъ въ мірѣ странъ, жители которой по странной своей тупости не спѣшили однако переселяться въ страну товарища Кирова. У этого посла тирановъ были деньщики, добрые веселые парни, съ оливковыми глазами, съ воображеніемъ Тартарена на Альпахъ. Къ концу рѣчи Кирова они неизмѣнно выбѣгали, апплодировали и кричали «bravo, bravo»... Имъ было неудобно, что чужой человѣкъ не встрѣчаетъ сочувствія; языка его они не понимали, но... «monsieur est tout-à-fait charmant»...

Вечеромъ Кировъ писалъ въ Москву, что у него есть серьезныя провѣренныя доказательства близости мірового пожара... и вечеромъ посолъ тирановъ писалъ въ Европу, что съ большевиками едва ли стоитъ говорить, они идіоты и болтуны, и это вѣроятно навсегда...

А черезъ неполный годъ, оба снова встрѣтились на далекомъ Сѣверо-Западѣ, гдѣ не было ни тропическихъ пальмъ, ни рѣки Куры, ни славнаго «Навпареули № 66», послѣ бутылки котораго каждый вѣритъ въ то, что ему пріятно. Но такова ужъ черта страны товарища Ки-

Digitized by Google

рова: ея послы привозятъ горячій бредъ. На сѣверной конференціи онъ засѣдалъ и снова писалъ о близкомъ пожарѣ; и посолъ тирановъ, который и здѣсь оказался верховнымъ комиссаромъ, писалъ въ свою очередь то же, что писалъ изъ Тифлиса, изъ Омска, изъ Севастополя: съ большевиками едва ли стоитъ говорить, такъ какъ по провѣреннымъ показаніямъ господина, только что переплывшаго Финскій заливъ, совѣтская власть переживаетъ ущербъ и т. д....

Вотъ отъ этого сна хотѣлось бы проснуться. Вышвырнуть газеты, изорвать коврикъ, пустить въ глаза атропинъ — лишь бы не видѣть кавказскихъ миражей...

Не пой красавица при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной,
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Иную жизнь и берегъ цальній....

О, эти голосистыя красавицы Гавасъ-Рейтера!...

Digitized by Google

ГИБЕЛЬ НАДЕЖДЫ.

...Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ...

М. Лермонтовъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

«Я зажигалъ фонарь и въ роли Діогена отправлялся на поиски человѣка: въ Одессѣ его не было», (В. В. Шульгинъ, «1920 годъ»)...

Не было его не только въ Одессѣ; за полгода до появленія записокъ В. В. Шульгина, въ агонизировавшемъ бѣломъ Крымѣ, въ вагонѣ тогдашняго штаба арміи, тогдашній диктаторъ, надрываясь, кричалъ своему генералъ-квартирмейстеру: «Гдѣ же честные люди, гдѣ, Германъ Ивановичъ, умные честные способные люди, гдѣ мнѣ ихъ взять?»... Врангелевскому «Герману Ивановичу» оставалось послѣдовать примѣру Тургеневскаго Увара Ивановича: сложить руки на животѣ, поиграть перстами и сказать: «будутъ»... Будутъ? Но когда? Гдѣ? Какимъ образомъ? Изъ какихъ слоевъ? Ибо еще задолго до Перекопскихъ дней, въ прощальномъ Ѳеодосійскомъ приказѣ, Деникинъ многозначительно подчеркивалъ: «...Всѣмъ *честно* шедшимъ со мной въ тяжкой борьбѣ — низкій поклонъ»...

Поруганная бѣлая мечта, не найденный человѣкъ Діогена, не существующіе «честные,

Digitized by Google

умные, способные люди» и въ итогѣ гибель надежды. Если 14 декабря 1825 — стоячая революція, то попытки 1918-20 — движеніе безъ идеологіи, нарывъ безъ стержня. Пальцемъ надавишь: лопнетъ и растечется по поверхности.

Въ арміи: дворяне, съ быстротой умопомрачительной метавшіеся отъ царя къ Родзянко, отъ Керенскаго къ саботажу, отъ бѣлой мечты къ контръ-развѣдкѣ; казачество, пасмурное, затаившее ненависть къ Москвѣ, впечатлительное, зыблемое, предавшее донца Каледина, кубанца Бардижа, терца Мистулова; коричневая интеллигенція, заблудившаяся межъ революціей и контръ-революціей, разумомъ ненавидящая большевиковъ, инстинктомъ чуждая генераламъ; крестьянство, тоскующее о мирѣ и землѣ, готовое идти со всякимъ, на чьемъ знамени демобилизація.

Въ тылу: ресторанные coups d'état отдыхающихъ мстителей; пресса, палочная, загнанная, пьяная, съ пріемами филера-штучника, съ идеалами чайной союза русскаго народа; петербургскій доцентъ Константинъ Соколовъ и революціонный комендантъ Энгельгардтъ въ роли пропагандистовъ; заспанные кокаинисты — коменданты городовъ, подражающіе красному террору и страшные

Digitized by Google

лишь для бумажниковъ кофейныхъ бѣлобилетчиковъ...

Диктаторы: или спящія красавицы, — убаюканныя колыбельной собственнаго сочиненія о великой, единой, недѣлимой, въ вѣчномъ ожиданіи благодѣтельнаго принца, который разбудитъ ихъ самихъ, одѣнетъ армію, отогрѣетъ замерзшую душу, — или чванливые нищіе, дорожащіе курсомъ ихъ тряпичнаго рубля, изображающіе сувереновъ, пытающіеся импонировать своимъ грязнымъ голымъ тѣломъ усталой Европѣ.

Мстители: бѣдные рыцари, восторженные и близорукіе, самоотверженные и пустоцвѣты, готовые на все и не способные ни на что...

Наконецъ, абсолютное безпримѣрное отсутствіе какой бы то ни было опредѣленной идеологіи, грозное смѣшеніе застарѣлаго добра и изощреннаго зла: или Деникинъ, что-то плетущій о замѣнѣ революціи и реакціи путемъ эволюціи или, Суворинъ — хмельное дитя Коломяжскаго ипподрома и Добровольческой ненависти...

2.

Первый командиръ Корниловскаго полка — генеральнаго штаба полковникъ Нѣжинцевъ. Мягкіе лучистые глаза, лицо и манеры приватъ-доцента; какъ влюбленный, говоритъ о

Digitized by Google

Корниловъ, какъ зачарованный молится на Россію. Смертельно раненъ въ тѣ-же роковые дни штурма Екатеринодара.

Сердце корнета, воля вождя, отвращеніе къ гражданской войнѣ и горькое сознаніе ея необходимости, стремленіе уговорить и убѣдить плѣннаго, исключительная даже въ первомъ походѣ щепетильность въ обращеніи съ имуществомъ обывателей, отсутствіе звѣрствъ и неумолимое ихъ преслѣдованіе — таковъ былъ Нѣжинцевъ...

Кабинетному ученому, просвѣщенному офицеру генеральнаго штаба — странно, чуждо ему въ атмосферѣ глухой ненависти первопоходниковъ, загнанныхъ въ ледяную степь. Пока живъ Нѣжинцевъ, теплится огонекъ весталки. Ей неизвѣстно лицо ея бога, сроки его прихода, но она ревностно поддерживаетъ священное пламя...

Полковникъ Блейшъ — послѣдній командиръ Марковской дивизіи временъ Новороссійскаго разгрома.

Храбрость — о храбрости не принято было говорить среди марковцевъ — онъ ходилъ въ атаку во весь ростъ, всегда впереди дивизіи.

Жестокость — ее не замѣчали среди марковцевъ — въ этомъ году Марковцы рѣдко брали плѣнныхъ.

Начисто выбритый, благоухающій, напу-

Digitized by Google

дренный, пристально наблюдаетъ Блейшъ жуткія сцены послѣ боя, равнодушно слушаетъ залпы разстрѣловъ, брезгливо смотритъ на начавшійся грабежъ.

Съ неизмѣннымъ флакончикомъ кокаина въ боковомъ карманѣ, этотъ безстрастный ледяной человѣкъ, съ каждымъ боемъ все болѣе молчаливый, все болѣе мрачный, пройдетъ сотни верстъ до Орла и обратно, не выпуская изъ рукъ винтовки, проходя по трупамъ, чрезъ грабежи, насилія, пожары.

Понялъ ли Блейшъ фатальный уклонъ гражданской бойни или душа его уже давно была сражена и продолжала жить лишь щеголеватая оболочка педантичнаго офицера въ пальто стараго образца..., только, никогда не участвуя лично въ звѣрствахъ и грабежахъ, онъ не находилъ и словъ порицанія.

Онъ истреблялъ трусость, дезертирство; храбрость покрывала все...

Каменный гость — говорили о немъ въ ставкѣ...

Дойдя со своей дивизіей до Новороссійска, онъ умеръ отъ сыпняка въ одинъ изъ послѣднихъ дней. Уже на пристаняхъ обезумѣвшіе люди бросались въ ледяную воду, вплавь къ англійскому рейду, а Блейша хоронили на лафетѣ единственнаго уцѣлѣвшаго дивизіоннаго орудія. За лафетомъ шли страшные

Digitized by Google

марковцы. Еще вчера они врывались въ дома на Серебряковской, принося смерть, насиліе, грабежъ. Сегодня они плакали такими слезами, какими едва ли плакали даже ихъ безчисленныя жертвы, разсѣянныя въ степяхъ Дона, Кубани, въ вязкихъ грунтахъ центральной Россіи.

Отъ Нѣжинцева къ Блейшу: цѣна двухъ лѣтъ бѣлаго опыта. Отъ пустоцвѣта мечтателя къ немилостивому кондотьеру. Движеніе попыталось отогрѣть Россію сжиганіемъ горсточки зажженныхъ душъ. Движеніе добилось единственно — возможнаго результата: горсточки пепла. Теперь и она разсѣялась въ ледяномъ нордъ-остѣ Новороссійска, въ соляномъ смерчѣ Сивашей.

3.

Жертва кокаина и «логики»... Генералъ Слащевъ. Кокаиномъ побѣждалъ большевиковъ, «логикой» побѣдилъ добровольческую психологію и, проигравъ съ бѣлыми, пытается отыграться у красныхъ.

Энергія и талантъ Слащева-Крымскаго создали шестой актъ трагедіи; страхъ предъ Слащевымъ-Вѣшателемъ унялъ даже тѣхъ трогательныхъ безкорыстныхъ большевистскихъ квартирьеровъ, которые вырастали за

Digitized by Google

мѣсяцъ до красныхъ въ лонѣ профессіональныхъ союзовъ, «демократическихъ» думъ, независимыхъ редакцій и умирали черезъ мѣсяцъ послѣ красныхъ... въ подвалахъ мѣткихъ чека.

Двумя юнкерскими училищами, горстью донскихъ казаковъ преградилъ дорогу русской лавинѣ этотъ почти легендарный человѣкъ, достойный, если не прижизненной статуи, то загробнаго вниманія ада.

Безумнымъ усиліемъ воли, опьяненной ненавистью, кокаиномъ, хронической безсонницей, бодрствуя цѣлыми недѣлями, онъ сумѣлъ продержаться вопреки стратегическому смыслу, указывавшему на невозможность, вопреки наѣхавшей толпѣ воеводъ безъ воеводства, эту невозможность создавшихъ, вопреки забастовкамъ единственнаго военнаго завода.

У Сивашей кулаки Каменева, по Южному Берегу гуляетъ капитанъ Орловъ съ зелеными офицерами, въ Севастополѣ и Ѳеодосіи рабочіе не выгружаютъ снарядовъ, но зато во всѣхъ портахъ высаживаются банды эвакуированныхъ изъ Новороссійска и громятъ «напослѣдокъ» города; въ довершеніе всѣхъ несчастій пріѣзжаетъ «Южно Русское Правительство», заявляя о своихъ прерогативахъ, а Деникинъ

Digitized by Google

и Махровъ требуютъ подчиненія и угрожаютъ смѣщеніемъ.

Слащевъ поспѣваетъ всюду.

«Не смѣй спать, будитъ онъ на разсвѣтѣ своего несчастнаго адъютанта, ѣдемъ въ тылъ усмирять» — и къ полудню на столбахъ, фонаряхъ, деревьяхъ города Симферополя замелькаютъ Полковники, Штабсъ-Ротмистры, Поручики съ лаконической надписью: «Приказомъ Генерала Слащева за грабежъ».

Къ вечеру онъ появится въ Севастополѣ, и восемь главарей забастовки, оправданные за отсутствіемъ уликъ попадутъ, въ его поѣздъ; не солоно хлебавши, отойдетъ отъ прямого провода Махровъ, Деникинъ разведетъ руками и скажетъ: «Что же съ нимъ дѣлать, вѣдь придется его разстрѣлять, лучше оставьте его»...

А къ утру Слащевъ снова у Джанкоя.

За ночь большевики прорвали Сивашскія позиціи и двигаются на полуостровъ...

Остается послѣдній резервъ — 1.000 юнкеровъ.

Съ винтовкой въ судорожно сведенныхъ рукахъ, съ безумнымъ взоромъ остекленѣвшихъ глазъ, поведетъ онъ эту кучку на встрѣчу соленому весеннему вѣтру, въ лобъ пулеметамъ, въ дико-неравный, фантастическій бой.

Черезъ нѣсколько часовъ большевики хлы-

Digitized by Google

нутъ назадъ, а Слащевъ, вызванный къ аппарату Министромъ Юстиціи, запрашивающимъ о судьбѣ восьми, изступленно кричитъ: «не безпокойтесь, они уже разстрѣляны, атака отбита»...

Въ первый разъ за три года осуществляются «желѣзо и кровь», проводится диктатура въ ея страшномъ, ничѣмъ не прикрытомъ значеніи.

«Требую отъ васъ всѣхъ максимума работы для побѣды. Ничего не обѣщаю. Кого надо повѣшу!», съ такими рѣчами высокій и строгій входитъ онъ въ гудящую толпу севастопольскихъ рабочихъ, безъ оружія, безъ охраны, въ развѣвающейся черкескѣ, съ однимъ трясущимся ординарцемъ...

Забастовка прекращается...

«Я ничего не понимаю, я отказываюсь вѣрить — говоритъ человѣкъ, знающій его съ пятилѣтняго возраста — если-бъ вы знали, что это за доброе отзывчивае сердце, какой это кроткій молодой человѣкъ, какой это нѣжный и вѣрный товарищъ, мечтательный какъ женщина, увлекающійся какъ гимназистъ»...

Дрожатъ интенданты, смиряется Орловъ, еле дышитъ тылъ, боготворятъ войска и удерживается полуостровъ.

Въ послѣдній разъ, въ роли диктатора мелькнетъ его издерганное лицо съ остекля-

Digitized by Google

нѣвшими глазами на генеральскомъ совѣтѣ (22 марта 1920), намѣтившемъ кандидатуру Врангеля.

Прямо съ поѣзда проѣхалъ во дворецъ, въ полной боевой формѣ, окруженный чинами своей свиты. Посидѣлъ съ полчаса, бахнулъ какую-то очередную Слащевщину и уѣхалъ обратно: «Я ничего не знаю, мнѣ некогда»...

Снова летитъ жуткій поѣздъ, приводя въ оцѣпенѣніе начальниковъ станцій, вызывая воспоминанія о прошломъ и страхъ предъ будущимъ... А Слащевъ, сидя надъ картой и чертя схемы, твердитъ въ сомнамбулическомъ забытьи: «кокаинъ, водка, нитроглицеринъ, чортъ, дьяволъ, только не спать, только не спать»... И все такъ же восторженно глядитъ на генерала его молодой статный ординарецъ «Никита», его переодѣтая безстрашная жена...

Цинцинатъ никогда не нюхалъ кокаина и вѣроятно не сумѣлъ бы отстоять Крымъ. Въ свою очередь и Слащевъ, попытавшись заняться ремесломъ Цинцината, — разведеніемъ капусты на Босфорѣ, — скоро разочаровался и заерзалъ. Полемика съ Врангелемъ, малопоучительные разговоры съ пожизненнымъ матросомъ Ѳеодоромъ Баткинымъ, необходимость считать каждый піастръ — не для этого

Digitized by Google

онъ громилъ Махно, Петлюру, Егорьева, не для этого рисковалъ жизнью, не для этого три года назадъ въ компаніи четырехъ такихъ же отчаянныхъ, такихъ же à tout faire, возсталъ онъ противъ всей Россіи и сумѣлъ поднять Сѣверный Кавказъ. Сшитый изъ одного куска, Слащевъ остался и въ своемъ Босфорскомъ уединеніи дѣвственно вѣренъ добровольческимъ канонамъ. Движеніе развивалось безъ всякой идеологіи; движеніе возвѣщало, что оно не за монархію и не за республику, не за собственность и не за коммуну, не за погромы и не-противъ погромовъ, не за землю и волю и не противъ земли и воли. Мы за Россію, великую, единую, недѣлимую. И баста... Всѣ счета подведены...

Уже тогда въ 1918-19 люди, проводящіе грань межъ патріотизмомъ полкового буфетчика и чутьемъ истинной государственности, понимали, что лозунгъ Деникина и остальныхъ добровольцевъ лишенъ содержанія и чреватъ соблазнами. Большевики сразу нащупали это больное мѣсто и принялись для удержанія власти строить «великую, единую, недѣлимую» Имперіализмъ Троцкаго, расходясь въ конечныхъ цѣляхъ съ имперіализмомъ Деникина, въ лозунгѣ вполнѣ съ нимъ сходился. Для міровой революціи нужна сильная красная армія — «Россія великая»; для защиты отъ

Digitized by Google

«міровой буржуазіи» и для централизаціи власти въ комитетѣ партіи необходима — «единая и недѣлимая»...

Никогда и нигдѣ добровольцы не выдвинули единственно правильной недвусмысленной формулы: за возстановленіе Россіи на основѣ частной собственности» (уже только потомъ, когда не было ни арміи, ни территоріи, «Мажестикъ» раскачался)... Никогда и нигдѣ добровольцы не доказали своего уваженія къ частной собственности... А разъ такъ — Слащевъ, воспитанный на ненависти къ «богачамъ», легко могъ поддаться на новую политику большевиковъ.

Троцкому остается занять Бессарабію и возобновить войну съ Польшей — тогда лозунгъ будетъ цѣликомъ осуществленъ и различіе арміи красной и добровольческой исчезнетъ.

Лѣтомъ 1919 вновь сформированныя части *бѣлаго* полка на вопросъ — «Братцы, за Россію постоите?» — дружно отвѣчали — «Такъ точно, мы — большевики»...

Слащевъ первый плодъ. За нимъ посыпятся и другіе. Бѣлое движеніе убило душу живого антибольшевизма и осталось съ шаблонами, подъ которые поддѣлаться не труднѣй, чѣмъ соблазнить Брусилова, Балтійскаго, Слащева.

Digitized by Google

Такая звѣрская и такая непреодолимая логика: логика фактовъ...

Такой безпощадный и такой неумирающій законъ: законъ Немезиды...

Голодомъ расплачиваются крестьяне, предавшіе Деникина, Врангеля, Юденича; Слащевымъ и тѣми, кого подбодритъ примѣръ Слащева, расплачиваются Деникинъ, Врангель, Юденичъ за патріотизмъ полкового буфетчика, за чванство, за самоувѣренность, за пристрастіе къ обоюдоострымъ шаблонамъ.

4.

Еще одинъ марковецъ. Этотъ изъ рѣдкихъ. Не мститель, а священнослужитель. Капитанъ Левъ Большаковъ, кавалеръ четырехъ Георгіевъ, убитъ осенью 1919 года, когда, казалось, что радость будетъ и надежда не погибнетъ.

Пишу о немъ, потому что во всемъ бѣломъ движеніи только и было, кажется, изъ ученыхъ, изъ рядовъ элиты, что эти два: Большаковъ и проф. Даватцъ. Даватцъ относится къ другому періоду, въ Даватцѣ надрывъ и на лицѣ стальная рѣшетка, Даватцъ — рыцарь бѣдный, хотя не молчаливый и не простой.

Въ Большаковѣ энтузіазмъ, дыханіе бога войны.

Знаменитѣйшій демагогъ, витія всѣхъ студенческихъ митинговъ 1905-1914, убѣжденный

Digitized by Google

эсъ-эръ, прошедшій чрезъ тюрьму, ссылку и кратковременную эмиграцію, Большаковъ всей своей личностью, всѣмъ поступательнымъ движеніемъ своего порыва обѣщалъ, въ будущемъ вождя революціи. Это былъ своеобразный Крыленко Московскаго Университета, только болѣе талантливый, болѣе блестящій, съ крупными задатками литературнаго пафоса. На дебаты въ студенческой столовой, на сверженіе марксистскаго правленія кухни, на выработку резолюціи протеста онъ тратилъ силы, которыя въ другое время, подъ другимъ солнцемъ дали бы европейскаго парламентарія, профессіональнаго свергателя министерствъ...

Ренэ Вивіани и Аристидъ Бріанъ въ годы своей юности изучали право, подготовляли питательные запасы для карьеры, ну, а въ Москвѣ приходилось организовывать забастовки по поводу годовщины смерти Толстого.. и потомъ маршировать по этапу. Самъ Аллахъ не смогъ бы объяснить, почему въ день смерти Толстого, любившаго трудъ, умѣвшаго работать, студенты не должны слушать лекцій. Впрочемъ будущій марковецъ не смущался и объяснялъ...

И быть бы ему во второй революціонной волнѣ и засѣдать бы ему въ цикѣ отъ лѣвыхъ эсеровъ или комиссарствовать на одномъ изъ

Digitized by Google

бѣлыхъ фронтовъ. Но тутъ случилось то, что выпрямило столько пылкихъ, но заблудшихъ душъ въ западной Европѣ. Большаковъ попалъ на войну и здѣсь предъ лицомъ проволочныхъ загражденій не захотѣлъ не быть первымъ. Заработалъ четыре Георгія, влюбился въ свой Копорскій полкъ, въ свою землянку на Двинскомъ фронтѣ, въ свой штандартъ, въ свою военную славу. Застань его революція въ Москвѣ, гдѣ былъ университетъ, Политехническій музей, Моховой манежъ — онъ бы ее иначе принялъ... На передовыхъ позиціяхъ въ гулѣ трехъ лѣтъ замолкли привычные голоса и Большаковъ не пошелъ по пути, гдѣ его ждали новые лавры.

Темпераментъ, жаждавшій исхода, прорвался по боковому руслу: ударный батальонъ, конспиративная организація въ Москвѣ, бѣгство на Кубань, марковскій полкъ, и лѣтній походъ на Москву.

Большаковъ, быстро прозванный львинымъ сердцемъ, бралъ Изюмъ, Харьковъ, Бѣлгородъ. Подъ Бѣлгородомъ бой былъ столь изумителенъ, что въ капитанѣ третьей роты марковскаго полка заговорилъ московскій литераторъ и на колченогомъ походномъ столѣ онъ написалъ свою первую и предпослѣднюю статью, описывавшую взятіе Бѣлгорода, подписанную «Форвардъ». Послѣднее пятилѣтіе

Digitized by Google

русской прозы прошло мимо Большакова: онъ писалъ торжественно-манернымъ языкомъ, излюбленнымъ въ средѣ почитателей Андреева временъ «Человѣка»..

28 іюня помѣстили мы въ ростовской газетѣ «Жизнь» статью «Форварда», помѣстили и порадовались, наконецъ-то воскресъ человѣкъ; какое удивительное счастье, что онъ съ нами, а не съ ними... Вѣдь такой способный.

Еще четыре мѣсяца Большаковъ шелъ со своей третьей ротой на Курскъ, Орелъ, Тулу.

26 октября мы получили его вторую и послѣднюю статью: «Тѣ, кто умираютъ красиво». Все въ тѣхъ же приподнятыхъ словахъ Форвардъ слагалъ панегирикъ марковцамъ и описывалъ смерть своихъ однополчанъ. Предназначили помѣщеніе статьи на 29 октября, а 28 утромъ пришла сводка: «... Въ тяжелыхъ бояхъ, выдержанныхъ марковцами подъ Корочею, убитъ одинъ изъ доблестныхъ офицеровъ, капитанъ третьей роты Большаковъ»...

Подъ общимъ заголовкомъ: «Тѣ, кто умираютъ красиво» такъ и помѣстили 29-го и некрологъ и статью. Некрологъ являлся, собственно говоря, излишнимъ: предсмертная статья его, овѣянная предчувствіемъ близкой развязки, послужила самымъ лучшимъ некрологомъ.

Digitized by Google

«Смерть не страшна. Смерть не безобразна. Она прекрасная дама, которой посвящено служеніе, которой долженъ быть достоинъ рыцарь. И марковцы достойны своей Дамы. Они умираютъ красиво... Будетъ время, подъ благовѣстъ кремлевскихъ колоколовъ предъ добровольческими знаменами — корниловскимъ, марковскимъ, дроздовскимъ, преклонятъ свои вѣнчанныя головы двуглавые орды старинныхъ знаменъ»... Такъ въ свою послѣднюю ночь писалъ московскій студентъ Большаковъ. Предсказанія его не исполнились. Не было кремлевскаго звона, никакіе орлы не склоняли своихъ головъ. На Братскомъ кладбищѣ въ Ростовѣ лежитъ человѣкъ, мечтавшій о красивой смерти, добившійся желанной жертвы.

О своей самоотверженной кузинѣ, Сонѣ, Наташа Ростова говорила: «Знаешь Николенька, Соня это тотъ пустоцвѣтъ, о которомъ сказано въ Евангельи. Господь не принимаетъ его жертвы и онъ не даетъ плодовъ»...

Во имя какой надежды погибъ Левъ Большаковъ?

...Человѣка человѣкъ
Послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ
И тотъ послушно въ путь потекъ
И къ утру возвратился съ ядомъ...

Digitized by Google

Принесъ — и ослабѣлъ и легъ
Подъ сводомъ шалаша на лыки
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки!

5.

Двѣ книги, описывающія, какъ погибла надежда. Авторъ одной — профессоръ и министръ, совѣтчикъ и спасатель — Константинъ Соколовъ; авторъ другой — профессоръ и фейерверкеръ бронепоѣзда, наводчикъ тяжелаго орудія и мечтатель — Даватцъ.

80.000 верстъ вокругъ самого себя — такова сущность оскорбленныхъ воспоминаній главнаго «Освага».

«Я — говоритъ онъ въ предисловіи — рѣшаюсь думать, что въ моей книжкѣ есть только правда, но отлично знаю, что въ ней нѣтъ всей правды... Форма непринужденнаго повѣтствованія, въ которой сами собой вылились мои воспоминанія заставила меня чаще и больше, чѣмъ мнѣ бы хотѣлось, говорить о себѣ»... Послѣ такого кокетливаго извиненія — бѣлые профессора всегда кокетливы, — слѣдуетъ описаніе: какъ это было...

Называется книга Соколова: «Правленіе генерала Деникина». Судя по словамъ автора, правленіе это состоитъ изъ поѣздокъ К. Н. Соколова по Россіи и за-границу, изъ его

Digitized by Google

прошеній объ отставкѣ (А. И. Деникинъ умоляетъ, К. Н. Соколовъ падаетъ жертвой своего мягкаго сердца) и изъ тщетныхъ попытокъ многочисленныхъ терситовъ оклеветать Патрокла бѣлаго движенія. На фонѣ этихъ исполинскихъ событій мелькаютъ сѣрыя скучныя точки: кто-то съ кѣмъ-то ради чего-то сражается, умираютъ и возрождаются русскіе города, кончается европейская война и т. п. Словомъ: «Иванъ Ивановичъ потолстѣлъ и играетъ на скрипкѣ»... Кульминаціонный пунктъ правленія генерала А. И. Деникина — 30 сентября 1919, открытіе въ Ростовѣ выставки отдѣла пропаганды.

К. Н. Соколовъ — человѣкъ, на чьей обязанности лежало созданіе идеологіи. Его поѣздки и метанія не могутъ насъ не интересовать; если они окажутся похвалой глупости, то тѣмъ хуже для насъ, участниковъ бѣлаго движенія.

Часть первая — поѣздка идеолога изъ Петрограда въ Анапу. «Въ международномъ вагонѣ, но безъ электричества, воды и бѣлья. Обратно изъ Анапы въ Петроградъ въ теплушкѣ и на пароходѣ. Вторично изъ Петрограда въ Анапу и на поѣздѣ (въ первомъ классѣ), на лошадяхъ и на пароходѣ». Такъ проходятъ нѣмецкая окупація и очищеніе Кубани: идеологу удается добраться до Екатеринодара,

Digitized by Google

поѣздки по Россіи окончены. Изъ всего незабываемаго періода отмѣчены инженеръ, съ которымъ К. Н. Соколовъ проводитъ время въ спорахъ объ оріентаціи, нѣмецкіе коменданты станицы Таманской, затрудняющіе въѣздъ въ Анапу, и профессорскій паспортъ, спасающій жизнь будущаго министра на Московскомъ Вокзалѣ, Анапской пристани и подъ Курскомъ, въ телячьемъ вагонѣ...

Армія генерала Деникина выходитъ на «широкую, московскую дорогу»: поѣздки возобновляются. Въ составѣ миссіи генерала Драгомирова (избраннаго представлять русское демократическое государство) К. Н. Соколовъ (успѣвшій стать министромъ двухъ министерствъ: пропаганды и составленія законовъ) ѣдетъ въ Парижъ. Офиціально для «сношеній» съ адмираломъ Колчакомъ, фактически щупать почву насчетъ признанія и нельзя ли перехватить денегъ.

Ѣхать плохо, ни въ Новороссійскѣ, ни въ Константинополѣ никто не встрѣчаетъ; миссію нагружаютъ на госпитальное, пропахшее карболкой судно, при чемъ всѣмъ членамъ миссіи (генералу Драгомирову, А. А. Нератову и др.) отводятъ каюты, а министру двухъ министерствъ приходится провѣтривать творимую идеологію на палубѣ, подъ кухоннымъ

Digitized by Google

тентомъ. Обѣдаетъ, впрочемъ, за общимъ столомъ, въ каютъ-кампаніи.

Въ Тулонѣ высокая миссія со среды до пятницы остается на борту своего плавучаго госпиталя въ тщетномъ ожиданіи встрѣчи. Французы рѣшили повидимому отомстить за часы, проведенные Наполеономъ на Воробьевыхъ горахъ въ ожиданіи «бояръ».

На третій день утромъ подъ кухоннымъ тентомъ происходитъ любопытная бесѣда.

«Comment vous êtes toujours là»? — спрашиваетъ К. Н. Соколова мальчикъ-уборщикъ, возясь надъ помойнымъ ведромъ. Министръ молчитъ и застѣнчиво улыбается. Грѣетъ неумолимое рыжее солнце côte d'azur, матросы купаются и лѣниво переругиваются, изъ кухни валитъ дымъ, у творца бѣлой идеологіи тяжелыя мысли: «Къ чему вся наша громоздкая поѣздка за-границу, вырывающая изъ рядовъ особаго совѣщанія нѣсколькихъ работниковъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда обстановка будетъ вѣроятно требовать напряженія всѣхъ «силъ»...

Очередь молчанія за мальчикомъ-уборщикомъ: всѣ фибрами своего провансальскаго существа онъ высказываетъ неодобреніе генералу А. И. Деникину. К. Н. Соколовъ съ горечью вспоминаетъ «екатеринодарскія сплетни, будто вся командировка есть просто

Digitized by Google

замаскированная ссылка»... День тянется...

Обидамъ нѣтъ конца: правленію генерала Деникина положительно не везетъ. «Въ Парижѣ насъ никто даже изъ русскихъ не встрѣтилъ· и нѣкоторое время мы безпомощно толпились вокругъ своихъ чемодановъ»... Наконецъ, при помощи пальцовъ и шоффера бѣлая мечта попадаетъ въ гостиницу «Лютеція», на лѣвомъ берегу. Во второмъ этажѣ китайская миссія, въ кафэ вестибюля спекулянты и прожектеры. Есть разгуляться гдѣ, на волѣ..

К. Н. Соколовъ въ Парижѣ.

Министру пропаганды предстоитъ показать свои дарованія: Клемансо убѣдить въ необходимости признанія правительства ген. Деникина, русскую колонію наставить на путь истинный... Но К. Н. Соколову почему-то не по себѣ. Незнакомые люди, вмѣсто «Ваше Превосходительство» говорятъ «Monsieur», идешь по улицѣ, не видишь облавы, спрашиваютъ не документы, а политическую программу. Странно, очень странно.

Въ отношеніяхъ съ французскими и русскими политиками министръ отмѣчаетъ лишь «ихъ холодокъ», «нашу болѣзненную подозрительность»; впрочемъ и еще нѣчто: въ ресторанѣ Прэкателанъ у генерала Драгомирова «побагровѣлъ черепъ», оттого что за сосѣднимъ столомъ русскій господинъ обнималъ француз-

Digitized by Google

скую женщину; генералъ посылаетъ съ лакеемъ свою карточку — «предсѣдатель особаго совѣщанія при главнокомандующемъ Всѣми Вооруженными» и т. д. — но русскій господинъ возвращаетъ карточку: «Monsieur мнѣ неизвѣстенъ»...

Объ остальной парижской жизни творецъ идеологіи, обычно столь краснорѣчивый, роняетъ глухія слова: «завтракали», «обѣдали», «видѣли знаменитыхъ людей». Придется досказать за него. ... Министръ пропаганды, который, долженъ былъ бы особенно интересоваться иностранной печатью и профессіональными политиками, сумѣлъ удивить даже Парижъ своей оригинальностью: «не интересно...» Только послѣ долгихъ споровъ онъ согласился на политическую чашку чая. Позвали депутатовъ, журналистовъ, лидеровъ партій... Пришли всѣ за исключеніемъ К. Н. Соколова: въ послѣдній моментъ онъ прислалъ записку — жестокій насморкъ мѣшаетъ придти...

Борцовъ съ большевизмомъ ради правопорядка и демократіи еще разъ представлялъ ген. Драгомировъ...

На слѣдующій день К. Н. Соколову дали большую порцію борнаго ментола и посовѣтывали не болѣть. Снова созвали «весь Парижъ» и устроили на этотъ разъ завтракъ.

Digitized by Google

Тономъ усталаго билліарднаго сноба отъ Доминика, презрительно улыбаясь, на какомъ-то странномъ нарѣчіи (русскія ударенія и не французскія слова), представитель антибольшевистской Россіи объяснилъ представителямъ французской республики:

1) «Что онъ К. Н. Соколовъ, какъ истый сынъ русскаго народа, «человѣкъ сохи»...

2) что вся эта европейская культура — рестораны, книги, бульвары, памятники, не нужны Россіи, знающей иную правду...

Т. е. удешевленное и сокращенное изданіе «Скиѳовъ» для иностранцевъ...

Одинъ депутатъ города Парижа положилъ вилку и испуганно посмотрѣлъ на сосѣда...

Огюстъ Говэнъ — редакторъ «Journal des Dèbats», добродушный, искушенный старикъ, наклонившись къ одному изъ русскихъ, участливо спросилъ: «Est-ce qu'il est malade, ce garçon-là?..

Въ слѣдующій разъ К. Н. Соколовъ завтракалъ одинъ.

Убѣдившись въ сильномъ дѣйствіи иностранцевъ и иностраннаго вина на голову министра пропаганды, его пригласили не въ ресторанъ, а на частную русскую квартиру. Убравъ заранѣе напитки и суррогаты, стали объяснять идеологу состояніе заграничныхъ дѣлъ. Добровольческая пропаганда въ Евро-

Digitized by Google

пѣ въ рукахъ титулованныхъ недорослей или зарегистрированныхъ провокаторовъ. На пропаганду среди южно-русской буржуазіи, которую нѣтъ надобности убѣждать въ красныхъ звѣрствахъ, тратятся многіе милліоны, въ Парижѣ и Лондонѣ нѣтъ ничего кромѣ приходящихъ на третій мѣсяцъ наглыхъ сводокъ Освага. К. Н. Соколовъ выслушалъ, отговорился «усталостью отъ путешествія» и обѣщалъ прислать спеціальнаго чиновника для «сношенія съ представителями печати»... Хозяева квартиры отвѣтили чѣмъ-то вродѣ: «Посидите еще гдѣ ваша шляпа»?..

Убѣдившись въ безплодности парижскаго времяпровожденія, К. Н. Соколовъ заторопился на Югъ, гдѣ подъ него «велись подкопы»

Въ Константинополѣ, въ салонѣ у Токатліана, онъ встрѣтилъ знакомаго, прибывшаго только-что изъ Екатеринодара, который, захлебываясь, описывалъ потемкинскія деревни, восторгъ рабочихъ и бѣднѣйшихъ крестьянъ, дисциплину въ арміи и т. д. Такая точная информація вызвала слезы на глазахъ генерала Драгомирова; изъ субординаціи полѣзъ за платкомъ и министръ пропаганды.

Поѣздки прерваны. К. Н. Соколовъ въ Ростовѣ. Живетъ въ квартирѣ директора банка, занимаетъ три комнаты, пьетъ банковское вино, принимаетъ гостей и жалуется,

Digitized by Google

что вотъ приходится жаться подъ случайной крышей...

Со всѣхъ сторонъ интриги, подкопы и К. Н. Соколовъ рѣшаетъ залить пожаръ потокомъ прошеній объ отставкѣ. Деникинъ — человѣкъ мягкій, не рѣшится принять прошеніе, станетъ упрашивать.

Со времени «сладчайшаго» графа Аракчеева, который цѣлуя въ плечико своего благодѣтеля и друга Александра, просилъ — «уволить немедля, ежели вѣрить Его Величество ворогамъ», за столѣтіе самыхъ низкопробныхъ чипушъ, исторія русской бюрократіи не знаетъ подобнаго количества прошеній объ отставкѣ. Правленіе генерала Деникина утопаетъ въ этомъ водопадѣ Іудушкиной литературы.

«Нахожусь на ущербѣ моей правительственной карьеры» — плачетъ идеологъ въ одномъ изъ прошеній...

«Фраза эта вызвала улыбку у моего секретаря, замѣтившаго, — что она отдаетъ кокетствомъ», — сознается К. Н. Соколовъ...

Даже секретарь, молодой человѣкъ, пользующійся благодаря должности отсрочкой по воинской повинности — и тотъ не выдержалъ. Каково-же пришлось горемычному Деникину?

Развалъ фронта, казачья свистопляска, во

Digitized by Google

ровство всеобщее, предательство однихъ, звѣриная глупость другихъ, постоянная угроза ставкѣ со стороны Махно — и сюсюкающій петербургскій доцентъ съ неизмѣннымъ прошеніемъ объ отставкѣ въ рукахъ.

Подъ конецъ и Деникина взорвало. Глубокой осенью, въ черные дни сыпняка и пораженій, мороза и голода, министръ пропаганды придумалъ оригинальную вещь: въ виду огромнаго количества враговъ онъ организовалъ «секретную часть отдѣла пропаганды» для слѣжки за особой главнокомандующаго, для составленія сводокъ всего, что говорится тайнымъ образомъ въ ставкѣ...

Деникинъ не выдержалъ. Идеолога и организатора сыска призвали къ отвѣту.

«10 декабря я пришелъ къ главнокомандующему съ вѣдомственнымъ докладомъ и съ... прошеніемъ объ отставкѣ въ портфелѣ»...

Ну, слава Богу! Наконецъ-то...

Ни чуть не бывало:... однако мнѣ казалось, что досаждать прошеніями и протестами этому человѣку, несшему на себѣ всю тяжесть нашихъ ошибокъ и неудачъ, было бы непозволительно... Прошеніе осталось у меня въ портфелѣ»!..

Какъ-же избавиться отъ такого человѣка? Предпринимается съ этой цѣлью спеціальная реформа: существующее особое совѣщаніе пре-

Digitized by Google

образовывается такимъ образомъ, что единственный результатъ реформы — «вышелъ изъ правительства К. Н. Соколовъ»... Съ горечью несказанной разсказываетъ идеологъ, какъ одинъ указъ убилъ плоды тысячи прошеній и какъ упразднили два полезныхъ вѣдомства единственно для избавленія себя отъ ихъ начальника!

Теперь, когда «правленіе генерала Деникина» для К. Н. Соколова закончено, онъ пускается въ послѣднее странствіе, за границу; въ Константинополѣ ему снова не везетъ: во французской base navale негръ-солдатъ бьетъ бывшаго министра стэкомъ по головѣ и кричитъ: Jusqu'en bas, jusqu'en bas!..

К. Н. Соколовъ — теперь человѣкъ вольный. Есть время подумать. И онъ вспоминаетъ о своемъ злосчастномъ министерствѣ пропаганды, о томъ, какъ онъ строилъ бѣлую идеологію.

«За время своего существованія отдѣлъ пропаганды вызывалъ самую суровую критику. Полностью отвѣтить можно будетъ только тогда, когда наступитъ время для исчерпывающаго изложенія его исторіи... Я вынужденъ пока оставаться въ области общихъ соображеній...

Съ пресерьезнымъ видомъ неудавшійся министръ доказываетъ справедливость бѣлой

Digitized by Google

идеологіи тѣмъ, что отдѣлъ пропаганды... тратилъ совсѣмъ не такъ много денегъ, какъ объ этомъ кто-то говорилъ, что всему виной генералы, запретившіе ему принимать на службу «евреевъ и соціалистовъ», что бывшій помощникъ К. Н. Соколова Б. А. Энгельгардтъ въ должности революціоннаго коменданта Таврическаго Дворца«успѣлъ пріобрѣсти навыкъ и вкусъ къ агитаціонной работѣ»...

Съ отличительной для петербургскаго снетка смѣсью наглости и наивности, всѣ предъявлявшіяся обвиненія въ бездарности, въ бездѣятельности, въ погромной агитаціи, въ пренебреженіи европейскимъ мнѣніемъ онъ сводитъ къ безсмысленному спору, о своей честности и оскорбительной для него «ревизіи генерала Шведова»...

Таковы же и попытки К. Н. Соколова убѣдить читателей, современниковъ и исторію въ добропорядочности и талантливости его сотрудниковъ.

30 сентября въ Ростовѣ на Дону открылась выставка работъ отдѣла пропаганды. Нѣтъ ничего въ природѣ, что бы могло служить лучшимъ орудіемъ пропаганды противъ бѣлаго движенія...

«Вотъ каково творчество бѣлогвардейцевъ» — подъ такой подписью Соколовская выставка найдетъ почетное мѣсто во всѣхъ

Digitized by Google

красныхъ музеяхъ. Никакія описанія Мамантовскихъ грабежей, на которыя можно отвѣтить разсказомъ о грабежахъ Буденнаго, никакія разсказы объ ужасахъ контръ-развѣдки, на которыя отвѣчаютъ констатированіемъ простого факта: существованія чека, ничто не идетъ въ сравненіе съ выставкой 30 сентября 1919 г.

На самомъ видномъ мѣстѣ портреты руководителей Освага: плѣшивая, спесивая голова, подпертая синимъ бантикомъ — К. Н. Соколова, испуганное настороженное лицо Б. Н. Энгельгардта, печальный брезгливый профиль «неунывающаго пессимиста» Э. Д. Гримма, такъ славно начавшаго и такъ плохо окончившаго. Безчисленное множество снимковъ засѣданій членовъ особаго совѣщанія; обращаютъ вниманіе одутловатый задыхающійся Драгомировъ и тотъ-же Энгельгардтъ, какъ-то исключительно робко спрятавшійся за краешекъ стола...

Діаграммы, еще діаграммы и еще діаграммы. Возвышенія кривой къ ужасу посѣтителей день за днемъ знаменуютъ гигантское увеличеніе выбрасываемой на рынокъ макулатуры, безграмотной, провонявшей приходской церковной школой, станціоннымъ жандармомъ, провинціальной охранкой...

Надобно сказать, что начальникомъ «лите-

Digitized by Google

ратурной части» Соколовскаго Освага былъ нѣкій капитанъ второго ранга, человѣкъ, не имѣвшій никакого отношенія ни къ пропагандѣ, ни къ литературѣ, ни къ журналистикѣ, графоманъ и круглый невѣжа. Кривая діаграммъ обозначала милліоны написанныхъ имъ брошюръ. Много вреда принесли эти листовки, но и ихъ автору, бѣднягѣ капитану второго ранга не повезло: большевики его гдѣ-то сцапали и вывели въ расходъ...

Были на выставкѣ и картинки большевистскихъ звѣрствъ того обще-кавалерійскаго типа, который съ успѣхомъ и безъ всякой убѣдительности могли демонстрировать обѣ стороны: женщина съ развороченнымъ животомъ, мужчина съ отпиленными ногами. Гдѣ? что? кто?

По выставкѣ слонялись служащіе Освага, кое-кто изъ прохожихъ, зашедшихъ погрѣться, нѣсколько военныхъ. Ходили и хмыкали... Такого убожества все-же никто не могъ ожидать... даже отъ Освага!

«Выставка — говоритъ К. Н. Соколовъ — произвела большое впечатлѣніе и заставила нѣкоторыхъ предубѣжденныхъ критиковъ Освага перемѣнить свое мнѣніе...

Вотъ, что называется не въ бровь, а въ глазъ. Помню англійскаго журналиста, одного изъ немногихъ истинныхъ друзей Россіи, знатока нашей культуры, яростнаго антибольшевика.

Digitized by Google

Пройдя по ярмарочнымъ заламъ, онъ покраснѣлъ, надулся, замолчалъ, вглядываясь въ каждую картинку. И наконецъ, остановившись предъ какимъ-то изъ снимковъ засѣданій особаго засѣданія, ожесточенно сплюнулъ и сказалъ: «Дэйли Геральдъ правъ!.. Мы играемъ не на ту лошадь. Если таковы цвѣты вашего творчества, намъ надо завтра-же свертываться. Вы безповоротно конченные люди»...

Почему мы не дошли до Москвы? Отчего уже слышали кремлевскій перезвонъ, о которомъ такъ мечтала огненная душа Льва Большакова, а въ итогѣ плюхнули въ море?

Личность Соколова — главнаго идеолога бѣлой надежды, — книга его — генеральная попытка оправдаться и оправдать — на недоумѣнные вопросы отвѣчаютъ съ исключительной убѣдительностью: потому что нельзя было придти въ Москву съ личинами, подобными Соколовской; потому что съ такими не впускаютъ въ обѣтованную землю. Потому что по сравненію съ нимъ темные дѣятели Третьей Россіи — люди великаго историческаго дѣйствія.

Трусливый для Вандеи, ничтожный для революціи. Одинъ изъ тѣхъ, о комъ въ «Макбетѣ» говорятъ вѣдьмы: «земля, какъ и вода рождаетъ газы — и это были пузыри земли»...

Digitized by Google

6.

Послѣ кровопролитнѣйшей франко-испанской битвы въ 1811 году, на полѣ сраженія, среди труповъ и конской падали, былъ найденъ изорванный томикъ Монтэня. Окровавленная шелковая закладка открывала страницу со слѣдующими строками:«... Всякое существующее правительство лучше грядущаго уже тѣмъ, что оно существуетъ. Добиваться счастья перемѣной правительства — не значитъ ли болѣзнь лечить смертью...

... «Математическую литературу поручикъ Р. знаетъ хорошо, къ сожалѣнію поверхностно. Онъ ведетъ даже списокъ сочиненій, въ своемъ родѣ index librorum prohibitorum, — которыя считаетъ безполезными: не признаетъ математической физики и теоріи Sophusa Lie. Противъ всего этого можно горячо спорить, что я и дѣлаю въ часы досуга. Общее у насъ то, что оба мы религіозны. Онъ съ восторгомъ вспоминаетъ, какъ старушки монашенки объясняли ему ребенку сущность Софіи-премудрости Божіей»...

Помѣчено — «2 января 1920 года, ст. Кущевка Кубанской Области, артиллерійская база»...

Черезъ одну страницу другія слова: «У Батайска на Дону открылся видъ на Ростовъ.

Digitized by Google

Вотъ знакомыя очертанія... Тамъ — они, тамъ — совдепъ. И съ холодной твердостью хотѣлось пустить туда тяжелый снарядъ: Ростовъ *пересталъ* быть городомъ, населеннымъ людьми»...

Объ цитаты изъ книги, озаглавленной: «На Москву»! Авторъ — профессоръ В. Даватцъ, младшій фейерверкеръ бронепоѣзда «Грозный», поступившій добровольцемъ въ армію Деникина, на Рождествѣ 1919 года, когда уже опредѣлился окончательный разгромъ бѣлаго дѣла.

Послѣ столькихъ орлихъ и кондотьерскихъ ликовъ на исходѣ Деникинской эпопеи мелькнуло измученное лицо, новѣйшаго бѣднаго рыцаря...

Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
А. М. Д. своею кровью
начерталъ онъ на щитѣ...

Послѣ столькихъ диктаторовъ, перелетовъ, комбинаторовъ появился мечтатель. Не тотъ дѣйственный, испепеленный, монолитный, какими были Корниловъ и его плеяда. Не казакъ, не мальчикъ изъ кадетскаго корпуса, не офицеръ-мститель... Даватцъ вышелъ изъ нѣдръ поколѣнія, мечтавшаго объ активизмѣ, не нашедшаго утоленія и въ міровой войнѣ...,

Digitized by Google

спокойнаго въ дни побѣдъ, трепещущаго въ ночь пораженій...

Въ маленькой кабинкѣ орудія бронепоѣзда ярко горитъ печка. На скамьяхъ, на табуреткахъ дремлютъ офицеры. Профессоръ въ англійской шинели сидитъ и вспоминаетъ:... «Я всегда любилъ сидѣть предъ каминомъ и мечтать и мечталъ я больше всего о томъ, какъ сдѣлать мою жизнь достойной и красивой. И тогда еще юношѣ мнѣ казалось, что жизнь моя дожна быть подвигомъ. *Во имя чего — я не зналъ этого...* Я зналъ только, что я послѣдній отпрыскъ древняго баронскаго дома. За мною, въ глубь вѣковъ уходили мои предки — намѣстники, верховные судьи, ученые, поглощенные изученіемъ древнихъ книгъ, военные, духовные, изощренные въ тонкостяхъ іезуитской діалектики и всѣ они — далекіе и близкіе — требуютъ отъ меня чего-то, чтобы я былъ достоинъ ихъ, чтобы я опять вернулъ ихъ роду прежній блескъ и прежнюю силу. Дѣдъ и отецъ порвали съ Западомъ и затерялись въ снѣгахъ холодной Россіи; внуку надлежитъ здѣсь вернуть обаяніе отдаленныхъ вѣковъ!.. Дрова въ печкѣ весело трещатъ, освѣщая темныя амбразуры для пулеметовъ и желѣзныя тяжелыя двери нашей бронированной камеры».

Еще мѣсяцъ назадъ, до паденія Харькова,

Digitized by Google

Даватцъ не предполагалъ, что свой подвигъ онъ осуществитъ въ качествѣ младшаго фейерверкера бронепоѣзда «Грозный». Онъ сидѣлъ членомъ управы въ Харьковѣ, занимался уѣздной добровольческой политикой, витійсвовалъ на кадетскихъ конференціяхъ, гдѣ за отсутствіемъ партійныхъ родителей, уѣхавшихъ въ Парижъ, партійные дѣти лепетали, что-то невразумительное. Глубоко штатскій человѣкъ, привыкшій къ уюту и нѣгѣ европейскаго конфорта, Даватцъ въ панику эвакуаціи перетрусилъ больше, чѣмъ требовала необходимость, и уѣхалъ на два дня раньше своей управы...

Лежа на столѣ какого-то вокзала, онъ «мучительно думалъ о томъ, что на (его) общественной репутаціи легло тяжелое несмываемое пятно», такъ какъ еще наканунѣ бѣгства въ одиночку онъ написалъ въ харьковской газетѣ свою послѣднюю «нашумѣвшую» статью, оканчивавшуюся словами:... «Если, чтобы истинно полюбить, надо оставить отца и мать свою, то теперь наступаетъ этотъ часъ, больше, чѣмъ когда либо. И можетъ быть именно теперь, когда врагъ торжествуетъ, нужно не уходить въ свою скорлупу, но громко и смѣло закричать: «Да здравствуетъ Добровольческая Армія»!..

Началось газетнымъ подвигомъ, прошло

Digitized by Google

чрезъ стыдъ, нестерпимый для «послѣдняго отпрыска древняго баронскаго дома», окончилось неожиданно для всѣхъ, а болѣе всего для самаго Даватца, поступленіемъ на бронепоѣздъ...

И снова небеса не хотятъ принимать надрывной жертвы пустоцвѣта. Онъ храбръ, какъ только могутъ быть до безумія храбры никогда не бывшіе на войнѣ люди, онъ хочетъ сжиться со своими новыми товарищами, отказаться отъ всѣхъ своихъ качествъ культуры и воспитанія, «остаться незамѣтнымъ винтикомъ», но... уже на второй день становится ясно: «цѣлая пропасть между мной, который прошелъ огонь и воду тончайшихъ построеній ума, изысканнѣйшихъ проявленій человѣческаго духа, и ими, прошедшими огонь и воду ужасовъ и грубостей войны. Цѣлая пропасть между мной, который пошелъ сюда, какъ на высшее служеніе, который освѣтилъ все духомъ средневѣкового аскетизма, и, пожалуй романтики, и ими, которые пошли на это такъ, просто»...

Своимъ грубымъ, почти звѣринымъ чутьемъ сотоварищи Даватца понимаютъ, что пора выходить изъ игры, что главные понтеры проигрались въ пухъ и прахъ и радости больше не будетъ. Одинъ выправляетъ заграничный паспортъ, другой «ловчится» въ Крымъ, тре-

Digitized by Google

тій хочетъ просто улизнуть... Лишь Даватцъ въ истерическомъ ослѣпленіи; все въ той-же жаждѣ не приходящаго подвига молитвенно грезитъ: «На Москву, на Москву»... Армія катится въ море, армія перестала быть арміей,. жалкія попытки вторичнаго взятія Ростова, борьба безъ плана, безъ умѣнія, безъ надеждъ..

Ему снятся сладкіе сны. Будто «сегодня утромъ въ нашу теплушку вошелъ капитанъ Д. и сказалъ: — Поздравляю васъ съ новымъ годомъ и новымъ подвигомъ», будто удастся ему «довести воспоминанія до дня занятія Москвы, когда можно будетъ снять военный мундиръ и вернуться къ обычнымъ занятіямъ», будто «на скрещеніи нитей моей панорамы виднѣются златоглавые купола Московскаго Кремля».

А тѣмъ временемъ, пока онъ спитъ, исполняются самые послѣдніе сроки. И продолжая бредить, продолжая мечтать о растореніи тяжести своей тоски въ нирванѣ военнаго обезличенья, Даватцъ замѣчаетъ какія-то роковыя точки на горизонтѣ своихъ видѣній...

Его начальникъ, капитанъ Д., не знающій ни математической физики, ни Sophus'a Lie, но отдавшій войнѣ здоровье, молодость, силы, пытается его разбудить... «Я — говоритъ онъ профессору-солдату — начинаю зябнуть. Мои казаки и кадеты, какъ дѣти испытующе

Digitized by Google

смотрятъ въ мои глаза и ищутъ въ нихъ прежняго спокойствія и огня, а я чувствую такой ледокъ въ груди, что не могу дать имъ той гипнотической силы, которая одна способна увлечь и бросить на смерть безъ разсужденій... Я грубый воинъ, вы — аристократъ духа, но я знаю, что это первые аккорды финала моей пьесы»...

Даватцъ не хочетъ просыпаться, онъ пытается отогнать отъ себя голоса съ другого берега. Беретъ подъ руку капитана Д. и идетъ съ нимъ гулять, чтобы ночью, въ пѣніи вьюжнаго поля, обступившаго одинокій бронепоѣздъ «Грозный» найти сверхъ-человѣческія слова... Но такихъ словъ нѣтъ нигдѣ въ мірѣ, тѣмъ болѣе ихъ нѣтъ въ Кущевской степи..., «мы вышли въ унылую станицу, какую-то безлюдную, почти злобную. Мнѣ хотѣлось теплой комнаты, гдѣ бы мы вдвоемъ могли нащупать дружескую душу, гдѣ былъ бы рояль, который запѣлъ бы подъ ударами нервной руки; гдѣ можно было бы идти не только съ нимъ рядомъ, какъ двумъ случайнымъ спутникамъ, но взять его нѣжно за руку, погладить его голову, поцѣловать его, какъ цѣлуютъ ребенка»...

Даватцъ не договариваетъ: бѣдному пустоцвѣту хотѣлось въ этотъ моменгъ быть далеко-далеко отъ Кущевки, отъ бронепоѣзда,

Digitized by Google

отъ необходимости пить раскрытое вино... И въ его душу закрадываются мысли о прежней жизни. Каждая мелочь болѣзненно напоминаетъ, что нѣтъ внутренней правды въ профессорѣ-фейерверкерѣ. Капитанъ З. поручаетъ ему написать «докладъ въ сферы» и, хотя онъ не можетъ сразу уловить, какой тонъ нужно взять, онъ понимаетъ, что «докладъ это болѣе мнѣ свойственно, чѣмъ что-либо другое». Въ другой разъ, когда его задерживаютъ въ базѣ и не отпускаютъ для съемки панорамы съ наблюдательнаго пункта, онъ съ горечью думаетъ:... «конечно мнѣ, какъ математику и отчасти чертежнику, эта работа была бы болѣе подходящая, чѣмъ прибойникомъ подталкивать снарядъ»...

Во время обсужденія деталей доклада среди офицеровъ бронепоѣзда возникаетъ мысль связаться съ торгово-промышленными и общественными дѣятелями единственнаго крупнаго тыла, Новороссійска.

«Для этой цѣли можно было бы командировать Владимира Христіановича» — говоритъ одинъ изъ офицеровъ, смотря на профессора Даватца... «Меня охватило какое-то необычайно пріятное чувство. Поѣхать въ Новороссійскъ съ оффиціальной миссіей, увидѣть опять нашихъ общественныхъ дѣятелей, завертѣться въ сферахъ Государственнаго Объ-

Digitized by Google

единенія, Національнаго центра и Союза Возрожденія, показалось вдругъ чрезвычайно заманчивымъ»... Душа мирнаго человѣка уже проснулась, но стальная рѣшетка, одѣтая на лицо бѣднаго рыцаря, душитъ всѣ ея проявленія... «Я вдругъ почувствовалъ, что ко мнѣ незамѣтно и тихо подкралось искушеніе. Мнѣ казалось, что я сжегъ свои корабли, что по крайней мѣрѣ до занятія Москвы я останусь только солдатомъ, что мое прошлое подверглось забвенію. И вотъ постепенно, совсѣмъ незамѣтно, вынырнуло это прошлое — Сперва кое-кто изъ офицеровъ сталъ называть меня профессоромъ, потомъ у меня въ рукахъ появился портфель, съ которымъ я сталъ путешествовать съ проэктами докладовъ. Потомъ я очутился за ужиномъ въ офицерской столовой и началъ называть командующаго поѣздомъ Владимиромъ Николаевичемъ. И наконецъ вынырнулъ вопросъ съ командировкой въ Новороссійскъ. Все это создаетъ душевную смуту. И хуже всего то, что у меня не хватаетъ силъ бороться съ искушеніемъ»....

Ему казалось, когда онъ предпрималъ свой подвигъ, что онъ сможетъ скинуть съ себя оболочку городского европейскаго человѣка, заразиться той завидной незамысловатостью, съ какой первые корниловцы во весь ростъ шли на огонь пулеметовъ. Напрасно: чело-

Digitized by Google

вѣкъ, однажды отвѣдавшій чары опіума, не можетъ жить безъ спасительной трубки. Человѣкъ, влюбленный въ одну женщину, ищетъ отсвѣтъ ея лица на всѣхъ другихъ, съ кѣмъ онъ пытается найти забвеніе.

Надежда погибла, вторичное занятіе Ростова, отъ котораго на мгновеніе еще разъ вспыхиваетъ горсть пепла, смѣняется рѣшительнымъ разваломъ. Сомнѣній больше нѣтъ. Нужны какія-то особенныя снотворныя, чтобы сонъ продолжался, чтобы въ непроглядной ночи Кубанской степи, не забрезжилъ сѣрый безотрадный денекъ пробужденія, пониманія.

«Раскаиваюсь ли я, что пошелъ сюда? Раскаиваюсь ли я въ томъ, что мое юродство привело меня на край гибели? Я думаю, что нѣтъ. Исторія меня оправдаетъ. И не важно, что она не сохранитъ имени моего. Подобно Платону я вѣрю въ вѣчность идей; я вѣрю въ правоту нашего дѣла, а слѣдовательно въ его торжество»... Но, увы! Онъ слишкомъ хорошо знаетъ исторію, чтобы не вспомнить судьбы всѣхъ дѣятелей контръ-революціи: самые чистые занимали мѣсто дальше послѣднихъ грѣшниковъ революцій. Нельзя играть съ именемъ Платона тамъ, гдѣ событія должны стереть съ лица земли Кущевскую идеологію... Даватцъ слишкомъ зрячій, чтобъ не видѣть

Digitized by Google

происходящаго вокругъ него, сущности движенія, раскрывшейся въ эвакуаціи...
Отъ опьяненія паѳосомъ исторіи онъ уходитъ къ поискамъ восторга самоотреченія, ради самоотреченія, ради нервнаго сгоранія. «Мы шли уже не одушевляемы той вѣрой и тѣмъ энтузіазмомъ, который былъ когда-то при взятіи Ростова. Мы гибли, какъ рыцари, исполняющіе свой долгъ. Во имя этого долга безропотно и безстрашно приносили мы свою жертву»... Послѣдніе изъ оставшихся съ нимъ товарищей спѣшатъ спастись. Въ Новороссійскѣ ни мораль ни самоотреченіе не могутъ звучать тѣми высочайшими нотами, которыя однѣ въ состояніи защитить спящаго отъ пробужденія. «Унасъ въ теплушкѣ бронепоѣзда полный развалъ. Петя, Сережа, Коля перечислились въ автоброневой дивизіонъ и уѣхали въ Крымъ. Другой Сережа, какъ инвалидъ, отправленъ за-границу. Гога, совсѣмъ здоровый молодой человѣкъ, получилъ, благодаря связямъ, свидѣтельство о болѣзни и ѣдетъ за-границу, какъ больной... Подъ голубымъ небомъ Италіи онъ легко забудетъ тѣхъ, кто быть можетъ скоро погибнетъ въ далекомъ Новороссійскѣ... Едва ли намъ удастся въ послѣднюю минуту попасть на пароходъ. Я это чувствую. Мы приносимся быть можетъ въ жертву. Но я гордъ тѣмъ, что меня отнесли къ числу

Digitized by Google

обреченныхъ и вѣрныхъ до конца»... Вѣрный до конца — fidèle jusqu'à la mort — здѣсь есть музыка рыцарскаго эпоса, и, глотая слезы безъисходной тоски, думая о себѣ въ третьемъ лицѣ, послѣдній отпрыскъ древняго баронскаго рода отправляется съ опустѣвшимъ бронепоѣздомъ на позиціи, чтобы прикрывать эвакуацію сошедшаго съ ума Новороссійска.

Смотря на метанія Даватца, поручикъ Р., тотъ самый, которому въ дѣтствѣ старухи богомолки повѣдали о Софіи, премудрости Божіей, вспоминаетъ ересь Донатствующихъ, гордецовъ, не пожелавшихъ пойти на примиреніе съ раскаявшимися христіанами.

«Вы не протестантъ — сказалъ поручикъ Р. — Вамъ нужно перейти, но не въ православіе, а въ католичество. Вы католикъ по духу, у васъ въ прошломъ есть корни въ католичествѣ»... Т. е. иными словами:

A. M. D. своею кровью
Начерталъ онъ на щитѣ...

...Всѣ пароходы ушли на рейдъ, большевики уже входятъ въ городъ, завладѣли вокзаломъ и спускаются къ пристани. Спасенья нѣтъ. Даватцъ ощупываетъ свой кольтъ и рѣшаетъ застрѣлиться. Человѣкъ просыпается... Но въ эту рѣшительную минуту опіумъ еще разъ

Digitized by Google

опьяняетъ сознаніе:« Литургія Вѣрныхъ»— раздается послѣдній аккордъ музыки его властительныхъ сферъ... Даватцъ оставляетъ Кольтъ и, стиснувъ зубы, принимается водворять порядокъ среди толпы плачущихъ бѣженцевъ... Черезъ нѣсколько минутъ къ пристани возвращается французскій миноносецъ и подъ учащеннымъ обстрѣломъ красныхъ разъѣздовъ, забираетъ и бѣженцевъ и Даватца. ... «Вся палуба на Waldek Rousseau была уже занята нашими офицерами и солдатами. Я подошелъ къ периламъ палубы и посмотрѣлъ въ послѣдній разъ на живописныя горы Новороссійска. Въ городѣ была слышна пулеметная и артиллерійская стрѣльба. Море было зеркально покойно. Солнце улыбалось сквозь тонкую пелену облачковъ... Кубанскій періодъ нашего похода кончился. И въ послѣдній моментъ мнѣ дано было счастье пріобщиться къ литургіи вѣрныхъ. Сплотимся же тѣснѣе во имя нашей идеи! Найдемъ въ себѣ силы поднять во имя ея всю тяжесть жизни»...

«Тяжесть жизни», «во имя нашей идеи»... Это уже много слабѣе «литургіи вѣрныхъ», «вѣрныхъ до конца», воинствующаго католицизма. Это уже не лучъ сомнамбулы, не ясность божественнаго опіума, а тусклый свѣтъ логики. Логика не помогаетъ тѣмъ,

Digitized by Google

чье сердце отдало всѣ свои силы на борьбу съ сознаніемъ. Даватцу еще суждено пройти черезъ многіе этапы: Крымъ, вторая эвакуація, Галлиполи. Но исторія гибнувшей надежды окончилась... Началась другая, вѣчно старая, вѣчно безрадостная... Исторія конца бѣднаго рыцаря...

Возвратясь въ свой замокъ дальній,
Жилъ онъ строго заключенъ,
Все безмолвный, все печальный,
Какъ безумецъ умеръ онъ.

Замокъ дальній профессора-фейерверкера всюду, гдѣ мракъ достаточенъ для остроты самоотреченія, гдѣ самое многообразіе физическаго и душевнаго страданія способно стать источникомъ истерическихъ мечтаній о кремлевскомъ перезвонѣ... Въ туманахъ скалистаго Галлиполи возможно существованіе обмановъ, умирающихъ въ солнечной культурѣ, въ критическомъ сознаніи геометрическихъ городовъ Латинскаго Запада...

7.

Мертворожденный ребенокъ прожилъ цѣлыхъ три года; чахоточная надежда смогла дышать и вызвать образованіе длиннаго ряда фронтовъ, печальной чреды проэктовъ...

Digitized by Google

Безъ обоихъ легкихъ, безъ кислорода. Такъ на ура, на милость Николая Чудотворца.

Еще никогда, за всю исторію революцій, въ одной и той же организаціи не сходились люди столь противоположные, программы столь взаимно уничтожающія, способы столь полярные. Понадобилась изумительная способность большевиковъ пробуждать къ себѣ ненависть во всемъ живомъ, чтобы въ Добровольческой арміи сошлись вѣшатель Кутеповъ и профессоръ Даватцъ, мститель Блейшъ и энтузіастъ Большаковъ, простѣйшій Деникинъ и подлѣйшій Соколовъ...: Конечно, кромѣ того необходимо было отсутствіе какой бы то ни было практической программы. Только на пустомъ террэнѣ, только въ атмосферѣ взаимнаго непониманія, идеологомъ движенія, вышедшаго изъ истоковъ революціи, опиравшагося на мобилизацію классовъ, раскрѣпощенныхъ въ мартѣ 1917 — могъ оказаться Борисъ Суворинъ, «день за днемъ» (такъ именовались его статьи) рубившій свою гвардейскую махновщину, возводившій въ мечту прогнившій бытъ, въ норму намыленную веревку. Можно было сколько угодно, съ какимъ угодно краснорѣчіемъ доказывать необходимость противопоставленія террора террору, диктатуры диктатурѣ... — идеологическая пустота не лишалась ея губительныхъ

Digitized by Google

послѣдствій, а соединеніе полюсовъ роковымъ образомъ оказывалось механическимъ, въ продолжительности равнымъ іюльскому метеору. Движеніе, провозгласившее мартъ шаблономъ и, не выдвигая ничего взамѣнъ, всячески отъ марта отшатывавшееся, неутомимо играло на пользу октябрю. Октябрь становился оригинальностью, люди, шедшіе противъ Бориса Суворина, получали возможность спекулировать словомъ «революція»... Бѣлая мечта превращалась въ окровавленныхъ глазахъ Россіи и во внимательныхъ глазахъ Европы въ мечту о «бѣлыхъ лиліяхъ монархіи»... Революціи берутъ поступательностью своего движенія. Деникинъ, заявившій, «что онъ не пойдетъ ни съ революціей ни, съ реакціей», вызвалъ призракъ Вандеи. Памятникъ полковнику Каменеву на Красной площади становился меньшей невѣроятностью, ибо, дѣйствуя противъ шантажа на революціи, никогда не нужно забывать Версальскаго памятника подавителю Вандеи — Гошу.

Капиталисты, грюндеры, зажиточные интеллигенты хотѣли возстановить свою собственность и возвратить право свободной работы: они ненавидѣли гвардейскую махновщину: крайности бѣлая и красная слишкомъ подходили другъ къ другу.

Офицерство, воспитанное на проповѣди Су-

Digitized by Google

воринскихъ вечерокъ, не хотѣло ничего знать о буржуазной революціи (каковой въ идеалѣ могло стать движеніе) и произносило слово «буржуй» съ тѣмъ же оттѣнкомъ, съ какимъ оно звучало въ устахъ матроса и буденновца.

Крестьяне и рабочіе не хотѣли воевать, не сочувствовали обѣимъ сторонамъ: ихъ можно было заставить воевать лишь пулеметами, отданными въ распоряженіе спаяннаго ядра. У большевиковъ ядро оказалось, у добровольцевъ его не оказалось; Даватцъ при всемъ восторженномъ козыряньи Кутепову никогда не сроднитъ свою профессорскую душу съ душой гвардейской. Буденный легче пойметъ Брусилова, Балтійскій лучше восчувствуетъ Троцкаго. Великая, единая, недѣлимая Россія Даватца также похожа на великую, единую, недѣлимую Россію Соколова, какъ Швеція похожа на Занзибаръ...

Искусственное соединеніе полярностей длится съ хронометрической точностью до того момента, пока воспоминанія о большевистскихъ звѣрствахъ пересиливаютъ отвращеніе къ гвардейской махновщинѣ. До этого момента — цвѣты, послѣ выстрѣлы въ спины. На добровольческомъ пути къ великой единой недѣлимой надежда должна погибнуть во всѣхъ этапахъ, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ:

Digitized by Google

1) Парижскій капиталистъ рано или поздно разгадаетъ антибуржуазный характеръ движенія; если когда-то онъ позволялъ себѣ роскошь игры à rebours съ красными (Савва Морозовъ и Ленинъ), то съ бѣлыми онъ ее не повторитъ. Быть съ контръ-революціей—не шикарно. Если и не полезно, тогда... капиталистъ начинаетъ понимать, что въ словѣ «республика» кромѣ звуковъ мѣдныхъ инструментовъ есть и нѣчто существенное.

2) Константинопольскій огородникъ Слащевъ рано или поздно смутится соотвѣтствіемъ и лозунговъ и военныхъ плановъ у красныхъ и бѣлыхъ. Если же выбирать изъ двухъ дисциплинъ, изъ двухъ самоограниченій, изъ двухъ генераловъ, то онъ предпочитаетъ Брусилова и армію съ территоріей...

3) Рабочіе и крестьяне рано или поздно поймутъ, что на время надо устроить передышку и прекратить стрѣлять въ спину одной изъ двухъ сторонъ. Выборъ всегда не въ пользу генераловъ...

И когда наступаетъ это «рано или поздно» — составныя части бѣлаго конгломерата расползаются по швамъ, безъ шума, безъ предупрежденій, безъ внѣшнихъ конфликтовъ, такъ что посторонній наблюдатель ничего не можетъ понять въ русской головоломкѣ: подходили къ Москвѣ и... отдали Новороссійскъ.

Digitized by Google

Кизилъ сгниваетъ на деревѣ, бѣлая мечта подтачивается въ лучахъ наибольшаго процвѣтанія.

На всѣхъ пяти фронтахъ мечтаютъ о Наполеонѣ, одинъ полковникъ подавалъ даже докладную записку по начальству о выработкѣ такъ называемаго «составнаго Наполеона»... И никто не удосуживается узнать, что изъ всего принесеннаго революціей Наполеонъ со своими двумя батальонами раздавилъ лишь волну политическихъ измѣненій, вся же волна соціальная осталась безъ отпора.

Безъ конца толкуютъ о пробужденіи монархическаго духа, о возможныхъ кандидатахъ изъ сохранившихся взволнованныхъ лоботрясовъ — и закрываютъ глаза на то, что самыя сильнѣйшія монархіи съѣдаются едва окрѣпшими республиками, что въ циклонъ летятъ короны, каски и удерживаются картузы, кепки, что революція побѣждаетъ контръ-революцію не добротой, не отсутствіемъ террора, не обиліемъ хлѣба, а силой магическаго обмана...

Октябрьская оригинальность сильна сродствомъ съ мартовскимъ шаблономъ. Бѣлая мечта, южная надежда несутъ всю отвѣтственность за современные имъ красный терроръ и сѣверную безнадежность...

Грѣхи революціи переносятся на голову

Digitized by Google

контръ-революціи. За преступленія Ленина, Дзержинскаго, Троцкаго, отвѣчаютъ Деникинъ Юденичъ, Врангель. Когда «черная злоба, святая злоба» возвратится въ берега, придетъ кто-то третій, хорошо запомнившій уроки, умѣющій бросать въ массу слова, умѣющій крѣпко держать вожжи...

...«Гдѣ-же честные люди? Гдѣ, Германъ Ивановичъ, умные, честные, способные люди, гдѣ мнѣ ихъ взять»?!... Они придутъ... Они будутъ, правда совсѣмъ не честные (республикѣ Третьей Россіи не нужна честность!), но на диво умные, на диво способные. Это будетъ цѣлый урожай еще невиданныхъ дѣятелей, снятый съ поля, удобреннаго гибелью бѣлой мечты. Изъ забытыхъ могилъ буйно растутъ молодые сочные побѣги: попробуйте возвать къ ихъ совѣсти!..

Digitized by Google

НОВЫЙ ЗАВѢТЪ.

Sors de l'enfance ami,
reveille toi...

ROUSSEAU.

Digitized by Google

Digitized by Google

1.

Они не пишутъ мудрыхъ книгъ; они не знаютъ мудренаго уклада. Опіумъ запада — библіотека — не имѣетъ на нихъ ни малѣйшаго вліянія.

Жизнь — сонъ; жизнь — игра. Не старайтесь проснуться добивайтесь выигрыша. Вмѣсто эпоса, драмы, лирики, они творятъ послушные парламенты, перепродаютъ контрольные пакеты на цѣлые материки, опредѣляютъ биржевыми сдѣлками содержаніе десятилѣтій... Они, конечно, мечтатели, но они золотые мечтатели; они, конечно, режиссеры, но ихъ труппа — все человѣчество. Энженю-драматикъ, эпизодическіе персонажи, первые любовники: коммунизмъ, монархизмъ, радикализмъ...

Не все ли равно?

Каждый долженъ сыграть ту роль, какую они ему укажутъ. За отказомъ послѣдуетъ уничтоженіе. Игрокъ, не подчиняющійся правиламъ, удаляется изъ клуба. Если даже для Наполеона Вольфгангъ Гете, voilà l'homme, то для современныхъ учителей жизни Гете — великій миѳъ. Гуго Стинесу не нуженъ Гете,

Digitized by Google

Гуго Стинесъ способенъ устроить Вальпургіеву ночь и въ мѣщанское утро кислосладкой Версальской Германіи.

Директора Royal Dutch'а обойдутся и безъ Шекспира: кто хоть разъ испыталъ священную радость борьбы за нефть, для того геній трехъ стѣнъ дишенъ всякой изюминки. Въ мірѣ нѣтъ ничего кромѣ нефти: великую войну по признанію раздосадованнаго политика выиграла нефтяная волна... Въ мірѣ нѣтъ никого кромѣ Рокфеллера съ его Standart Oil'емъ и Гюльбенкьяна съ его Royal Dutch'емъ. Всѣ остальные статисты. Одни съ правомъ реплики: Ллойдъ-Джорджъ, Бріанъ, Гардингъ, другіе только для массовыхъ сценъ. Народы существуютъ единственно для приданія нефтяному Revue грандіознаго характера...

Не говорите о разоруженіи, можете построить шестнадцать сверхдредноутовъ, можете не строить ни одного. И у домашней прислуги бываютъ вечеринки: пусть они развлекаются въ Вашингтонѣ, Версалѣ, Парижѣ... Все равно: міровая гегемонія останется за тѣмъ, кто захватитъ гегемонію нефтяную.

Гюльбенкьянъ... Да здравствуетъ Англія!

Рокфеллеръ... Слава Америкѣ!

Франція выиграла войну, у нея есть шесть маршаловъ, но только одинъ Люшеръ; увы, и у Люшера минуты жизни не выражаются

Digitized by Google

въ тоннахъ нефти бьющихъ фонтановъ. Слѣдствія понятны. Сумерки латинской культуры — вздыхаютъ статисты лирическіе; ужасающая политическая изоляція — блѣднѣютъ статисты политическіе.

2.

Когда-то Гоголь совѣтывалъ проѣхаться по Россіи. Теперь его совѣтъ потерялъ остроту для русскихъ и пріобрѣлъ для иностранцевъ. Уэллсу надо видѣть Петербургъ, Москву, петербуржцу, если онъ хочетъ пройти курсъ новаго ученія о жизни, надо проѣхаться по Европѣ и Америкѣ.

Русскій, не бывшій въ Лондонѣ, Парижѣ, Нью-Іоркѣ и т. д. послѣ армистиса, знаетъ о мірѣ значительно меньше, чѣмъ европеецъ, не бывшій съ 1914 въ Петербургѣ, знаетъ о Россіи. Отсюда туда чрезъ китайскую стѣну еще можно кое-что увидѣть, оттуда сюда — ничего и никогда.

У европейца могутъ быть превратныя понятія: одинъ вѣритъ въ совѣтскій рай, другой вѣритъ въ супъ изъ человѣческихъ пальцевъ, какая-то равнодѣйствующая правды о Россіи все-же опредѣляется.

Русскій живетъ исключительно миражами: одинъ ждетъ англійскаго флота, другой сообщаетъ объ имѣющемъ завтра утромъ начаться

Digitized by Google

міровомъ пожарѣ. Новый пафосъ Европы и Америки невѣдомъ никому изъ ста пятидесяти милліоновъ. Центръ не въ происшедшихъ *внѣшнихъ* измѣненіяхъ; дѣло не въ томъ, что за десять долларовъ вы получите въ Нью-Іоркѣ чернорабочаго на день, а въ Вѣнѣ Эрцгерцогиню на ночь, что Парижъ сталъ серьезнѣе, а Лондонъ легкомысленнѣй, что Берлинская полиція начала брать взятки, а Парижская продолжаетъ избивать арестованныхъ... Лицо Европы и Америки гладко выбрито и загадочно, развѣ чуть-чуть подернуто печалью. Не по лицу, не по его морщинамъ судитъ тотъ, кто успѣлъ «проѣхаться»...

Появились новые учителя жизни. Война научила вѣрить только въ силу во первыхъ и только въ истинныхъ обладателей силы во вторыхъ. Война изничтожила право, остался правовой пессимизмъ. Война не замкнула своего вліянія въ рамкахъ четырехъ лѣтъ. Она наложила руку и на послѣдующіе акты revue. Четверо Андерсеновыхъ королей, въ окруженіи моноклей, эполетъ, многодумныхъ экспертныхъ лбовъ, длинные мѣсяцы совѣщались, спорили, чертили какія-то карты. И получился Версальскій договоръ: проигранная побѣда тріумфаторовъ, звѣриное озлобленіе побѣжденныхъ.

Два тихихъ любезныхъ господина нѣсколько

Digitized by Google

часовъ провели въ номерѣ Висбаденской гостинницы — и побѣдитель увидѣлъ реальные плоды побѣды и побѣжденный узналъ возможность изжить пораженіе. Одного господина звали Луи Лушеръ, другого Ратенау. Оба они — главные персонажи, настоящіе распорядители франко-германской игры, истинные обладатели силы. Нужды нѣтъ, что Клемансо при жизни ставятъ памятникъ, а Лушеру и въ гробъ загонятъ осиновый колъ.

Не перевоспитывайте чернь, удовлетворяйтесь намордникомъ, разрѣшите фаворитамъ черни, сидя въ каретѣ, дергать за шнурочки, вожжи все равно въ рукахъ хозяина. Такова первая заповѣдь новыхъ учителей жизни.

Умные статисты, дорожащіе своимъ мѣстомъ стараются не зарываться и не употреблять во зло довѣріе хозяина Уменъ Ллойдъ-Джорджъ, котораго во всей Британской имперіи интересуетъ лишь Филиппъ Сассунъ. Въ трудную минуту премьеръ ѣдетъ къ распорядителю игры и получаетъ отъ него мудрый совѣтъ. Поэтому Ллойдъ-Джорджу не страшна никакая оппозиція, поэтому Ллойдъ-Джоржъ способенъ предпринять то, что свалило бы любого премьера. Жизнь по Филиппу Сассуну — это звучитъ лучше, чѣмъ довѣріе, вотированное парламентскимъ большинствомъ...

Поэтому то Матіасъ Эрцбергеръ человѣкъ,

Digitized by Google

имѣвшій всѣ шансы стать учителемъ жизни, но рискнувшій на борьбу съ распорядителями игры, потерялъ и роль и жизнь.

3.

Эрцбергеръ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ жизнь начинается завтра. Сегодня они наступаютъ на ногу всѣмъ современникамъ, сегодня имъ трудно гарантировать даже личную безопасность. Новый человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова, Эрцбергеръ былъ и чистокровнымъ искушеннымъ патріотомъ: значитъ жизнь его не могла не стать цѣпью неизбѣжныхъ компромиссовъ — этихъ роковыхъ апельсинныхъ корокъ,—которыми демагоги пользуются для сокрушенія столповъ и безъ которыхъ искусство управленія превратилось бы въ жалкую дилетантщину чугунныхъ, но честныхъ генераловъ...

Его здоровая тевтонская голова такъ презирала всяческое ханжество, официальную мистерію, официозный клерикализмъ... Но непогрѣшимое чутье подсказывало ему, что пока основой современнаго государства остаются восторженные дураки, спайка католицизма есть и будетъ лучшимъ изъ патентованныхъ средствъ предвыборнаго околпачиванья... И двадцативосьмилѣтній Эрцбергеръ, въ отвра-

Digitized by Google

щеніи зажимая носъ отъ запаха ладана, рясы, богомольной толпы, проходитъ въ Рейхстагъ представителемъ католической партіи, въ самый короткій срокъ становится лидеромъ чернокраснаго движенія, чуть ли не германскимъ Ламеннэ...

Отъ А до Z... Послѣдніе предвоенные годы застаютъ Эрцбергера въ авангардѣ неистоваго непримиримаго алармизма. Война — сплошной идіотизмъ, война — разореніе прежде всего именно побѣдителя; въ борьбѣ народовъ побѣжденная сторона лишается всего благосостоянія и никакіе трактаты не въ состояніи заставить нищихъ «неудачниковъ» заплатить милліарды... нищимъ «счастливцамъ». Въ результатѣ легендарно- удачной войны побѣдитель не сможетъ вернуть своего прежняго благосостоянія, прочности быта, налаженности соотношеній. Да, да, все это такъ. И для Эрцбергера все это «ясно, какъ простая гамма». Но... что подѣлаешь, если только красный платокъ, дурацкій деревенскій крашеный платокъ, способенъ поддерживать быка въ состояніи перманентнаго активизма и безумія... Если нѣмецкій народъ ради миража побѣды способенъ на чудеса, если германскій пролетаріатъ становится въ мигъ вѣрноподданнымъ и по совѣту императора идетъ молиться въ свои храмы? Подавляя вспышки клокочущаго

Digitized by Google

сарказма, стараясь не слышать собственныхъ словъ, Эрцбергеръ въ 1913 году произноситъ рѣчь на тему о пятидесяти милліардахъ.

«Рано или поздно Седанъ повторится, Франція намъ заплатитъ не пять, а пятьдесятъ милліардовъ»...

Еще весной 1914 онъ проповѣдуетъ сближеніе съ Англіей, «единственный разумный союзъ, союзъ не наперекоръ стихіямъ, а въ духѣ реальной политики»... Но разъ война уже начата, она должна быть выиграна. Нужно разжечь мстительность тамъ, гдѣ можетъ изсякнуть энергія. Только ненависть даетъ побѣду, любовь... любовь жертвуетъ десять пфениговъ. Любовь это лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ (двѣ порваныхъ сорочки и одни сапоги) и невредимымъ...

Эрцбергеръ воспѣваетъ ненависть къ Англіи. Всѣ способы хороши. «Лучше разрушить весь Лондонъ, чѣмъ потерять одного германскаго солдата. Не жалѣйте дѣтей, до конца войны они вырастутъ и могутъ дать лишнихъ солдатъ антантѣ»...

Одновременно съ берлинскими статьями, въ Лугано Эрцбергеръ образуетъ центръ германскаго шпіонажа для Италіи. На учетъ взяты итальянское самолюбіе, итальянское чванство, итальянское миролюбіе, итальянская коррупція. Подкупъ редакторовъ и покушенія на

Digitized by Google

депутатовъ, скупка контрольныхъ пакетовъ заводовъ, способныхъ вырабатывать снаряженіе и немедленное ихъ переустройство, организаціи Черной Руки и соглашенія съ полиціей, флиртъ съ соціалистами и посулы правительству всяческихъ компенсацій за нейтралитетъ...

Еслибъ не брутальная политика Бюлова, кто знаетъ какими результатами увѣнчалась бы ювелирная работа Эрцбергера?...

Тщетны усилія трехлѣтней легендарной борьбы со всѣмъ міромъ. Чуткое ухо улавливаетъ частые перебои въ пульсѣ изнемогающей Германіи; новыя возможности для непредвидѣннаго хода раскрываетъ русская революція. Съ подводной войной, съ адмираломъ Тирпицемъ покончено. Нужно воздѣйствовать на римскаго папу, интриговать противъ Людендорфа и возбудить надежду. Лѣтомъ 1917 года Эрцбергеръ выступаетъ съ обширной рѣчью о главныхъ предпосылкахъ мира: миръ долженъ быть заключенъ безъ аннексій и контрибуцій...

Отнынѣ философскій камень найденъ! Слово произнесено. Пусть оно безсодержательно, пошло, бездарно, пусть оно подходитъ подъ Кантовское опредѣленіе: «Zweckmaessigkeit ohne Zweck»...

Digitized by Google

Ахъ обмануть того не трудно,
Кто самъ обманываться радъ...

Эрцбергеръ — самый популярный человѣкъ въ это лѣто. Онъ — кумиръ осиротѣвшихъ дѣтей, дрожащихъ женъ и матерей, подростающихъ юношей. Человѣкъ, который знаетъ, какъ прекратить бойню!

Ступень за ступенью, украинская авантюра, бѣшенство конца — берты громятъ Парижъ, а онъ все твердитъ: «Миръ, миръ, миръ во что бы то ни стало»...

Переворотъ произведенъ, какъ бы спеціально для него. Максъ Баденскій сразу стушевывается предъ этимъ любимцемъ вышедшей на улицу толпы. Только Эрцбергеру по силамъ свиданіе съ тріумфаторомъ Фошемъ — и онъ ѣдетъ въ Компьенскій лѣсъ, переступаетъ порогъ отнынѣ историческаго салонъ-вагона.

Въ день армистиса мы сидѣли компаніей русско-нѣмецкихъ журналистовъ въ «Адлон-Отелѣ». Городъ былъ, какъ адъ, почуявшій возможность спасенія. Наэлектризованное ожиданіе, истерики, слезы... Мы — русскіе — отъ души сочувствовали вздохамъ милліоннаго Берлина. Годъ назадъ, когда еще не все пропало, какъ мечтала, какъ тосковала о мирѣ потрясенная Россія...

Digitized by Google

Мальчишки ворвались съ экстреннымъ прибавленіемъ: Эрцбергеръ телеграфировалъ о заключеніи перемирія. Побѣжденный Берлинъ ликовалъ вечеромъ 11 ноября не меньше побѣдоноснаго Парижа. Незнакомые люди обнимались, старики танцовали на улицахъ...

На слѣдующее утро въ столовой нашего пансіона съ рѣчами, съ помпой былъ водруженъ портретъ Эрцбергера. Новый человѣкъ переживалъ свою кульминацію...

Любить умѣютъ только мертвыхъ. И когда первые восторги прошли, когда чувство спасенной жизни потеряло остроту, заговорили, заработали тѣ, кто вечеромъ 11 ноября предпочитали таиться.

Человѣка, заключившаго перемиріе, человѣка, осмѣлившагося создать въ Веймарѣ (лѣтомъ 1919) большинство для ратификаціи Версальскаго договора, жгучей ненавистью возненавидѣла вся старая «добрая» Германія. Юнкера, не разстающіеся съ корсетомъ, пивовары не призывнаго возраста, перекрасившіеся генералы, организаторы маскарадовъ, именующихся «вольными пожарными обществами», представители нуворишей-враговъ сильнаго обложенія, большевистскіе агенты, соединившіеся въ общемъ чувствѣ мести друзья Коппа и Каппа; Эрцбергеръ дерзалъ говорить острыя слова, надъ Эрцбергеромъ уже были

Digitized by Google

занесены карающіе мечи. А онъ не смущается и предпринимаетъ настоящій крестовый походъ: «Германіи не нуженъ реваншъ. Она должна работать и платить по Версальскимъ обязательствамъ. Намъ не нужны ни Виттельсбахи, ни Гогенцоллерны, намъ нужно, чтобъ Стиннесы не увиливали отъ несенія Версальской ноши. Стиннесы платятъ слишкомъ мало. Они должны принести жертвы или ихъ заставятъ быть патріотами»...

Дорогой цѣной поплатится Эрцбергеръ за эту попытку сокрушить распорядителей германской игры: заключайте перемирія, но не трогайте королей стали...

Сперва его смѣшаютъ съ грязью: дѣло въ томъ, что самъ Эрцбергеръ, конечно не любитъ платить налоговъ и тщательно скрываетъ отъ фиска точную цыфру своихъ доходовъ. Такіе люди, какъ онъ, слишкомъ цѣнятъ радость жизни, чтобъ распространять правила своей морали на свой собственный обиходъ. Эрцбергеръ считалъ, что его рѣчи достаточно искусный ersatz уплаты налоговъ...

Потомъ, когда политикъ убитъ Моабитскимъ процессомъ, (1920) приходитъ чередъ человѣка. Но и тутъ онъ остается незауряденъ: для него потребовалось цѣлыхъ двѣнадцать пуль...

Не всѣ мертвы, кто похороненъ. Завтрашняя

Digitized by Google

Германія будетъ Германіей Эрцбергера. Ему поставятъ памятникъ тогда, когда новые люди дождутся своего поколѣнія. Это поколѣніе пойметъ, что изъ Компьенскаго позора вырастаютъ цвѣты много лучше Седанскихъ, тріумфальныхъ. Все дѣло въ искусствѣ садовника. Все искусство въ умѣніи плыть по теченію распорядителя игры.

Трагедія жизни Эрцбергера въ томъ, что онъ не ощутилъ своего сродства со Стиннесомъ, что онъ, обладая всѣми компромиссами Ллойдъ-Джорджа, не захотѣлъ пойти на главный компромиссъ. Какъ истинный Предтеча, самъ онъ не могъ создать Новаго Завѣта и умеръ на порогѣ желаннаго эона...

4.

Есть громадная разница межъ европейскими и американскими распорядителями игры. Въ Америкѣ традиція и давность; въ Европѣ полное отсутствіе прошлаго — предки начинаются съ 1914... Въ Америкѣ «Standart Oil», за спиной котораго изумительная полувѣковая работа Рокфеллера старшаго, начавшаго свою коммерческую дѣятельность въ возрастѣ одиннадцати лѣтъ разводкой племенной птицы. Въ Америкѣ желѣзнодорожный король Гэрриманъ, уже отецъ котораго нажилъ и

Digitized by Google

кредитоспособную славу и милліоны долларовъ постройкой великаго трансатлантическаго пути. Нынѣшнему Гэрриману неполныхъ тридцать лѣтъ. Онъ любитъ, умѣетъ, стремится рисковать, но въ корнѣ испорченъ американскими условіями, неповторимыми нигдѣ въ мірѣ. Онъ хочетъ возстановить русскую желѣзнодорожную сѣть и, чтобы застраховаться на всѣ возможные случаи, поручаетъ своимъ инженерамъ заручиться согласіемъ не только совѣтской власти, но и всѣхъ остальныхъ правдоподобныхъ комбинацій... По американски звучитъ остроумно, но переведите этотъ желѣзнодорожный планъ на языкъ Тетюника, Ангела, Петлюры..!

Различіе европейскихъ и американскихъ распорядителей наиболѣе ярко выявилось въ борьбѣ за міровую гегемонію — въ войнѣ за нефть.

У Рокфеллера мудрая осторожность. «А старость ходитъ осторожно и подозрительно глядитъ». Каждая вещь стоитъ въ его глазахъ ровно столько, за сколько ее можно въ данный моментъ продать: онъ не фетишируетъ свою нефть. Начало всѣхъ началъ дѣятельности его Standart Oil — захватъ рынковъ. Лишь бы были покупатели, лишь бы каждую тонну нефти можно было превратить въ мѣшечекъ золота. Ради новаго рынка допустимы любыя

Digitized by Google

затраты. Завоеваніе Рокфеллеромъ китайскаго рынка — изумительнѣйшая страница въ исторіи англо-саксонской расы; по блеску и по упорству она оспариваетъ лавры завоевателей Индіи.

Въ девятисотыхъ годахъ вниманіе Рокфеллера было привлечено слѣдующимъ недопустимымъ явленіемъ: четыреста милліоновъ сыновъ поднебесной имперіи не платятъ никакой дани Standart Oil... Въ чемъ-же дѣло? Быть можетъ у нихъ густая сѣть электрическихъ станцій? Нѣтъ, они по прежнему довольствуются лучинами. Но вѣдь керосиновая лампа и ярче и дешевле лучины? Они не привыкнутъ къ керосину, у нихъ тысячелѣтняя традиція... Абсурдъ, Рокфеллеръ не останавливается передъ тысячелѣтіями, онъ способенъ скупить годъ за годомъ всѣ времена вплоть до первичнаго катаклизма.

Агентами Рокфеллера становятся... учителя буддійской мудрости. Мильярды плакатовъ, исполненныхъ въ духѣ запросовъ китайской массы, наполненныхъ цитатами изъ священныхъ книгъ, легендъ, преданій, доказываютъ съ ясностью золотого обращенія, что уже великій Будда зналъ о существованіи керосина, презиралъ лучиновое освѣщеніе и завѣщалъ всѣмъ вѣрующимъ преодолѣть косность.

Digitized by Google

Въ концѣ плаката указывалось, что Standart Oil Co, будучи не въ силахъ наблюдать дальнѣйшего попранія Заповѣдей Учителя и дальнѣйшую погибель душъ, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ безгрѣшныхъ, рѣшила, каждому сыну Поднебесной Имперіи подарить по отличной керосиновой лампѣ и въ теченіи полугодія совершенно безплатно снабжать ее священной жидкостью для поддержанія неугасимаго пламени во славу Будды. Одновременно, въ городахъ, мѣстечкахъ, поселеніяхъ на площадяхъ предъ храмами и на базарахъ, проповѣдники принялись разъяснять своей паствѣ, что самъ Будда, разочаровавшись въ китайцахъ, рѣшилъ посредствомъ чужеземцевъ добиться изгнанія позорныхъ лучинъ...

Первый періодъ войны съ китайской косностью продолжался пять лѣтъ. За это время наиболѣе подозрительные старики согласились принять отъ Рокфеллера его данайскій даръ. Совершенно ясно, что за полгода керосиноваго освѣщенія вся Поднебесная Имперія успѣла оцѣнить достоинства нововведенія и, когда окончился срокъ безплатной раздачи керосина, владѣльцы лампъ втянулись въ покупку керосина. Чтобъ не обезкуражить четыресто милліоновъ потребителей, на керосинъ была назаначена самая ничтожная цѣна

Digitized by Google

— почти въ убытокъ. Въ теченіе пяти лѣтъ цѣна эта возростала каждые три мѣсяца, возростала; хотя и въ гомеопатическихъ дозахъ, но неуклонно и прогрессивно. Къ концу перваго періода, на исходѣ пятаго года, Standart Oil Co обезпечила себѣ продажу гигантскаго количества керосина по цѣнѣ, въ нѣсколько разъ превышавшей цѣны, существующія въ Америкѣ и Европѣ. Расходы по изготовленію лампъ и льготному полугодію были покрыты сполна и въ послѣдующіе годы Китайскій рынокъ превратился въ богатѣйшаго данника семьи Рокфеллеровъ...

Что въ Китаѣ, то и въ остальномъ мірѣ. И до войны и во время войны и послѣ войны Рокфеллеръ остался вѣренъ своей теоріи: на первомъ планѣ новые и новые рынки. Старый распорядитель игры не захотѣлъ включать въ свою концепцію того, что ему казалось романтикой и что было выдвинуто расцвѣтшимъ за войну англійскимъ обществомъ Шелла, въ соединеніи съ голландскимъ Royal Dutch Co, образовавшимъ второй великій нефтяной трестъ.

Европейскіе распорядители игры съ презрѣніемъ отвергаютъ самую мысль о необходимости завоеванія рынковъ. Нефтяная волна выиграла войну. Нефть единственный продуктъ въ мірѣ, производство котораго ни-

Digitized by Google

когда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ стать чрезмѣрнымъ. Скорѣе хлѣбъ сгніетъ въ амбарахъ: хлѣбъ можно только ѣсть, а нефть... нефть своимъ появленіемъ вызываетъ зарожденіе новыхъ и новыхъ предпріятій, которыя съ увеличеніемъ работы увеличиваютъ потребленіе нефти.

Міръ оплетается сложной системой сосудовъ, получающихъ питаніе отъ нефти и дающихъ питаніе владѣльцамъ нефти. Гдѣ нефть — тамъ святая земля. Гдѣ бьетъ фонтанъ — тамъ по сосѣдству банки, фабрики, заводы... Надо думать не о завоеваніи рынковъ, а объ обезпеченіи себя гигантскими количествами нефти. Игру выиграетъ тотъ, кто захватитъ большое количество мѣстъ нефтерожденья. Надо скупать все: и доказанныя нефтеносныя земли съ бьющими фонтанами и подозрительныя по присутствію нефти мѣста, гдѣ буреніе не дало ярко отрицательныхъ результатовъ. Лучше скупить тысячу десятинъ безъ нефти, чѣмъ проворонить одну десятину фонтановъ...

Изъ кабинета Рокфеллера, по всѣмъ океанскимъ каблямъ, летятъ приказы агентамъ о цѣнахъ на продуктъ, о льготныхъ условіяхъ продажи, о новыхъ хитростяхъ, о новой рекламѣ. А изъ кабинета Гюльбенкьяна по тѣмъ-же каблямъ летятъ иные приказы: къ

Digitized by Google

чорту цѣны, плюйте на рекламу, скупайте акціи существующихъ предпріятій, акціонируйте, рыщите по островамъ и материкамъ въ поискѣ новыхъ нефтяныхъ источниковъ.

Характерна встрѣча, оказанная за-границей эмигрировавшимъ русскимъ нефтевладѣльцамъ. Американцы очень холодно отнеслись къ ихъ предложеніямъ. Покупать новую нефть? Зачѣмъ? Баку не работаетъ? очень хорошо. Еще годъ и мы будемъ питать Россію американской нефтью. Англичане съ энтузіазмомъ набросились на возможность стать владѣльцами Баку: Royal-Dutch'емъ было скуплено все то серьезное и большое, что ему смогли предложить...

Англійскіе распорядители игры переносятъ военные методы въ атмосферу полнѣйшаго мира. Они не вѣрятъ въ то, что война окончилась. Окончились военныя дѣйствія, но полностью для ихъ нефти сохраняется военная обстановка.

За четыре года войны, за три года мира Royal-Dutch Co, работая на деньги англійскаго правительства, скупила нефтяныя предпріятія на островахъ Великаго Океана, на европейскомъ континентѣ, въ Мексикѣ, во французскихъ, голландскихъ и, конечно, всѣхъ англійскихъ колоніяхъ, въ Персіи, на Кавказѣ и т. д. Нюхомъ стараго хищника англій-

Digitized by Google

ское правительство почуяло невиданныя возможности замаскированныхъ захватовъ: вывѣска Royal-Dutch'а придаетъ французскому городу болѣе англійскій видъ, чѣмъ если-бы на крѣпости развѣвались великобританскія полоски... И поведеніе Ллойдъ Джорджана Версальской конференціи продиктуется нефтяными соображеніями: Мессопотамія должна отойти подъ англійское покровительство», любой цѣной нужно удалить французовъ отъ Моссульскихъ нефтяныхъ рожденій... Въ цѣляхъ парироваиья какихъ бы то ни было французскихъ попытокъ, одновременно съ дипломатическими ловушками Royal-Dutch скупаетъ весь французскій нефтяной тоннажъ: отнынѣ побѣдители Германіи обречены на mercі Гюльбенкьяна... Или помилуетъ, или съѣстъ.

Рокфеллеръ боится кризиса. Royal-Dutch съ хладнокровіемъ Муція Сцеволлы взираетъ на всѣ ухудшенія сбыта. Замедлится покупка, ослабнутъ денежныя поступленія? Ну, что-жъ придется еще разъ надавить на великолѣпныхъ статистовъ и заставить англійское казначейство порыться въ его глубокихъ подвалахъ. Royal-Dutch Co. прекратитъ свои платежи лишь на слѣдующій день послѣ банкротства Британской Имперіи!

Рокфеллеръ не можетъ похвалиться такой же силой. Его вліяніе на Американское казна-

Digitized by Google

чейство не доходитъ до подобныхъ размѣровъ. Parvenu, юноши (какими представляются Рокфеллеру лондонскіе распорядители) не даромъ прошли сквозь войну, не даромъ помогли Имперіи выиграть войну. Однажды поступивъ на содержаніе къ казнѣ, они сумѣли использовать свое обаяніе и создали государство въ государствѣ. Содержанка подчинила Имперію, суверенный народъ превратился въ «великолѣпнаго рогоносца». Безъ трескучихъ рѣчей, безъ разрушенія Бастилій, присутствіе которыхъ лишь улучшаетъ нравы, безъ измѣненія конституціи, Royal-Dutch Co сокрушила пресловутое англійское обычное право.

За три года мира въ результатѣ умѣлой работы гордый англійскій парламентъ выродился въ консультаціонное бюро при распорядителяхъ міровой игры. 20 мая 1921 года членъ англійскаго парламента Пембертонъ Биллингъ обратился къ спикеру со слѣдующимъ, небывалымъ въ исторіи Англіи, письмомъ:

«Я не считаю совмѣстнымъ съ честью и достоинствомъ независимаго политическаго дѣятеля продолжать состоять членомъ собранія, лишеннаго чувства справедливости и развращеннаго до такой степени, каковую являетъ собой нынѣ нѣкогда свободный и независимый

Digitized by Google

англійскій парламентъ. Развращенный премьеромъ, являющимся простымъ орудіемъ въ рукахъ нѣкоторыхъ дѣльцовъ, нашъ парламентъ дѣйствуетъ въ интересахъ камарильи финансистовъ, которую онъ къ тому-же тѣсно отожествляетъ съ правительствомъ Его Величества и всѣ приказы которой онъ слѣпо исполняетъ...

Вы меня очень бы обязали, господинъ спикеръ, сообщивъ мнѣ, какія мѣры я долженъ принять. для немедленнаго освобожденія себя отъ оскорбительной для джентльмена обязанности быть членомъ парламента, гдѣ я первоначально долженъ былъ представлять интересы Восточнаго Гертфордшира»...

Пембертонъ Биллингъ добился желаемаго, но письмо его прошло незамѣченнымъ. Въ странѣ ничто не шелохнулось. Ллойдъ Джоржъ брезглив о усмѣхнулся, а хозяева даже не поморщились.

Въ результатѣ борьбы за нефть свершилось то, что нѣкогда предсказывалъ Георгъ Іеллинекъ: окончились парламенты. Комедія парламентаризма перестала удовлетворять самаго невзыскательнаго слушателя. Тогда режиссеръ измѣнилъ ее въ соотвѣтствующемъ духѣ...

Digitized by Google

5.

Когда въ январѣ 1921 во вновь сформированный кабинетъ Бріана въ качествѣ министра возстановленія вошелъ Луи Люшеръ, сатирическій листокъ «Canard Enchainé» сообщилъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Aristide Briand — président du Conseil et affaires étrangères, Louis Loucheur, regions liberés et affaires personnelles»...

«Люшеръ, Люшеръ» загудѣлъ Парижъ, вновь услышавъ пресловутое одіозное имя. Монмартрскіе шансоньеры въ тысячный разъ спѣли куплеты о знаменитомъ нуворишѣ; роялистская пресса возобновила весь свой разоблачительный репертуаръ и снова сдѣлала остроумную догадку: не жидъ-ли? На большихъ бульварахъ, въ витринѣ шаржей появилась грузная фигура усатаго человѣка: Люшеръ, только что прибывъ въ разрушенный Реймсъ, въ изумленіи всплескиваетъ руками и восклицаетъ: «Quel malheur, ah, quel malheur!»... И наконецъ шефъ французскаго бульварнаго остроумія Морисъ Шевалье для новаго revue въ театрѣ Амбассадэръ составилъ финалъ, въ которомъ каждый куплетъ, описывающій нищету, голодъ, разрушенія, финансовый крахъ Франціи, сопровождался рефрэномъ: «Loucheur

Digitized by Google

est toujours ministre, tout va bien, tout va bien»...

...Въ 1913 въ самыхъ освѣдомленныхъ банковскихъ кругахъ имя Люшера звучало какъ тридцать пять милліоновъ именъ остальныхъ французскихъ гражданъ. Понадобилось бы перелистать десятки справочниковъ, чтобъ выискать: Луи Люшеръ, инженеръ, 43 лѣтъ, состоитъ членомъ правленія нѣсколькихъ небольшихъ компаній...

Въ 1919 черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ армистиса, на вопросъ, какимъ образомъ разбогатѣли такіе-то и такіе-то, вы услышали бы фатальный отвѣтъ: «Mais il est très bien loucherisé»... что по русски звучитъ: «но у него отличный ходъ къ Люшеру»...

Этотъ французскій каниферштанъ за шесть лѣтъ успѣлъ сдѣлаться владѣльцемъ Сѣвера Франціи и однимъ изъ главныхъ — едва ли не самымъ главнымъ — руководителей игры.

Почему повышаются Rio tinto? Люшеръ покупаетъ...

Почему падаетъ марка? Люшеръ сказалъ своему кузэну, что онъ не вѣритъ въ успѣхъ Висбаденскаго свиданія.

Почему артистка N N попала въ Grande Opèra? Она встрѣтилась на океанѣ съ Люшеромъ.

Digitized by Google

Удастся ли Вивіани заключить заемъ въ Нью-Іоркѣ? Да, если фактическое руководство дѣлами и всѣ переговоры съ нѣмцами перейдутъ въ вѣдѣнье Люшера...

Самое удивительное, что изъ всѣхъ клемансистскихъ министровъ, пользующихся ненавистью, презрѣніемъ, всеобщимъ бойкотомъ, удержаться у власти сумѣлъ лишь одинъ — Луи Люшеръ т. е. именно тотъ, кто вызывалъ наибольшія нападки, чье имя еще въ 1916 рождало взрывы черной злобы, лютой зависти. И онъ же сталъ причиной нарушенія священной традиціи третьей республики: на постъ министра снабженія былъ приглашенъ человѣкъ, не дѣлавшій политики, не состоявшій ни членомъ парламента, ни сенаторомъ, ни виднымъ дѣятелемъ какой бы то ни было партіи... Тогда въ 1916, въ широкихъ кругахъ, назначеніе Люшера вызвало недоумѣніе, подобное тому, которое годъ спустя въ Россіи вызвалъ Терещенко въ роли министра финансовъ перваго временнаго правительства. Въ 1916 «Луи Люшеръ» звучало лишь для военныхъ brasseurs des affaires.

Полный веселый человѣкъ съ густыми усами, съ необычайнымъ спокойствіемъ и необычайной живостью въ глазахъ, всегда увѣренный въ себѣ, въ своихъ жестахъ, въ правдѣ всей своей жизни. Въ послѣдніе мѣсяцы режима Клемансо

Digitized by Google

онъ подвергся особеннымъ нападкамъ въ прессѣ и въ политическихъ кругахъ. Клевета превзошла всѣ предѣлы. Тогда Люшеръ взойдя, на трибуну парламента, повторилъ знаменитый пріемъ Прудона (къ этому пріему, къ слову сказать, прибѣгнулъ въ апрѣлѣ 1917, въ полемикѣ съ Ленинымъ, и Г. В. Плехановъ).

«Я — сказалъ онъ — шагъ за шагомъ разскажу свою жизнь, разскажу франкъ за франкомъ, какъ я пріобрѣлъ свое богатство. Если я что-либо утаю, Вы можете меня дополнить и исправить. Я ставлю одно условіе: послѣ меня на эту-же трибуну должны подняться мои враги и сдѣлать то-же самое»... Наступило молчаніе, въ средѣ членовъ парламента не оказалось желающихъ выдержать столь опасное состязаніе. И враги и друзья предпочли отдѣлаться бѣшеной овацiей...

Люшеръ честенъ. Самыя яростныя его противники отдѣлываются пошлой фразой: «онъ балансируетъ на рубежѣ гражданскаго и уголовнаго права»...

Люшеръ далеко не геніаленъ. Самые неутомимые его партизаны вынуждены признать: «C'est un eminent brasseur des affaires, mais au fond c'est un homme très ordinaire»...

Очень ординаренъ... а за нѣсколько часовъ исправляетъ ошибки трехъ лѣтъ и въ нѣсколь-

Digitized by Google

кихъ сжатыхъ параграфахъ соглашенія съ Ратенау даетъ Франціи безконечно больше Версаля, Севра, Тріанона, Сенъ-Жермена, Нейи, вмѣстѣ взятыхъ...

Очень ординаренъ... но сумѣлъ подойти вплотную къ дѣлу возстановленія и внѣ всякаго сомнѣнія обстроить сѣверъ Франціи...

Очень ординаренъ, но все-же фактъ остается фактомъ: быстрыми ударами, немногими комбинаціями составилъ исключительное богатство, опередивъ вѣковыхъ милліонеровъ — Ротшильдовъ и пр.

Въ Люшерѣ есть талантливое упорство его смѣшанной крови. Дѣдъ и бабка Люшера съ материнской стороны простые фламандцы, дѣдъ служилъ машинистомъ на бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ, бабка — работящая неутомимая крестьянка въ стилѣ персонажей художниковъ XVI столѣтія. Мать бельгійскаго народнаго героя Уленспигеля крестьянка Соот кинъ должна была напоминать бабку Люшера. Недаромъ въ Люшерѣ сумасшедшая энергія и веселый нравъ — совсѣмъ подъ стать пѣвцу Гезовъ...

Отецъ Люшера — на половину бельгіецъ, на половину французъ — занималъ очень скромный постъ на сѣверной французской дорогѣ и смогъ дать сыну высшее образованіе цѣной колосальныхъ жертвъ.

Digitized by Google

За первые пятнадцать лѣтъ своей жизни Люшеръ достигъ степеней извѣстныхъ, заработалъ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, но и только: сотнями милліоновъ и не пахло. Война во всемъ мірѣ искала и находила избранниковъ, дѣтей и баловней ея необычайнаго быта. Война произвела строжайшую провѣрку. «Голые» финансовые короли въ лучшемъ случаѣ смогли лишь удержать свое довоенное богатство, фиктивно увеличивъ его въ степени паденія бумажныхъ денегъ и увеличенія цѣнъ на недвижимость, стоки товаровъ, инвентарь. Сопротивляться атакѣ новыхъ богомъ войны отмѣченныхъ королей не смогъ никто изъ прежнихъ голыхъ королей. Появились настоящіе короли... Въ Россіи — Батолинъ, сынъ крестьянина Вятской губерніи, до 15 лѣтъ ходившій въ лаптяхъ, отъ конторскаго мальчика дошедшій до обладанія всѣми гигантскими Стахѣевскими предпріятіями (банки, текстилъ, хлопокъ ж. д., уголь, лѣсъ и пр.) исключительно при помощи своего изумительно остраго и точнаго ума; въ Англіи Сассунъ и его Ко, Гюльбенкьянъ, изъ политиковъ — Робертъ Горнъ, въ Германіи, — Стиннесъ, въ Италіи — братья Перронэ и т. д.

Во Франціи человѣкомъ съ головой, рожденной для военныхъ операцій, оказался Луи Люшеръ. Въ парижскомъ инженерѣ заго-

Digitized by Google

рилъ зовъ предковъ, суровыхъ желѣзныхъ людей, выкованныхъ въ горнилѣ непрекращающихся битвъ, приспособленныхъ къ самому худшему—къ борьбѣ съ истребительнымъ, заливающимъ моремъ, къ схваткамъ съ разбойниками, къ защитѣ отъ солдатъ инквизиціи...

Война любитъ Люшера, но и Люшеръ чувствуетъ войну. Его искусство — предупрежденіе событій. Онъ съ точностью непогрѣшимой опредѣляетъ запросы послѣзавтрашняго дня и соотвѣтственно съ этимъ уже сегодня подготовляетъ потребное, переводитъ заводы, фабрики, конторы, стоки, банковскій аппаратъ на иную линію. Естественно, что съ нимъ нельзя конкуррировать. Его продуктъ, его работа исполнены по прежнимъ цѣнамъ, изъ прежняго матеріала... «Люшеръ — дьяволъ... Не успѣетъ правительство или страна о чемъ-либо подумать, онъ тутъ, какъ тутъ»...

Основанное Люшеромъ акціонерное общество въ круги своей дѣятельности захватываетъ всѣ запросы и фронта и тыла, на путяхъ разростанія проводитъ идею, которую одновременно съ нимъ въ Германіи примѣняетъ Стинесъ: трестированіе промышленности и по вертикали и по горизонтали, пріобрѣтеніе не только орудій производства, но и способовъ распространенія. Межъ Люшеромъ и потребителемъ нѣтъ посредниковъ. Онъ хозяинъ

Digitized by Google

и на заводѣ и на складѣ и въ конторѣ... Онъ снимаетъ всѣ пѣнки... Конечно, въ этой идеѣ нѣтъ ничего геніальнаго, конечно спеціалисты со скучающей улыбкой выискиваютъ аналогичныя идеи еще въ дохристіанской древности и т. д. Суть не въ оригинальности, а въ качествѣ исполненія. Люшеръ — первый, кто сумѣлъ во Франціи блестяще осуществить эту идею и въ условіяхъ войны и въ хаосѣ послѣ перемирія. Быть можетъ въ мирной обстановкѣ его планъ и не удался бы. Паруса праздно болтаются въ штиль, но въ бурю мчатъ къ желанной цѣли. Веніамины войны прозябаютъ въ отсутствіи матери.

Отъ политическаго вліянія къ финансовымъ барышамъ — таковъ обычный путь западныхъ дѣятелей: депутатовъ, сенаторовъ, выдающихся журналистовъ. Колесо фортуны захватываетъ ихъ лишь въ зенитѣ славы.

Ота милліоновъ — къ политическому вліянію — такова карьера Люшера и его международныхъ братьевъ. Если однако въ довоенные годы банкиры лишь открывали газеты и предпочитали лишь негласно вліять на политику, то Люшеръ слишкомъ сангвиникъ для того, чтобы слѣдовать примѣру Ротшильдовъ, и слишкомъ французъ, чтобы подражать таинственному Сассуну. Ему мало руководить

Digitized by Google

игрой издалека; въ пятьдесятъ лѣтъ хочется свѣта рампы, остатокъ жизни онъ намѣренъ фигурировать, разговаривать, заключать договоры, устраивать парламентскія сраженія, международныя осложненія...

Травля, клевета, насмѣшки? Je m'en foue par exemple. Онъ достаточно парижанинъ; чтобъ не забывать мудраго изреченія: Франціей можетъ управлять любое правительство и любыми способами, лишь бы оно позволяло надъ собой смѣяться.

Люшеръ прочно сидитъ на креслѣ банкомета не хочетъ встать и не встанетъ. Если въ толпѣ понтеровъ раздаются временами плачъ или рѣзкое слово, то... надо же имѣть состраданіе къ бѣднымъ статистамъ, надо же и имъ изъ всей деклараціи правъ предоставить хотя бы единственное право эмоціи...

6.

Рокфеллеръ, дирекція Royal Dutch'a, Гуго Стиннесъ и Луи Люшеръ уже дошли до той степени вліянія на человѣчество, до тѣхъ граней прозрѣнія силы, послѣ которыхъ можно писать Новый Завѣтъ. Евангеліе отъ Рокфеллера, Евангелье отъ Royal Dutch'a, Евангелье отъ Стинесса, Евангелье отъ Люшера... При міровомъ провалѣ христіанства они съ

Digitized by Google

успѣхомъ замѣнятъ Матѳея, Луку, Марка, Іоанна. Если оставаться въ руслѣ Галилеянина ихъ мудрость будетъ Евангельемъ отъ Ѳомы, написаннымъ послѣ того, какъ Ѳома пересталъ довѣрять и ребру.

Со времени крушенія языческой культуры не происходило еще въ исторіи человѣчества событія равнаго Великой Войнѣ по значительности ея послѣдствій. Поколѣніе, вошедшее въ жизнь между 1914-18 и входящее послѣ перемирія, жестоко ошибется, попытавшись искать своихъ предковъ въ галлереѣ славныхъ ликовъ христіанской культуры. Еще не язычество, уже не христіанство, проще апокалиптическаго звѣря, сложнѣе золотого тельца.

Во всѣ вѣка покупная способность золота сохраняла свои размѣры. Но никогда еще самое страшное изъ трехъ искушеній — искушеніе властью не пожинало такого успѣха. Никогда еще власть не попадала въ такія вѣрныя, въ такія сильныя руки.

Распорядителя игры творятъ совершенно новую форму государства. Конечно, не монархія: въ силу какихъ причинъ невѣжественный человѣкъ въ военной формѣ долженъ пользоваться особыми прерогативами, особымъ почетомъ, особенной любовью?.. Если нужно представительствовать, среди клерковъ, при

Digitized by Google

главной дирекціи, всегда найдется высокій красивый мужчина, умѣющій съ очаровательной улыбкой говорить невѣроятныя пошлости, мягкими жестами сопровождающій слова, блаженствующій въ цилиндрѣ и въ хорошо сшитомъ фракѣ. Обставьте его соотвѣтствующимъ внѣшнимъ піэтетомъ и у него будетъ престижъ англійскаго короля съ тѣмъ преимуществомъ, что на клерка можно топать ногами и угрожать расчетомъ!

Распорядители игры предпочитаютъ республику, но республику, развращенную до предѣловъ мечты. Чтобъ депутаты воровали до отказа: о всемъ парламентскомъ большинствѣ можно имѣть тогда исчерпывающее досье — лучшая предосторожность отъ возможныхъ капризовъ голосованія.

Чтобъ рабочіе имѣли всѣ политическія права, какія они только могутъ захотѣть. Побольше крупныхъ объединеній, поменьше разрозненныхъ группъ: съ любыми представителями не трудно столковаться, любой рабочій, выходя изъ массы, становясь избранникомъ, отрывается отъ своихъ довѣрителей и охотно ихъ продаетъ — за деньги или возможность фигурировать.

Чтобъ министры набирались изъ краснобаевъ, развратниковъ, пьяницъ, казнокрадовъ и, переложивъ дѣла на попеченія секре-

Digitized by Google

тарей, сами предавались любымъ порокамъ, дорожили бы мѣстомъ и опасались разоблаченій...

Новый Завѣтъ имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ, ибо въ немъ жива величайшая демократичность. Въ мірѣ комбинацій позволено все. Пролитіе крови, правда, запрещается, но убійство репутацій... но coups de grace на биржѣ, но слухи о банкротствѣ и т. д. Каждый, въ чьей головѣ роется золотородящая мысль, можетъ стать распорядителемъ игры. Ему уже не надо любить ближнихъ. Но ближніе его полюбятъ, если только онъ сумѣетъ ихъ обмануть. Ему уже не надо растрачивать драгоцѣнной энергіи на преодолѣніе безконечныхъ стѣнъ, настроенныхъ королями, феодалами, довоенной кичливой буржуазіей: Европа послѣ армистиса въ дѣлѣ наживанія денегъ придерживается политики открытыхъ дверей. Вчерашній офиціантъ, сегодня выигравъ въ карты или какимъ инымъ способомъ добывъ полагающееся количество милліоновъ, будетъ принятъ, какъ равный, какъ славный собратъ. На портикѣ каждаго биржевого зданія по прежнему чертятся слова — Liberté, Egalité, Fraternité, но они уже не остаются только словами: если борьба за распорядительство игрой будетъ поставлена въ условіяхъ равенства для всѣхъ, свободы ва всемъ — отъ

Digitized by Google

необнаруженнаго убійства до недоказанной поддѣлки векселей, тогда и тиранія выигравшаго не нарушитъ принципа братства. Онъ оказался самымъ способнымъ изъ братьевъ, онъ разгадалъ пентаграмму...

Ежегодно неторопливая статистика двухъ материковъ заноситъ на своихъ листахъ имена застрѣлившихся банкротовъ, разоблаченныхъ и отправленныхъ на каторгу фальшивомонетчиковъ, неудачныхъ прожектеровъ, запутавшихся спеціалистовъ по акціонированью. Новый Завѣтъ понялъ, что въ этихъ записяхъ статистики не нужно искать ни матерьяла для морали, ни вдохновенья для обличенья. Строй, дарованный войной, психологія, рожденная въ окопахъ, всѣмъ живущимъ въ подлунномъ мірѣ подарили одинаковыя возможности и выигрыша и проигрыша. Fair play! — нѣтъ выраженія болѣе могучаго и болѣе сладкаго во всемъ англійскомъ лексиконѣ... Fair play — это поистинѣ Нагорная проповѣдь Новаго Завѣта.

Каждый человѣкъ имѣетъ возможность стать и милліардеромъ Рокфеллеромъ и бандитомъ Сакко. Въ первомъ случаѣ его ожидаетъ кресло распорядителя міровой игры, во второмъ случаѣ — электрическій стулъ.

Спокойно примемъ правила Новаго Завѣта и не будемъ оплакивать пассажировъ, вы-

Digitized by Google

брошенныхъ за бортъ... Вѣрьте въ покупную способность золота, надѣйтесь на чуму для моралистовъ и нытиковъ, любите... ну, хотябы одинъ стаканъ горячаго поджигающаго коктайля....

«Его Величество Султанъ Турецкій, отправляя въ плаванье свои корабли, не совѣщается съ крысами, живущими въ трюмѣ, о желательномъ маршрутѣ»...

Распорядители міровой игры, опредѣляя содержаніе ближайшихъ десятилѣтій, менѣе всего интересуются отношеніемъ къ ихъ дѣятельности и взглядами на добро и зло милліарда ихъ спесивыхъ статистовъ.

Digitized by Google

У НАСЪ ВЪ ПАССИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

1.

Никого не жаль, ничего не хочется.

П-а-с-с-и...

Словно сонная муха це-це ужалила: по уличкамъ свѣтлой печали, загороженнымъ цементнымъ Модернъ, отъ мечтательныхъ Сенскихъ мостовъ до самаго Булонскаго лѣса, тянется наше славное тихое Пасси. Рентьеры, ушедшіе отъ сутолоки бульваровъ и гомона биржи, profiteurs de la guerre, лихо спекульнувшіе въ дни Марны, Соммы и Уазы, нынѣ скупившіе особняки обнищавшей аристократіи, заживо разлагающіяся католическія герцогини съ двумя «de» въ одной, бургонскимъ пропахшей, фамиліи, новая рафинированная буржуазія, чьи дѣды пригоняли быковъ въ Орлеанъ, а внуки, одѣвъ монокли, бѣшено рукоплещутъ пляскамъ Мистингетъ — въ тѣнистыхъ алеяхъ Henri Martin, на стрѣлахъ, убѣгающихъ отъ Тріумфальной Арки, въ цвѣтникахъ, окружившихъ Трокадеро, всѣхъ ихъ соединила третья гомерическая республика. Стало Пасси молчаливымъ, выдержаннымъ, зальдившимъ славное и позорное

Digitized by Google

прошлое, готовымъ къ новому Кавеньяку, къ четвертому Наполеону, къ взрыву мстительной злобы, день за днемъ, капля за каплей накапливаемой въ дымныхъ заводскихъ предмѣстьяхъ...

Будетъ, будетъ новая гекатомба!

Слышишь, какъ на парномъ разсвѣтѣ скрежещетъ, лязгаетъ, грозитъ окружная дорога. Спятъ молодые владѣльцы рольсъ-ройсовъ, дряхлыя герцогини спросонья встряхиваютъ рѣдкими косичками, недовольно ворчитъ красноглазая премированная собаченка, одинъ за другимъ, приземистые, чуть что не кукольные вагончики пересѣкаютъ Пасси, унося хмурыхъ, харкающихъ, хмыкающихъ парней. Лязгаютъ инструментами и въ отвѣтъ имъ лязгаетъ желѣзомъ окружная дорога.

Въ Елисейскихъ поляхъ скрипятъ исполинскіе возы моркови, капусты, цвѣтовъ: чрево Парижа жаждетъ утренней порціи... Будешь и ты Пасси въ чревѣ грознаго, хитрящаго, лязгающаго Парижа....

2.

Попали и мы въ Пасси.

Троцкій съ большущимъ кожанымъ портфелемъ, захаживалъ въ Ротонду, что на Монпарнассѣ, посиживалъ у Даркурана Сэнъ-

Digitized by Google

Мишель — уже по одному тому мы не захотѣли селиться на бурливомъ лѣвомъ берегу. Подальше, подальше...

Ахъ, какъ устало глупое бѣженское сердце. Не хочется ни повстанцевъ, ни бѣлой мечты, ни красныхъ зорь... Хочется, чтобъ потрескивалъ каминъ, мурлыкала жирная парижская кошка, да разъ въ недѣлю зашла консьержка и разсказала о знакомомъ консьержѣ, котораго племянникъ разрубилъ на куски и малой скоростью въ большой плетеной корзинѣ отправилъ на Ліонъ...

Не тутъ-то было: жозъ-бандъ, вопросы валютные и тщеславіе нищихъ съѣли безъ остатка. Отъ Григорьева ушелъ, отъ Ленина ушелъ, отъ Петлюры ушелъ, отъ Деникина ушелъ, отъ Константинопольской base navale ушелъ, отъ меня не уйдешь...

Ну, какіе изъ насъ танцоры? Есть у насъ дѣйствительно славный балетъ, не безъ Карсавиной, не безъ Павловой, не безъ Гельцеръ, но вѣдь въ безстыжемъ шимми не переспоришь негра — , сверкающаго зубами, бѣлками, пуговицами. Не мѣсто русскому человѣку въ дансингѣ. Ему бы съ надрывомъ, съ любовью, съ разсказомъ о свѣтлой дѣвушкѣ Катѣ, а тутъ платите деньги, сообщите желаемое и проѣзжайте!.. Ни слезъ ни истерики, ни любовныхъ признаній...

Digitized by Google

Есть у меня знакомый литераторъ. Никакъ его не устраиваетъ здѣшній праздникъ жизни. Въ императорскомъ Петербургѣ, въ «Гигіенѣ» для всѣхъ скорбящихъ, въ пятомъ часу утра, пьяный, плаксивый, разстроенный убѣждалъ онъ свою партнершу, что не развратъ ему нуженъ, а «легенда, сказка»... И что-жъ вы думаете: вмѣстѣ съ нимъ навзрыдъ заливалась женщина съ Лиговки и полностью давала легенду... Въ Россіи и въ чека наровятъ съ легендой, съ вывертомъ, съ кровавой сказкой, а у французовъ во всемъ, вездѣ, всегда: clairté, precisité: хотите любить, любите, хотите развлекаться, развлекайтесь — но въ обоихъ случаяхъ платите и не плачьте...

Хотите работать на биржѣ — работайте, но держитесь, здѣсь не Европейская, не Сіу, не Фанкони. Большое колесо вертится съ силой водопада, засасываетъ, захватываетъ, разрываетъ на клочки, выбрасываетъ и никто, никто не пожалѣетъ.

Старый знакомый, призракъ съ Большой Арнаутской, — тотъ самый, у котораго въ недѣлю мирнаго возстанія изъ пояса кальсонъ вырѣзали восемьдесятъ шесть каратовъ голубой воды — пріѣхалъ, понюхалъ биржевую коллонаду и заоралъ, что штуки Гардинга не пройдутъ, что не сдобровать доллару и что каждому вдумчивому человѣку надлежитъ

Digitized by Google

покупать марки. Черезъ полгода призракъ съ Большой Арнаутской посѣдѣлъ еще больше, чѣмъ въ недѣлю мирнаго возстанія и открылъ заводъ русской водки: разбавлялъ спиртъ водой, а при помощи еще двухъ фанатиковъ марки разливалъ спиртъ по бутылкамъ, наклеивая этикетъ: «Vodka Russe»... Еще черезъ полгода онъ уѣхалъ въ Германію и проклялъ холодную, эгоистическую Францію...

...Разсмѣшилъ насъ Петлюра. Сидитъ въ Тарновѣ и знай составляетъ правительство.

Разсмѣшили и мы Петлюру: сидимъ въ Парижѣ, обѣдаемъ черезъ день, но дважды въ день обсуждаемъ конструкцію власти.

Въ Тарновѣ улицы узкія, не мощеныя, среди бѣла дня собака можетъ полъ человѣчекаго зада вырвать — и никто не реагируетъ; мальчики крутятъ цыгарки изъ навоза, дѣвочки, сидя на мостовой, играютъ въ тряпичныя куклы. Въ Тарновѣ Петлюра — не малая личность. Даже главный духовный равинъ — величайшаго ума человѣкъ, завидя въ окно, Петлюровскаго военнаго министра и Петлюровскаго начальника штаба, нѣжно поддерживающихъ другъ друга и танцующихъ подъ гитару министра юстиціи, въ ужасѣ закрываетъ ставни, опасаясь вспышки племенной вражды.

Въ Тарновѣ Петлюровскій офиціозъ зани-

Digitized by Google

малъ первѣйшее положеніе въ рядахъ повременной печати — и когда передовикъ изъ кіевскихъ наборщиковъ пригрозилъ войной малой антантѣ — сынъ богатѣйшаго мясника поспѣшилъ заручиться свидѣтельствомъ трехъ врачей о слабости зрѣнія, ожирѣніи сердца и злокачественной грыжѣ.

Въ Парижѣ дѣлать большую политику нѣсколько труднѣй, чѣмъ въ Тарновѣ. Шансоньеры въ неприличныхъ выраженіяхъ описываютъ паденіе изъ окна вагона президента республики; маленькія газетки не затрудняются именовать канальей премьера; коммунистическіе депутаты, вожди III интернаціонала, живутъ въ собственныхъ отеляхъ въ паркѣ Монсо, а монархическія прокламаціи робко желтѣютъ въ писсуарахъ. Въ Парижѣ считаютъ, что бѣдные должны думать не о временномъ блюстителѣ царскаго престола, а о постоянной смѣнѣ теплаго бѣлья. На митингъ протеста, «рѣшающій судьбы цивилизаціи», приходитъ двадцать семь человѣкъ, а на розыгрышъ Большого Приза города Парижа сто семь тысячъ человѣкъ.

Въ Парижѣ за особенную стать русскаго народа даютъ еще меньше, чѣмъ за сторублевую облигацію займа свободы того же народа. Указаніе на свое великое будущее при полномъ отсутствіи настоящаго разсматривается здѣсь,

Digitized by Google

какъ замаскированное нищенство — какъ продажа пятисантимовой открытки за десять су — что разрѣшается лишь инвалидамъ и вдовамъ убитыхъ.

Въ Парижѣ у людей странный поворотъ мышленья: если 99 % русскаго населенія — говорятъ парижане — враждебны совѣтской власти, то что-же я могу предложить подъ залогъ страны, гдѣ одинъ сильнѣе девяносто девяти...

Парижъ любитъ остроуміе и презираетъ болтовню. Мы прививаемся здѣсь также слабо, какъ и большевики. Тѣхъ совсѣмъ не пускаютъ. Намъ отвели въ удѣлъ забвеніе Пасси.

3.

Въ Пасси мы всѣ на перечетъ. Кто что готовитъ на обѣдъ, кто гдѣ служитъ, кто отъ кого деньги ждетъ, кто кому денегъ не отдаетъ.

Если появится въ Пасси неизвѣстный русскій мужчина, улица проводитъ его подозрительнымъ взглядомъ и спроситъ: на чьи деньги живетъ?.. Если пройдетъ по этой же улицѣ — по нашей русской улицѣ — неизвѣстная русская женщина, съ трамвая, съ автобуса, сквозь окна многочисленныхъ бистро вопьются въ нее десятки глазъ: съ кѣмъ живетъ?..

«Что вы смѣетесь — печально вздыхаетъ

Digitized by Google

знакомый профессоръ — въ этомъ маленькомъ городѣ не можетъ быть тайнъ»...

«Какъ въ маленькомъ городѣ, это въ Парижѣ-то?..

«Ну, при чемъ здѣсь Парижъ. Онъ самъ по себѣ, мы сами по себѣ.»

Въ маленькомъ городѣ скучаютъ невообразимо. Въ театръ: далеко, дорого и большинство языка не знаетъ; въ синема: не зачѣмъ тогда было изъ совдепіи выѣзжать!.., на концертъ: опять русскій балетъ, спасибо, пусть французы развлекаются. Вечеръ подходитъ — отъ тоски скулы болятъ. Фанатики политики запираются по квартирамъ и спорятъ объ арміи Врангеля, разлагать ли ее или поддерживать, о голодѣ въ Самарской губерніи, помогать или губить, о будущей русской власти, войдетъ въ нее Керенскій или не войдетъ, о еврейскомъ вопросѣ, будутъ погромы или не будутъ... Графоманы пишутъ неизвѣстно для кого предназначающіяся записки, меморандумы, описанія своей собственной эвакуаціи. Съ утра въ редакціи обѣихъ газетъ потянутся странные блѣдные люди. Одинъ разработалъ проэктъ возстановленія русскихъ желѣзныхъ дорогъ, безъ участія иностраннаго капитала, безъ закупки заграничнаго матеріала, проэктъ по всей видимости геніальный, но имѣется въ немъ этакъ

Digitized by Google

съ 15.000 строкъ, фельетоновъ на 40-50, а авторъ очень торопится: пальцы изъ ботинокъ вылѣзаютъ, ночевать негдѣ, обѣдать не на что... Другой, старикъ семидесяти двухъ лѣтъ, жена осталась въ Одессѣ, сыновья въ Египтѣ, писать началъ на семидесятомъ году, въ трюмѣ парохода »Херсонъ», на которомъ эвакуировался изъ Новороссійска. Написалъ немало: два открытыхъ письма Ленину, гдѣ доказывается, что предсѣдатель совнаркома — «типичный предатель».; одно открытое письмо Уэльсу; нѣсколько закрытыхъ обращеній къ Ллойдъ-Джоржу, отправленныхъ заказнымъ на русскомъ языкѣ прямо на Доунингъ Стритъ, ввиду постыднаго равнодушія къ судьбѣ подобныхъ произведеній, проявляемыхъ обѣими русскими газетами, подкупленными сіонскими мудрецами; Ллойдъ-Джоржу старикъ, какъ на пальцахъ разложилъ, что премьеръ долженъ уйти... Есть у старика еще одна вещичка, увѣряетъ, что на нее покушались два большихъ греческихъ рѣвю въ Аѳинахъ, гдѣ «Херсонъ» перегружался; но ее можно опубликовать лишь черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ смерти автора: вещичка описываетъ продѣлки желѣзнодорожниковъ на Юго-Западныхъ дорогахъ, гдѣ старикъ служилъ счетоводомъ. Тема какъ говорили на Московской вербѣ, животрепе-

Digitized by Google

щущая. Желѣзной дорогѣ вообще повезло, въ эту эмиграцію: одинъ разоблачаетъ, другой продаетъ, третій опровергаетъ...

Старшина корпуса графомановъ — пренадоѣдливый старецъ неизвѣстной національности, объѣхавшій буквально съ гривенникомъ въ карнанмѣ всю Европу и половину Америки. Хитрячокъ пріѣзжалъ въ новую столицу и объявлялъ лекцію о «воспитаніи въ Японіи»... Почему въ Японіи и почему воспитаніе? Традиція, знаете, всю жизнь съ двадцатилѣтняго возраста... Маленькій городъ не интересуется лекціями, плюетъ на воспитаніе въ Японіи. Но старецъ не унываетъ, самъ продаетъ билеты, самъ даетъ первый и второй звонки, самъ пишетъ рецензію и упорной блокадой редакторскихъ кабинетовъ добивается ея напечатанья... Сколько разъ прочелъ онъ о воспитаніи въ Японіи? Трудно угадать, только видитъ, что, знаменитости въ Америку ѣдутъ. Анна Павлова, Рахманиновъ, Рерихъ, Фокины... Не можетъ быть, чтобы просвѣщенные американцы не заинтересовались воспитаніемъ въ Японіи. Остановка за деньгами на проѣздъ; старикъ — самъ пять: сынъ безъ одной почки, жена его лютеранка и т. д. Во всѣ сколько есть въ Парижѣ учрежденій подалъ прошеніе, начинавшееся строго гомеровской фразой:... «Не-

Digitized by Google

слыханное дѣло, чтобы семья изъ пяти человѣкъ на собственный счетъ ѣхала въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки»...

Теперь старикъ въ Канадѣ, просвѣщаетъ духоборовъ; маленькій городъ лишился рѣдкаго экземпляра...

4.

...«А какъ вы думаете, что если наняться къ малой антантѣ»?

«Зачѣмъ же вы малой антантѣ понадобились»?

«Ну, знаете, не скажите, на румынской границѣ большевики силы концентрируютъ, я бы насчетъ расположенія войскъ, я въ Подоліи каждую тропинку знаю. Нуженъ-то я нуженъ, да боюсь малая антанта плохо платитъ»... «Ну, ладно. Выпьемъ пока по боку».

Сидимъ въ кафэ на одной изъ Пассійскихъ площадей, по улицѣ направо живетъ Клемансо, по улицѣ налѣво Керенскій. Три года назадъ, когда Керенскій пріѣхалъ въ Парижъ и пошелъ къ Клемансо, французскій тигръ такъ на него зарычалъ, что русскій верховный главнокомандующій счелъ ниже своего достоинства продолжать разговоръ и исполнилъ свою давнюю угрозу: заперъ сердце, ключи

Digitized by Google

забросилъ въ море и переѣхалъ въ Пасси. Черезъ годъ туда-же переѣхалъ и Клемансо.

Сидимъ въ кафэ и глушимъ пиво. Бокъ да бокъ. Жизнь становится легче. Собесѣдникъ — бывшій бравый офицеръ, съ Брусиловымъ бралъ Луцкъ, съ Кутеповымъ Орелъ, съ Врангелемъ Галлиполи. Поѣздилъ по свѣту, кое-что видѣлъ, кое-что испыталъ. Въ Константинополѣ грузилъ уголь по лирѣ въ день и на пятый день его прогнали, потому что турецкіе грузчики согласились брать по полъ лирѣ. Нанялся на пароходъ кочегаромъ — Жалованья никакого, столъ хозяйскій: макароны и рисъ, рисъ и макароны. Дважды ходилъ въ Александрію, гдѣ и получилъ чистый расчетъ. Почему? А Богъ его знаетъ... Хозяинъ сказалъ, что и съ одной смѣной кочегаровъ управится, а русскій человѣкъ за годы большевизма привыкъ къ сокращенію штатовъ... Шлялся по Александіри четверо сутокъ, спалъ въ какомъ-то саду, питался... Одинъ разъ ему консулъ далъ нѣсколько піастровъ, другой разъ сердобольный арабъ не выдержалъ, завелъ въ харчевню, накормилъ, напоилъ мастикой. Захмелѣлъ, повеселѣлъ и прошелся въ наурской лезгинкѣ. Посѣтителямъ харчевни офицерскій танецъ понравился; похлопали и въ шапку накидали какой-то дряни, даже не похожей на деньги. Хозяинъ

Digitized by Google

харчевни, подумалъ, осмотрѣлъ, помялъ офицеру животъ, мускулы и оставилъ у себя на службѣ: днемъ мыть посуду, вечеромъ танцовать, ночью караулить. Съ полгода мылъ тарелки и танцовалъ, къ лѣту затосковалъ — самое сердце укусилъ найденный лоскутъ парижской газеты — и рѣшилъ пробраться въ Парижъ. Много русскихъ, опять же союзники, не пропадешь... Бывалому бѣженцу виза не нужна, прошелъ въ портъ, покалякалъ съ матросами русскаго парохода и къ ночи уже сидѣлъ въ угольной ямѣ, помогая кочегарамъ. На седьмыя сутки прибыли въ Марсель, матросы на прощанье угостили, свели къ дѣвочкамъ и собрали на дорогу до Парижа восемьдесятъ франковъ: купишь билетъ и на метро останется... На метро не осталось, потому что въ Ліонѣ не выдержалъ запаха шоколаднаго, выпилъ двѣ чашки и наѣлся круассановъ... Вышелъ съ Ліонскаго вокзала, будто только что родился... Ничего не понимаетъ. Какіе-то люди въ хорошемъ платьѣ ѣдутъ, развалившись въ автомобиляхъ; какія-то женщины въ шелковыхъ чулкахъ идутъ и смѣются. Какіе-то плакаты на заборахъ извѣщаютъ о самомъ большомъ матчѣ въ мірѣ. А онъ идетъ въ своей угольной робѣ, въ драной кепкѣ, въ англійскихъ стопудовыхъ ботинкахъ. Полисмены косятся, но ничего не задерживаютъ...

Digitized by Google

... За четыре мѣсяца парижской жизни онъ успѣлъ пріобрѣсти сѣрый костюмъ, шляпу канатье, бамбуковую трость и даже надушился паршивымъ фикстуаромъ. Но не легко дался этотъ шикъ. Голодалъ и въ Парижѣ, изъ учрежденія перегоняли въ учрежденіе, спрашивали, зачѣмъ пріѣхалъ, разводили руками, выносили по пять франковъ, совѣтывали ѣхать обратно въ армію и предупреждали, что нищенство въ Парижѣ запрещается... Стиснулъ зубы, сжалъ кулаки и ломилъ на проломъ. Къ концу лѣта счастье улыбнулось: знакомый москвичъ тоже изъ подмостной братіи сообщилъ, что американцы дали русской артели подрядъ на выкапыванье труповъ, предназначенныхъ къ отправкѣ въ Америку. Жара звѣрская, кромѣ русскихъ никто не берется и, хоть духъ дѣйствительно, нехорошій, но плата отличная... Вотъ онъ и принялся могилы разрывать, сперва не вѣрилъ, считалъ, что надуютъ: кормить покормятъ, а денегъ ни шиша. Но пришла недѣля, пожалуйте въ контору... Честь честью, сантимъ въ сантимъ... Съѣздилъ на воскресенье въ Парижъ, отдалъ за ночь недѣльный заработокъ и въ полномъ восторгѣ вернулся къ дорогимъ покойникамъ...

Такъ вотъ оттуда и костюмъ и тросточка. Денегъ больше не осталось, но предлагаютъ

Digitized by Google

два хорошихъ дѣла: одинъ поручикъ разыскалъ патера, который за переходъ въ католицизмъ выплачиваетъ единовременно сто франковъ, а если поторговаться, и всѣ двѣсти. Обязательствъ никакихъ, подпиши бумажку въ пріятіи благодати и гуляй! Поручикъ можетъ быть вретъ и никакого патера не существуетъ, но вотъ вѣрнѣйшій человѣкъ изъ Симферопольскихъ спекулянтовъ, еврей, но любитъ офицеровъ, сообщилъ, что въ Парижъ пріѣхали агенты малой антанты и берутъ на службу по спеціальности. Повстанецъ — пожалуйте въ повстанцы, на румынскую границу, кавалеристъ изъ Николаевскаго — пожалуйте въ какой-то тамъ почетный конвой. Особенно охотятся за бывшими чинами пограничнаго корпуса и береговой охраны, такимъ предлагаютъ богатѣйшее мѣсто не то въ Далмаціи, не то подъ Штиріей...

«Такъ поѣзжайте съ Богомъ. Пріятнѣй же по спеціальности»...

«Я бы поѣхалъ да раньше конца октября не могу. Мнѣ на послѣдній день скачекъ въ Longchamps знакомый парикмахеръ вѣрнѣйшее tuyau далъ. Достану сто франковъ, поставлю, сниму тысячъ пять и никуда ѣхать не придется... Еще по боку»...

И опять сидимъ и глушимъ по боку. День воскресный, золотая осень. Надъ Трокадеро

Digitized by Google

летаютъ паутинки, по бульвару дѣвочка катитъ серсо и листья подъ ногами шуршатъ. Старенькая дама на тоненькой цѣпочкѣ ведетъ вымытую собачку и пріятно улыбается. Шоферы безъ шапокъ толпятся у стойки бистро и спорятъ о Ландрю. Пузатый старикъ говоритъ, что обязательно поѣдетъ смотрѣть, какъ Ландрю голову оттяпаютъ; брюнетка разливающая пиво, напротивъ считаетъ, что Ландрю «tout à fait charmant» и способенъ увлечь самую порядочную женщину...

Съ верхней улички, что налѣво, на залитую солнцемъ площадь медленной неувѣренной походкой выходитъ господинъ въ сѣромъ костюмѣ, въ темной шляпѣ. У него уши нетопыря. Онъ идетъ, опираясь на трость, и пристально глядитъ себѣ подъ ноги. Когда онъ подходитъ къ бульвару, онъ подымаетъ глаза и щурится отъ нестерпимаго свѣта. Я узнаю его по тому особенному, прямому, буравящему, холодному взгляду, о которомъ Мирабо говорилъ Барнаву: «Tu as les yeux froids et fixes, il n'y a pas de divinité en toi»...

Я узнаю его еще издали, но я боюсь назвать его имя. Раскапыватель американскихъ могилъ отличается слишкомъ непосредственнымъ характеромъ...

Digitized by Google

5.

Живемъ въ Пасси, а скандалить ѣздимъ въ Латинскій кварталъ, на rue Danton...

Salle des sociétés savantes — отъ вѣка обреченный залъ. Есть тамъ тусклое старое зеркало, отражающее оратора съ эстрадой. Кому только оно ни мигало за послѣдніе пятнадцать лѣтъ...

Плѣшивая, хохочущая маска Владимира Ильича, сардоническій профиль товарища Троцкаго, маленькій щупленькій Бухаринъ, интеллигентная размазня Луначарскаго, дворянская туша Максима Ковалевскаго, золотыя очки и розовыя щеки Милюкова, неподражаемая борода Авксентьева, калмыцкія скулы Алексинскаго, зажмуренные глаза Карташова, косая сажень безумнаго Львова (Сумбуръ-паши), взъерошенный, растерянный Левъ Шестовъ, канатье, котелки и кепки случайныхъ таинственныхъ незнакомцовъ, отъ которыхъ исторія не пожелала принять имени, но которыхъ усталая зеркальная поверхность съ безразличнымъ отвращеніемъ зарегистрировала...

Каждую свою горесть, каждую амбицію, каждую жажду словоизверженія свято приносили мы на это кладбище русскихъ репутацій. Здѣсь Ленинъ убѣждалъ плехановцевъ въ близости диктатуры пролетаріата, здѣсь

Digitized by Google

провидецъ Мережковскій дважды грозилъ антихристомъ, здѣсь Авксентьевъ цитировалъ Данта въ тщетныхъ попыткахъ расшевелить бѣженскую душу, здѣсь въ году 1907 просвѣщенные гуманные люди клеймили смертную казнь, здѣсь въ году 1921 тѣ-же просѣщенные, гуманные люди смертную казнь прославили.

Сюда послѣ большихъ интерваловъ захаживалъ Борисъ Савинковъ: межъ лекціей и лекціей были бомбы, рейдъ, головокружительная поѣздка или новый романъ Ропшина. Сюда послѣ трехлѣтняго молчанія багряный блескъ единственнаго русскаго оратора принесъ Василій Маклаковъ... А публика? Разношерстная, разноплеменная, разнокарманная, разномастная. Можно было бы, пройдя отъ толстаго блондина въ первомъ ряду, до небритаго юноши на балконѣ, написать исторію молодой Россіи.

Въ каждомъ слушателѣ эпоха, каждый представляетъ собой кусочекъ затвердѣвшей вулканической лавы. Этотъ банкиръ, начавшій пятирублевыми уроками, окончившій скупкой европейскихъ банковъ, послѣдовательно въ Петербургѣ, въ Одессѣ и на Кавказѣ приговоренный къ разстрѣлу, плативший фантастическую контрибуцію, выписывая ея чѣками на несуществующія заграничныя отдѣленія,

Digitized by Google

Эта пѣвица, пропѣвшая всю гамму отъ эмира бухарскаго и голубыхъ брилліантовъ до молоденькаго добровольческаго офицера и обѣдовъ въ rendez-vous des cochers... на бульварѣ Распайль.

Этотъ высокій стриженный человѣкъ военной выправки, жандармскихъ манеръ, черезчуръ остраго зрѣнія; пятнадцать лѣтъ назадъ на эстрадѣ salle des sociétés savantes его имя склонялось во всѣхъ падежахъ, на его голову призывались всѣ громы. Теперь онъ скромно сидитъ подъ самымъ зеркаломъ, поглаживаетъ ежикъ и что-то записываетъ въ свою книжечку. Говорятъ, что онъ и по сей день ведетъ карточную систему эсэровъ, эсдэковъ, энэсовъ. Теперь-то они съ нами, а дальше, чѣмъ чортъ не шутитъ. Для порядка лучше записать, кто у кого бываетъ, кто чѣмъ занимается... Такъ вѣроятно Гинденбургъ, сидя надъ десятиверсткой, переставляетъ флажки и разсчитываетъ, что было бы, если бы тогда въ мартѣ 1918 онъ лѣвымъ флагномъ зашелъ бы немного сѣвернѣе, а правымъ немного западнѣе, и побѣждаетъ Фоша и беретъ Парижъ и двигается на Бордо. Русская революція и германскій разгромъ не мало породили принцовъ Рейхштадтскихъ отъ бывшихъ штабовъ и бывшей охранки...

...Консьержъ, состоящій при залѣ на rue

Digitized by Google

Danton не рѣдко подходитъ къ дверямъ, просовываетъ голову и съ минуту слушаетъ. Потомъ покряхтитъ и отойдетъ. Онъ увѣряетъ, что русскіе за пятнадцать лѣтъ совсѣмъ не измѣнились. Такъ же кричатъ громче, чѣмъ какая либо другая національность. Такъ-же, проходя мимо него, не здороваются и не вытираютъ ногъ. Такъ-же стараются пересидѣть полицейскій часъ и лишь вмѣшательство ажана очищаетъ залъ... Еще въ прошломъ году пріѣзжали русскіе на автомобиляхъ, попадались обезъяньи кофты и котиковыя манто. А въ этомъ году ни кофтъ ни манто... ботинки оборванные, брюки обтрепанные, Впрочемъ, консьержъ — большой оптимистъ. Онъ хорошо помнитъ Ленина и считаетъ, что у русскихъ заведено такое правило для всѣхъ будущихъ министровъ: сперва скандалить на rue Danton, потомъ захватывать власть въ Петербургѣ...

Въ этотъ сентябрьскій вечеръ мы отправились на rue Danton для борьбы съ голодомъ. Въ Salle des sociétés savantes посѣмъ побольше словъ, авось тамъ самарскіе богоносцы что нибудь пожнутъ...

Кучка русскихъ, собравшихся у подъѣзда, нехотя докурила папиросы, потопталась въ

Digitized by Google

вестибюлѣ и вяло поплелась въ залъ. Засѣданіе началось: по традиціи, установившейся на вечерахъ лѣваго окруженія новѣйшей эмиграціи, первымъ выступилъ Н. Д. Авксентьевъ. Какой пріятный голосъ, какія симпатичныя манеры!

Въ дни московскаго государственнаго совѣщанія представитель «Новаго Времени», Пиленко о рѣчи Авксентьева далъ совсѣмъ коротенькій отчетъ: «потомъ говорилъ нѣкто Авксентьевъ, говорятъ, что это министръ внутреннихъ дѣлъ».

Зычно, съ подъемомъ, стараясь разжечь самого себя и не видѣть молчаливой пустыни въ залѣ борцовъ съ голодомъ, «министръ внутреннихъ дѣлъ» сознался, что у членовъ представляемой имъ организаціи (общественнаго комитета по борьбѣ съ голодомъ) не мало прегрѣшеній предъ Россіей, что въ бытность на родинѣ они не мало накуралесили и что пора бы уже что-нибудь толкомъ сдѣлать... Иначе — здѣсь ораторъ тряхнулъ своей филологической стариной — общественный комитетъ и вся эмиграція попадутъ въ тотъ кругъ Дантова ада, гдѣ томятся «не холодные и не горячіе» и гдѣ Вергилій запрещаетъ Данту не то, что пускаться въ разговоры, а даже останавливаться. Проходи съ молчаливымъ презрѣніемъ — «гарда э пасса!»...

Digitized by Google

Salle des sociétés savantes давненько не слыхалъ классическихъ стиховъ и цитата очень понравилась всѣмъ присутствующимъ. Кучка русскихъ похлопала со всѣмъ энтузіазмомъ, возможнымъ въ мѣстахъ безъ жозъ-банда и коктайля... Одинъ хмурый господинъ заерзалъ, записалъ цитату и сказалъ, что ее полезно передать и отсутствующимъ.

Авксентьевъ, сказавъ рѣчь, добродушно оглянулся, застѣнчиво зѣвнулъ и поспѣшилъ покинуть залъ борьбы съ голодомъ: гарда э пасса...

Послѣ него заговорилъ одинъ черненькій человѣкъ марксистскаго привкуса. Очень убѣдительно разсказывалъ вещи не слишкомъ великой оригинальности, которыя всѣмъ человѣчествомъ постигаются въ классѣ приготовительномъ, а соціалистической частью лишь черезъ много лѣтъ послѣ окончанія университета... Совѣтская республика нехорошая республика, на такихъ основаніяхъ мы не построимъ революціи и т. д. Всѣ свои эвклидовы истины черненькій марксистъ подкрѣплялъ, какъ и полагается марксисту, ссылками на отсутствующихъ Бухарина, Осинскаго, Рыкова, Калинина. На этомъ мѣстѣ зеркало усиленно замигало, потускнѣло еще больше и почти заплакало: да, знаю, знаю... хорошо помню этихъ товарищей... вотъ такъ-же стояли на

Digitized by Google

эстрадѣ и читали вырѣзки изъ отсутствующихъ Ковалевскаго, Милюкова, Мещерскаго и т. д.

Марксистъ собралъ свои вырѣзки, на прощанье скептически самъ съ собой переглянулся въ зеркало и сѣлъ на мѣсто. Одна очень симпатичная барышня, впослѣдствіи оказавшаяся дамой, голосомъ, весьма напоминающимъ Юреневу, трогательно разсказывала о страданіяхъ русскихъ дѣтей. Salle des Sociétés savantes не привыкъ къ такимъ разсказамъ. Кучка русскихъ задымила папиросами и что-то вспомнила.

П. Н. Милюковъ, поправилъ очки и съ обычными жестами премьера, отвѣчающаго на запросъ оппозиціи — принялся разсказывать исторію Нансена, организацій по борьбѣ съ голодомъ въ Россіи и за-границей и т. д. До момента рѣчи П. Н. Милюковъ сидѣлъ мрачный, явно чувствуя себя въ дурномъ обществѣ. Звуки знакомаго голоса, раздававшагося въ Таврическомъ дворцѣ и въ аудиторіяхъ двухъ континентовъ, замѣтно подбодрили П. Н. Милюкова... Зеркало осталось вполнѣ довольно и замѣтно просвѣтлѣло: вотъ она старая гвардія, это вамъ уже не Вергилій и не русскія дѣти...

Потомъ молодой, но косноязычный господинъ принялся читать письма, полученныя

Digitized by Google

имъ изъ Совѣтской Россіи. Молодой господинъ представлялъ въ учредилкѣ очень богатую окраину, но бѣдные посѣтители рю Дантонъ не пожелали его выслушать и вылѣзли на улицу.

Въ перерывѣ курили, зѣвали, свѣряли другъ у друга часы, ходили на place St. Michel справляться о послѣднемъ метро. Пьяные американцы стояли вкругъ своихъ автомобилей и пѣли о томъ, какъ Першингъ, Френчъ и Вильсонъ спасли міръ. Въ минуту образовалась толпа дежурныхъ дѣвочекъ, намѣтилась почва сближенія и загудѣли моторы.

Послѣ перерыва начался дивертисментъ, крайне похожій на концертъ въ пользу гувернантокъ, описанный въ «Бѣсахъ»...

Загорѣлый парень въ черной косовороткѣ кричалъ, что онъ пріѣхалъ со спеціальной миссіей и что онъ отъ имени всероссійскаго крестьянства даетъ слово уморить голодомъ проклятый городъ...

Кто-то проснулся и крикнулъ «долой». Косоворотка такъ и сдѣлала.

Полненькій пріятный мужчина попытался язвить, но въ немъ опознали стараго знакомаго, зеркало снова потускнѣло, юноша съ балкона прорычалъ — «гороховое пальто» — и мужчина смылся...

Бывшій прокуроръ московской судебной

Digitized by Google

палаты предложилъ создать мастерскую взаимной выработки духа. Милюковъ устало протеръ очки и сказалъ, что таковая уже давно создана и называется — Salle des sociétés savantes...

Потомъ было послѣднее метро. Всѣ уѣхали и только косоворотку, сцѣпившуюся съ вегетаріанцемъ изъ бывшихъ шпиковъ, пришлось выводить ажану.

Circulez, messieurs, circulez!..

6.

Двадцать второго іюня — самый длинный день въ году. Солнце никакъ не хочетъ распрощаться съ Эйфелевой каланчей и на улицѣ Боэси, куда мы направили свои стопы, въ десятомъ часу вечера пахнетъ парижскимъ неумолимымъ лѣтомъ, торцами, близкимъ разъѣздомъ. Залъ Гаво. Обычно въ этомъ залѣ играютъ, поютъ, декламируютъ. Карьера артиста не будетъ закончена, если въ коллекціи его сувенировъ не окажется афиши съ адресомъ улицы Боэси.

Мы — народъ серьезный. Достаточно въ своей жизни, когда денегъ куры не клевали, пѣли, играли, декламировали. Въ залѣ Гаво мы собрались съ серьезной цѣлью — выслушать монархистовъ, вернувшихся съ Рейхенгалльскаго съѣзда. На третьемъ этажѣ юный

Digitized by Google

испанскій піанистъ игралъ Кампанеллу Листа, на четвертомъ маститый завсегдатай чайныхъ союза русскаго народа повѣствовалъ о своемъ посѣщеніи баварскаго курорта.

Аудиторія напоминаетъ павильонъ Таврическаго дворца въ первые дни марта: поминутно изъ клѣтки лифта выходятъ люди, которыхъ тогда возили не въ лифтѣ, а на грузовикѣ. Еслибъ не видъ — спокойный и торжественный — иллюзія превратилась бы въ галлюцинацію. Одного старика на рукахъ вынесли изъ лифта, на рукахъ донесли до кресла: ну, чѣмъ не Горемыкинъ....

У большинства въ петлицахъ пиджаковъ ленточки забытыхъ россійскихъ орденовъ, издали сходяшія за Почетный Легіонъ. Надо же хоть чѣмъ нибудь возмѣстить пропажу лосиновыхъ штановъ и флигель адъютантскихъ аксельбантовъ...

Мужчины благообразны, изысканны, замкнуты. Въ женщинахъ, несмотря на шелковые чулки и дорогія шляпы, есть нѣчто отъ разъяренныхъ рыночныхъ мегеръ 1793 года. Безъ всякой надобности въ разговоръ о погодѣ вставляютъ «жида», при упоминаніи съ кафедры имени кого-либо изъ Романовыхъ впадаютъ въ трансъ и вѣеромъ стучатъ по спинкѣ стула. Распустите ихъ прически, замѣните шелковые чулки грубыми шерстяными, швырните въ

Digitized by Google

ихъ толпу человѣка, подозрительнаго по національности или партійности, они вопьются ногтями въ его лицо, проколятъ шпильками его глаза, разорвутъ его на клочки, не хуже, чѣмъ балтійскіе матросы разорвали Духонина.

Предсѣдательствующій Крупенскій. Господинъ вѣчно-бессарабскаго типа, сохранившій манеры камергера, но растерявшій былую жизнерадостность. Долго и печально повѣствуетъ онъ о выпавшей на его долю высокой чести возглавлять Рейхенгалльскій съѣздъ. Какъ-то странно, неясно и неувѣренно передаетъ о близкомъ осуществленіи надеждъ. Дамы бѣшено апплодируютъ и подталкиваютъ мужей.

Потомъ выступаетъ бывшій членъ Государственной Думы Половцевъ. Видный мужчина съ усами международно-полицейскаго образца. Отличная дикція, плавные жесты человѣка, хорошо знающаго, чего онъ хочетъ и отъ чего онъ не отступится... Дѣла монархистовъ, оказывается, въ самомъ блестящемъ состояніи. «Очаги еще теплятся», народы Европы, перешедшіе на республиканскій строй, тоскуютъ о своихъ монархахъ и т. д.

Подъ визги женскаго восторга Половцевъ разсказываетъ о Рейхенгалльскомъ докладѣ барона Таубэ. «Погубившая насъ европейская война», по наблюденіямъ умнаго барона,

Digitized by Google

началась изъ-за интригъ жидо-масоновъ. Болѣе того: гимназистъ Принципъ, убившій эрцгерцога Фердинанда, во первыхъ масонъ высокаго посвященія, а во вторыхъ почти жидъ... Русскую революцію организовалъ никто иной, какъ англійскій посолъ Бьюкененъ (жидъ и масонъ). Почему же онъ захотѣлъ разрушить Россію? Очень просто: потому что на слѣдующій день послѣ подписанія секретнаго договора, по которому Константинополь и проливы должны были отойти къ Россіи, Англія захотѣла избавиться отъ своей опасной союзницы и скорѣе проиграть войну, чѣмъ допустить русскаго священника въ Айя-Софію.

Внизу, въ третьемъ этажѣ испанскій піанистъ переходитъ на бравурный маршъ Шуберта, и Половцовъ ,уступая гипнозу мелодекламаціи, вызывающимъ грознымъ тономъ разсказываетъ объ остроумныхъ открытіяхъ Рейхенгалльскаго съѣзда въ области оріентаціи. Намъ нужна оріентація не германофильская, и не антантофильская, и та и другая знаменуютъ тиранію еврейскаго капитала, намъ нужна оріентація русская... Что это означаетъ въ переводѣ на языкъ практическій — никто не знаетъ. Но даже такой человѣкъ, какъ Н. Е. Марковъ (не говоря уже о двухъ десяткахъ преосвященныхъ) выдалъ свое полное благословеніе...

Digitized by Google

Энтузіазмъ аудиторіи на улицѣ Боэси подымается до предѣловъ, опасныхъ для безопасности моей грузной сосѣдки слѣва. Апоплексическій румянецъ пожралъ толстый слой пудры, вѣеръ сломанъ и черезъ минуту ее придется откачивать...

А Половцевъ только началъ, ибо внизу позавидовали верхнимъ овацiямъ и заиграли венгерскую рапсодію Листа.

Въ залѣ Рейхенгалльской гостинницы было нѣчто, способное воодушевить на подвиги Геркулеса: на стѣнѣ красовался исполненный въ трехъ краскахъ, въ лучшемъ типографскомъ заведеніи Лейпцига портретъ «Самодержца Всероссійскаго»...

О, какая овацiя, какой взрывъ... Даже печальный бессарабецъ повеселѣлъ и помахалъ стоявшимъ доселѣ въ сторонѣ національнымъ флагомъ. Сосѣдка задохнулась, старика въ креслѣ понесли къ выходу: «дайте атмосферы»...

Половцевъ не унимается. Голосомъ, заглушающимъ отзвуки Листа, онъ сообщилъ, что, въ первый же день работъ Рейхенгалльскаго съѣзда, въ Копенгагенъ, на имя «вдовствующей императрицы Александры Ѳеодоровны», была послана привѣтственная телеграмма и уже къ концу второго дня полученъ милостивый августѣйшій отвѣтъ... Отвѣтъ получился во

Digitized by Google

время рѣчи бывшаго кадета, члена государственной думы Масленникова — и саратовскій депутатъ прямо и честно сказалъ: царь можетъ быть только изъ славнаго рода Романовыхъ. Въ подкрѣпленіе своей исповѣди Масленниковъ сослался на двухъ, ему лично не-симпатичныхъ авторитетовъ — Милюкова и Ленина: 2 марта 1917 года Милюковъ сказалъ, что «безъ Михаила Романова Россія не переплыветъ океана революціи», во всѣ марты всѣхъ лѣтъ Ленинъ утверждалъ: «либо Романовы, либо большевики, выбора нѣтъ»...

Сломанъ послѣдній вѣеръ — Половцевъ перешелъ къ разбору грѣховъ вождей бѣлаго движенія. Жалѣть ихъ не приходится: увлекались лѣвизной, находились въ еврейскихъ рукахъ и не подняли надъ крышей своихъ ставокъ императорскаго штандарта. Не забыли въ Рейхенгаллѣ и интеллигенцію. Ею спеціально въ теченіе сутокъ занимался полковникъ Поляковъ, составившій свой докладъ въ духѣ обученія солдатъ, по николаевскому уставу: сѣяла крамолу, погубила Россію и въ 1905 и въ 1917, любила евреевъ, жалости не заслуживаетъ.

Земельную реформу и рабочій вопросъ Половцевъ (подъ звуки Шаконны Баха) разрѣшилъ иначе, чѣмъ Рябушинскій (безъ сопровожденія музыки). Рябушинскій отдавалъ

Digitized by Google

всю землю крестьянамъ и всѣ фабрики владѣльцамъ; Половцевъ сохранялъ землю за помѣщиками, а въ отношеніи фабрикъ выражалъ полную готовность пойти на любой компромиссъ! Половцевъ объяснилъ, что онъ бы съ удовольствіемъ отдалъ и землю, но не можетъ этого сдѣлать по соображеніямъ строго государственнаго характера: «крестьянинъ-землевладѣлецъ не будетъ такимъ идеалистомъ какъ помѣщикъ и не захочетъ думать о народномъ образованіи»...

Внизу музыка кончилась и начался антрактъ. Половцевъ рѣшилъ, что и ему пора отдохнуть. Въ качествѣ послѣдняго гвоздя въ гробъ всѣхъ враговъ, онъ рѣшилъ притянуть кого-либо изъ лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія. Вспомнилъ доктора Пасманика и заявилъ, что вызовъ доктора принимаетъ и, не теряя времени на стратегическую оборону, самъ перейдетъ въ наступленіе... За отсутствіемъ Пасманика самосудъ не состоялся и дамы въ шелковыхъ чулкахъ должны были залить свой темпераментъ цитронадомъ.

Послѣ перерыва читали телеграммы и къ автобусу опоздали. Шли пѣшкомъ и ругали жидо-масоновъ.

Digitized by Google

7.

Маленькому городу угрожаетъ тяжкая нищета. Изъ тридцати тысячъ бѣженцевъ, прибывшихъ къ осени прошлнго, двадцатаго года въ Парижъ, едва-ли одна тысяча привезла деньги, достаточныя для безбѣднаго житья, или хотя бы реальныя цѣнности... Огромное большинство надѣяпось какъ нибудь, гдѣ нибудь устроиться.

Лучше чистить сапоги въ Парижѣ, чѣмъ прозябать въ Москвѣ!.. Въ принципѣ нельзя не согласиться съ этимъ честнымъ силлогизмомъ, но вся бѣда въ томъ, что Парижу не нужны новые чистильщики сапогъ. Одни чистятъ сапоги у себя на дому, другіе вполнѣ удовлетворяются чистильщиками парижскаго производства...

Въ небольшой банкъ ввалился членъ правленія одного изъ крупнѣйшихъ южныхъ предпріятій, отдышался, вытеръ платкомъ лицо, посѣтовалъ, что высоко живутъ и потребовалъ мѣста.

«Да, какое-же мы вамъ мѣсто дадимъ, у насъ штаты маленькіе, все заполнено»...

«Я за положеніе не держусь — успокоилъ бѣженецъ — вотъ хотите буду у васъ кофе разносить, двери отворять»...

Парижане подумали и сказали: «Видите-ли

Digitized by Google

коллега, если васъ взять кофе разносить, во-первыхъ надо нашего лакея прогнать и заплатить ему за мѣсяцъ впередъ, а во вторыхъ вы же не умѣете кофе разносить»?!.

Въ процессѣ обнищанія русской эмиграціи Парижъ лишь на годъ съ небольшимъ отсталъ отъ Константинополя. То, что осенью двадцатаго года уже составляло норму длв Перы и Галаты, то къ зимѣ двадцать перваго года еще удивляетъ, еще тревожитъ русское Пасси.

И въ Константинополѣ эмиграція начала весьма шикарно: открыла рестораны съ цѣнами въ пять разъ выше мѣстныхъ греческихъ, но зато съ музыкой Гулески, съ борщомъ по малороссійски, съ танцами Лидіи Джонсонъ и Альперова... Галатскіе купцы вздыхали о наступающемъ кризисѣ, прибывшіе новороссійскіе и одесскіе молодцы пренебрежительно улыбнулись, сказали, что греки о работѣ понятія не имѣютъ, что товаръ нужно не продавать, а попридерживать... Самъ комаринскій мужикъ былъ бы доволенъ, увидя, съ какимъ размахомъ снимались конторы, магазины, склады, съ какимъ американскимъ спокойствіемъ продавалось послѣднее женино кольцо для устройства новоселья, ибо въ новомъ городѣ, какъ извѣстно по русскимъ примѣрамъ, кредитоспособность добывается широкимъ образомъ жизни...

Digitized by Google

Пера зацвѣла плакатами, извѣщающими нашу почтеннѣйшую публику (такъ дословно и написали), что — Несравненная Рябиновая еще не умерла, что въ бутылкахъ американскаго спирта еще сохранилась способность перевоплощаться въ «англійскую горькую», въ «хинную» и т. д.

Появились русскія фотографіи, гдѣ снимаютъ хуже и дороже, но съ исканіями, то есть человѣкъ, желающій получить полдюжины карточекъ для паспортнаго бюро, получаетъ шесть картонокъ, изображающихъ расплывшагося идіота, котораго не то что во Францію или въ Англію, но и въ совѣтскую Россію пустить нельзя...

Россія завоевала Перу, Галату, просочилась отчасти и въ Стамбулъ. Если на Айя-Софіи не былъ водруженъ крестъ, то зато по вечерамъ въ шантанѣ на улицѣ Petits-Champs зашуршала стая одесскихъ, екатеринославскихъ, московскихъ, ростовскихъ звѣздъ, которыя «на счастье» требовали двадцать пять лиръ, т. е., разъ этакъ въ десять дороже Галатскихъ гречанокъ... Но какіе титулы, но какое воспитаніе, но имѣйте уваженіе къ женѣ офицера, проливающаго кровь за родину...

Константинопольское веселье кончилось очень быстро: купцовъ за долги посадили въ

Digitized by Google

тюрьму, рестораны передѣлались въ дешевыя харчевни, звѣзды подешевѣли до двухъ лиръ. Совершилось буквальное осуществленіе знаменитой одеесской формулы: богатые на билліардѣ играютъ, а бѣдные въ окно шары подбираютъ...

Парижская эмиграція, имѣя передъ глазами урокъ константинопольскихъ родственниковъ и знакомыхъ, рѣшила, что Турція не указъ и что нельзя сразу безъ боя перейти на подбираніе шаровъ. Надо попробовать самимъ сыграть на билліардѣ, надо научить работать бездарныхъ французовъ, у которыхъ даже настоящихъ сосисокъ съ томатомъ не достанешь ни за какія деньги...

Константинопольская исторія повторилась во всѣхъ деталяхъ и со всѣми послѣдствіями. Только въ Парижѣ она усугубилась двумя обстоятельствами: строгостью французскихъ гражданскихъ законовъ и чванной вѣрой каждаго бѣженца въ присущее ему пониманіе французской психологіи...

«Я французовъ, какъ свои пять пальцевъ знаю. Вы ему напишите на вывѣскѣ Vodka Russe, но напишите поярче, позаманчивѣй, чтобъ напоминало Дягилевскій балетъ — и французъ расшибется... — Глядишь, съ утра предъ магазиномъ хвостъ»...

Вывѣску дѣйствительно написали и напи-

Digitized by Google

сали такъ убѣдительно и ярко, что рядомъ съ ней солнце казалось коптящей лампой. Но французъ не расшибся..., а лизнулъ языкомъ Vodka Russe, быстро сообразилъ, съ чѣмъ имѣетъ дѣло и вернулся къ привычнымъ аперитивамъ.

Однако знатоки французской психологіи не смутились. Они твердо помнили, что французъ не сможетъ выдержать и отдастъ душу при видѣ русскихъ кружевъ, русскихъ игрушекъ, русскихъ предметовъ старины и роскоши.

Но за четырехлѣтнюю войну французы положительно пріобрѣли твердый характеръ. Выдержали витрину съ кружевами и продолжали покупать такія-же кружева, но лучше и дешевле въ сосѣднемъ французскомъ магазинѣ. Улыбнулись игрушкамъ, но не купили. Какой-же ребенокъ можетъ съ такими страшилищами играть? Вѣдь такъ можно единственнаго сына до родимчика запугать... Въ предметахъ старины французы блестяще разбирались и всѣ попытки выдать стилизацію Хлѣбникова за уникъ XVIII вѣка, вывезенный изъ Парижа эмигрантомъ, бывшимъ любовникомъ фрейлины Маріи-Антуанетты, вызывали очень учтивое недоумѣніе...

Одинъ титулованный офицеръ принесъ къ директору Лувра копію съ картины малозна-

Digitized by Google

чительнаго голландца и давалъ честное слово русскаго дворянина что у него въ рукахъ Рембрандтъ, купленный въ Голландіи однимъ изъ участниковъ миссіи графа Петра Андреевича Толстого... Директоръ Лувра отвѣчалъ, что онъ безусловно вѣритъ въ идентичность картины, разъ на лицо такой документъ, какъ честное слово русскаго дворянина, но къ сожалѣнію Лувръ лишенъ возможности пріобрѣтать и можетъ лишь принять въ даръ. Офицеръ ушелъ оскорбленный и теперь хлопочетъ о визѣ въ Голландію, чтобы возвратить Рембрандта его родинѣ, благо гульденъ хорошо стоитъ.

Въ числѣ наиболѣе популярныхъ затѣй, разсчитанныхъ на знаніи психологіи, оказались банкирскія конторы и книгоиздательства. Послѣ трехъ лѣтъ бѣженства и двухъ эвакуацій Одессы всѣ русскіе полюбили игру на шанжѣ и въ основаніе бюджета положили биржевые выигрыши.

Мнѣ не нужно денегъ — дайте мнѣ окно на boulevard des Italiens — кипятился пожилой господинъ, съ которымъ добровольцы по его собственному признанію «играли въ Одессѣ туда и сюда»: «туда» — хотѣли повѣсить за злостную спекуляцію съ сахаромъ, «сюда» — выпустили за-границу послѣ взноса одного милліона николаевскихъ безъ дыро-

Digitized by Google

чекъ... Окно ему въ концѣ концовъ дали, правда не на boulevard des Italiens, но все же на приличную улицу близъ Биржи. На окнѣ онъ разложилъ образцы валюты всѣхъ странъ и принялся торговать фунтами, марками, долларами, а больше всего акціями русскихъ національзованныхъ предпріятій. Начались неудачи долгожданнаго окна съ жалобы, поданной министру финансовъ за продажу валюты по несуществующему курсу — въ ущербъ франку, въ профитъ маркѣ. Когда же насталъ срокъ платить налоги, окно стыдливо закрылось ставнями, его владѣлецъ поступилъ въ распоряженіе знаменитаго слѣдователя Жусселэнъ, который и при всей своей опытности долго не могъ уяснить сокровеннаго смысла игры «туда и сюда»... И остальныя русскія окна закрывались навсегда, одно за другимъ по мѣрѣ того, какъ выяснялось, что въ Парижѣ биржевой курсъ общеизвѣстенъ, а отъ конторы до тюрьмы, вообще говоря, не больше нѣсколькихъ шаговъ въ области интересныхъ комбинацій, безъ которыхъ жизнь теряетъ всякую остроту.

Обиліе книгоиздательствъ порождалось обиліемъ мемуаровъ. Сахарозаводчики и генералы, спекулянты и профессора шведскаго массажа, доценты, за время скитанія по атаманамъ произведенные въ профессора, и

Digitized by Google

благородные старики, истерическія барышни и утомленные инженеры — изъ тридцати тысячъ бѣженцевъ не нашлось и одной сотни людей, въ корнѣ чуждыхъ идеѣ написанія мемуаровъ. Одинъ молодой человѣкъ предлагалъ не лишенный остроумія планъ: собрать тридцать человѣкъ самыхъ разнообразныхъ профессій — по одному человѣку съ тысячи — и заставить, ничего не утаивая, описать способы ихъ уклоненія отъ воинской повинности отъ 1914 до нашихъ дней. Что касается иниціатора, онъ усталъ бороться съ воинскими начальниками еще при царѣ, и черезъ Владивостокъ бѣжалъ въ Японію. «Я, какъ первый русскій дезертиръ, могу написать предисловіе и снабдить книгу примѣчаньями»...

Къ сожалѣнію идея молодого человѣка почему-то не встрѣтила сочувствія и тридцать тысячъ авторовъ продолжали свои скрупулезныя записи. Извѣстный процентъ, наиболѣе страдающихъ жаждой общенія съ міромъ въ письменной формѣ, не удержался, наскребъ малую толику и открылъ книгоиздательство. Изъ приличія первой книгой издавались не мемуары издателя, а сборниковъ разсказовъ голодающаго писателя. Ко времени возможнаго выхода второй книги, падающая марка пребольно хлопала по издательскому черепу

Digitized by Google

и фанатикъ мемуаровъ, стремглавъ, убѣгалъ въ Берлинъ. Въ маленькомъ городѣ издательства возникали и исчезали, какъ огни Ивановой ночи... Къ концу перваго же года эмиграціи эту дѣтскую болѣзнь научились излечивать въ Парижѣ и зараза перенеслась въ Берлинъ. Говорятъ, что тамъ число жертвъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Уроки предыдущаго этапа снова не пошли впрокъ.

8.

На всю парижскую колонію есть одна тысяча франковъ, которую по очереди одалживаютъ другъ другу тридцать тысячъ бѣженцевъ. Если у кого-либо одного оказывается твердый характеръ и онъ эту бѣгушую тысячу задерживаетъ, вся колонія начинаетъ голодать... Ну хорошо, а откуда-же основная тысяча берется? Очень просто ее нефтяники выдаютъ: продали свои пріиски англичанамъ, понемногу высасываютъ деньги и, какъ ни стараются, не могутъ устоять подъ натискомъ знакомыхъ, родственниковъ, знаменитостей, бывшихъ милліонеровъ. Раза два въ недѣлю приходится открыть кассу и выдать...

Берется тысяча франковъ подъ самыми разнообразными предлогами. На открытіе вѣрнаго дѣла; на устройство концерта; для

Digitized by Google

поддержанія идейной борьбы съ большевизмомъ; наконецъ просто обернуться до завтра... Радуга предлоговъ необыкновенно богата оттѣнками, но подходитъ день, когда и она начинаетъ меркнуть. Наступаетъ психологическій моментъ, когда владѣлецъ скаковыхъ конюшенъ въ Longchamps рѣшается уклониться отъ пріобрѣтенія билета на концертъ — «я самъ бѣженецъ», когда директоръ большого банка приказываетъ всѣхъ гнать въ шею: «сами нуждаемся», когда въ кассахъ общественныхъ учрежденій, газетъ, союзовъ взаимопомощи и т. д. не остается ни одного су... Потому что содержатели общественныхъ учрежденій, благодѣтели идейной борьбы, меценаты отечественнаго искусства — являются тѣми-же таинственными лицами, которыя пускаютъ въ оборотъ одну тысячу франковъ. Какъ-то минувшей весной на засѣданіи русскаго (не настоящаго, а тщеславно-нищаго) общества лиги націй одинъ изъ присутствующихъ упрекнулъ предсѣдателя Авксентьева въ малочисленности собраній, въ келейномъ принятіи рѣшеній.

Авксентьевъ только руками развелъ: о какой-же многочисленности можетъ быть рѣчь, когда двадцать присутствующихъ человѣкъ носятъ въ себѣ всѣ рѣшительно русскія учрежденія Парижа... «Если мы остаемся

Digitized by Google

сидѣть въ томъ порядкѣ, какъ сейчасъ, мы имѣемъ на лицо русскую Лигу Націй; если имярекъ пересядетъ на мѣсто секретаря, а имярекъ на мѣсто товарища предсѣдателя — предъ нами исполнительная комиссія членовъ учредительнаго собранія; пустяшная перестановка слѣва направо — земгоръ готовъ; для полученія редакціи одной изъ газетъ стоитъ провести отрѣзокъ отъ стула крайняго до стола сбоку; тутъ же «Современныя Записки», тутъ-же бюллетень для бѣднѣйшихъ французовъ («pour la Russie»), тутъ-же бывшая политическая делегація и нынѣшній общественный комитетъ, тутъ-же бюро защиты правъ русскихъ бѣженцевъ и ядро всяческихъ съѣздовъ...»

Отъѣздъ или выбытіе изъ строя хотя-бы десяти человѣкъ породили бы смерть Парижа — какъ центра русской эмиграціи... Гдѣ же тутъ порицать келейность. Скоро доживемъ до олигархіи двухъ-трехъ, а потомъ и до единовластія. Впрочемъ страхи совершенно безосновательны и внѣ связи съ количествомъ присутствующихъ избранниковъ русскаго народа: денегъ больше нѣтъ ни у правыхъ, ни у лѣвыхъ, ни у безпартійныхъ учрежденій... Подъ мостомъ помирятся всѣ. Англичане не платятъ за русскую нефть, значитъ русская нефть перестаетъ платить за русскія идеи.

Digitized by Google

Перестаютъ платить за русскую идею, значитъ русская идея рвется къ инымъ истокамъ. Появляется «прекрасное дитя», неизвѣстно откуда прибывшее, неизвѣстно чьи деньги раздающее, окружающее себя тихими параноиками. Безумный адвокатъ Бобрищевъ, безумный доцентъ Ключниковъ, безумный оберъ-прокуроръ Львовъ... Все вмѣстѣ именуется «Смѣной Вѣхъ», нанимаетъ служащихъ, пріобрѣтаетъ машинку, произноситъ магическую фразу: пройдите въ кассу. Усталые, затрепанные, развѣрившіеся, озлобленные, съ энтузіазмомъ становятся сотрудниками новой кассы. Что имъ до ея происхожденія?... Если не конфузится англійскій сэръ и великобританскій министръ, нѣтъ мѣста сомнѣніямъ въ душѣ, человѣка изъ подъ моста, бывшаго создателя русскихъ культурныхъ цѣнностей...

Въ маленькомъ городѣ появляется новый типъ — большевизанствующій интеллигентъ. Если онъ — прозелитъ, онъ слегка конфузится, переводитъ разговоръ все больше на Россію, на жажду мести, на оскорбленное чувство великодержавности. Если онъ не прозелитъ, а посланецъ — онъ наглъ, величественъ, называетъ всѣ вещи своими именами, не стѣсняется получать деньги и отъ Красина изъ Лондона и изъ бѣлыхъ учрежденій Парижа. Подобно тому, какъ во времена добровольческой

Digitized by Google

цевъ, правомъ свободнаго вывоза за-границу и легкаго полученія всевозможныхъ бумагъ пользовались лишь зарегистрированные большевики, въ маленькомъ городѣ всѣ преимущества при дѣлежѣ антибольшевистскихъ «бѣлыхъ остатковъ», выпадаютъ на долю московскихъ посланцевъ. Редакторы «Смѣны Вѣхъ» читаютъ русскую литературу и русскую исторію въ лицеяхъ, гдѣ обучаются, дѣти эмигрантовъ. Деньги за ихъ науку выплачиваются изъ фонда, предназначеннаго для этой цѣли французскимъ правительствомъ. Такимъ образомъ и безъ возобновленія сношеній съ Совѣтской Россіей, ея агенты получаютъ возможность существовать за средства антанты...

Въ Одессѣ, въ первые дни по приходѣ добровольцевъ, электрическая станція работала крайне слабо и бѣлыя газеты выходили съ большимъ запозданіемъ вслѣдствіе перерыва въ подачѣ тока. Два осважныхъ журналиста идутъ сентябрьской ночью по неосвѣщеннымъ улицамъ, проклинаютъ свою судьбу, потемки, невозможность работать, и вдругъ на боковой улицѣ замѣчаютъ ярко освѣщенный домъ, откуда доносится веселый гулъ типографскихъ машинъ... Въ чемъ дѣло? Что такое? Типографія штаба? Нѣтъ, оттуда звонили, что тока нѣтъ. Какая-нибудь спеціальная во-

Digitized by Google

енная, быть можетъ печатаетъ матеріалы, необходимые для мобилизаціи? Нѣтъ и нѣтъ. Такъ въ чемъ же дѣло? Разгадка простая — черезъ недѣлю выясняется, что въ уютномъ освѣщенномъ домѣ печаталась подпольная листовка большевиковъ...

Нечего и говорить, что въ единственной русской гимназіи маленькаго города — Пасси — русскую литературу и исторію долженъ читать большевистскій доцентъ, совершенно не скрывающій ни своихъ связей, ни своихъ намѣреній, ни своихъ взглядовъ. Ну, чѣмъ не «Одесса безпечальная страна оригинальная»?..

Маленькій городъ — Пасси — спитъ и грезитъ прошлыми днями. Большой городъ — Парижъ — знать не хочетъ о нашихъ горестяхъ и живетъ своей обычной жизнью!

9.

...Второго іюня этотъ странный большеглазый человѣкъ стоялъ на Смоленскомъ рынкѣ и уговаривалъ волосатаго, какъ шимпанзэ, тульскаго мужиченку, что коричневые штиблеты на шелковыхъ шнуркахъ стоятъ никакъ не меньше, чѣмъ десять фунтовъ хлѣба изъ непросѣянныхъ жмыхъ.

Мужиченка яростно сплевывалъ на штиблеты махорочную густую слюну и угрожа-

Digitized by Google

ющe прятaлъ каравай въ засморканный платокъ...

Двадцать шестого іюня, черезъ три часа послѣ розыгрыша, Grand prix de Paris, покупатель тульскаго хлѣба сидѣлъ на Монмартрѣ, въ кафэ-Рояль.

Надрывались жозбанды, веселыя голыя женщины перешвырывались цвѣтными шариками, пьяный, какъ дымъ, длиннорукій англійскій морякъ отплясывалъ въ одиночку ту-степъ, а онъ, жадный, съ блестящими глазами, окруженный пивомъ, любовью, дымомъ египетскихъ папиросъ, требовалъ еще и еще ликеровъ, еще и еще земляники... Два часа назадъ на террасѣ Арменонвилля онъ сожралъ обѣдъ не то изъ семи, не то изъ десяти блюдъ, а уже передъ самымъ Монмартромъ, въ розовыхъ весеннихъ сумеркахъ, растерянно вертѣлся въ гастрономіи Апенродта на boulevard des Italiens и однимъ духомъ закупилъ два кило ветчины, два кило колбасы, салями и громаднѣйшій кексъ съ шафраномъ изюмомъ, миндалемъ.

«Зачѣмъ вы столько, будемъ же еще ужинать»?

Онъ лукаво подмигнулъ: «ужинъ ужиномъ, а запасъ на черный день не повредитъ»...

Теперь въ неугомонномъ «Роялѣ» онъ ласково и подробно разспрашивалъ подходящихъ

Digitized by Google

женщинъ, каждый ли день онѣ обѣдаютъ и долго ли приходится въ ихъ районѣ дежурить въ хлѣбныхъ хвостахъ? Женщины удивлялись, на всякій случай жаловались, получали синюю бумажку и растроганно обнимали этого милаго русскаго... Дирижеръ поспѣшилъ сыграть въ его честь «Тройку» и также получилъ свою мзду...

Чувствовалось, что человѣкъ не вѣритъ въ реальность окружающей среды. Такъ-то оно такъ, и штаны у меня теперь хорошія, и сытно до отказа, и ажанъ стоитъ на углу, и трамваи звенятъ и все прочее. Нехорошо только, что слишкомъ много электричества *отпустили*... Полагать надо, что ночью нагрянутъ съ облавой... Лучше языкъ попридержать и ничего никому не разсказывать...

Въ этотъ вечеръ такъ и не удалось выжать изъ него ни одного слова. Спрашиваемъ его о Москвѣ, объ общихъ знакомыхъ, о цѣнахъ, о томъ, кто уже умеръ и кто еще тянетъ, а онъ помалкиваетъ и пытается отдѣлаться описаніемъ обѣда Маяковскаго.

«Представляете, курица побольше той, что мы въ давешнемъ магазинѣ видѣли. Маяковскій какъ захватитъ ее въ обѣ лапы, да какъ начнетъ трескать... Смотрѣть невозможно — отъ волненія дыханіе спираетъ»...

Digitized by Google

«А остальные тоже вродѣ Маяковскаго или иначе»?..

Человѣкъ изъ Москвы мгновенно умолкаетъ, хитро подмигнувъ: знаю, молъ, знаю, съ Петерсомъ небось работаете, у коминтерна въ парижскомъ отдѣленіи состоите!..

На третьи сутки человѣкъ изъ Москвы не выдержалъ характера — Парижъ взялъ свое, ледъ оттаялъ и языкъ развязался. Если нужно собрать все, что онъ сказалъ, передалъ, выплакалъ, въ одно слово — апатія... Или какъ писалъ Мережковскій въ «Больной Россіи»: головка виснетъ...

«Знаете, какъ я въ Москвѣ жилъ? Пришли бы ко мнѣ и сказали — протяни руку къ другому краю стола и дѣло въ шляпѣ, жизнь устроена!, я бы ни за-что не протянулъ. Потому что не вѣрилъ въ спасеніе, потому что ненавидѣлъ и ваше спасеніе и... своего бога... Разсказали бы мнѣ о парижскомъ гранъ-при? Плюнулъ бы въ глаза, какой ужъ тутъ гранъ-при, когда на завтра назначенъ міровой пожаръ!.. Сижу бывало у себя въ комнатѣ, въ совнархозѣ проклятущемъ. Прибѣгаетъ дежурный холуй изъ компартіи, суетъ ордеръ и лебезитъ — товарищъ и все пр., короче говоря, чтобъ я ему ордера не задерживалъ: не то онъ товаръ получилъ, но то куда ѣхать хочетъ... Къ черту! Перемигнулся съ

Digitized by Google

пріятелемъ-адвокатомъ: не выдавай Константинъ... И пойдетъ этотъ ордеръ въ путешествіе, вылежится подъ сукномъ до желтизны. Холуй и туда и сюда. Видитъ дѣло плохо, опять къ намъ. Я ему и брякни: вы вотъ товарищъ сытый ходите, а нѣтъ того, чтобы представителямъ трудящагося народа курицу или утку приволочить... Что-жъ это, говоритъ холуй, взятки хотите борзыми щенками брать? Да ужъ не вашими пятаковскими, вы чѣмъ въ судьи рядиться, поторопитесь съ куренкомъ... Холуй побагровѣлъ, заметался, а къ вечеру притащилъ таки курицу, худющую легче пуха, но на супъ годится... А вы говорите — Маяковскій... Нѣтъ и мы иной разъ не зѣваемъ. Вотъ у Константина, моего пріятеля, дочь на содержаніе къ буденовцу пошла — у насъ ихъ теперь кентаврами зовутъ, такъ послѣ усмиренія Антоновцевъ у Константина почитай мѣсяцъ со стола масло и сахаръ не сходили... Почему бѣжалъ? За душу страшно стало. Подкатилъ такой комъ, такъ горло перехватило, ни говорить, ни плакать. Слезы въ глазахъ и чувствую, что ещэ недѣля, двѣ, какого — нибудь холуя обязательно удушу, а тогда разговоръ короткій... Да и уѣхалъ я чистѣйшимъ экспромптомъ. Послали въ Петербургъ, въ командировку. За день у всѣхъ сволочей перебывалъ, къ вечеру

Digitized by Google

двинулъ по старой памяти, но понятно пѣшедраломъ на Стрѣлку... Ну, а тамъ сами чувствуете, что за картина. Финскій заливъ, бѣлая ночь и все подобное. Возврата нѣтъ. Утону, погибну, но переберусь на ту сторону. Въ общемъ счастливо обошлось. Патруль намъ вслѣдъ разокъ пальнулъ, но и то для проформы больше... Перваго фина увидалъ, бросился на него и цѣловать хотѣлъ, тотъ ажъ шарахнулся... ну тогда я у него молока купилъ и о дорогѣ справился»...

...Все есть на Монмартрѣ. Женщины на любой вкусъ и выборъ, веселыя кафе съ кабинетами, кабаки съ поэтами семидесятилѣтняго возраста, карусели, ходящія паромъ и электричествомъ, музеи, гдѣ демонстрируютъ послѣдствія сифилиса, свѣтящіеся отели, гдѣ сифились получаютъ... Всюду побывалъ человѣкъ изъ Москвы. Посмотрѣлъ, понюхалъ, подумалъ и спросилъ, робко — «а гдѣ-жъ l'Humanité»... Провели его и въ «l'Humanité».. Тамъ ротаціонныя машины заставляли ходоромъ ходить потолокъ, стекла, скамьи, лѣстницы. Жирные свѣжіе листы вылетали прямо на руки звонкоголосымъ мальчишкамъ и, когда солнце вылѣзло на Монмартрскую гору, весь Парижъ уже зналъ, что Марсель Кашэнъ еще разъ пожалѣлъ несчастную погрязшую въ буржуазность Францію, которая никакъ

Digitized by Google

не можетъ завести у себя république des soviets»...

Человѣкъ изъ Москвы прочелъ и вздохнулъ... «Вы чего»? «Да, завидно какъ-то, легко стервецъ деньгу зашибаетъ»...

10.

Въ подвалѣ отеля «Мажестикъ» четыре недѣли подрядъ нѣсколько сотъ бывшихъ людей спорили на тысячу разнообразнѣйшихъ темъ. Выдавать концессіи или не выдавать? Признать отдѣленіе лимитрофовъ или отстаивать принципъ федераціи? Предрѣшать форму правленія или не предрѣшать? Какъ быть съ арміей? Надо помочь, а денегъ нѣтъ, пока что отправили привѣтственную телеграмму и много разъ вставали при упоминаніи слова «армія»...

Были моменты трогательные .Старый московскій баринъ князь Долгорукій въ поношенномъ бумажномъ костюмѣ, въ дырявыхъ ботинкахъ взошелъ на кафедру съ привѣтомъ Франціи, съ благодарностью за прошлое, съ вѣрой въ будущее. О настоящемъ усталый человѣкъ вѣжливо промолчалъ: въ Галлиполи все сокращался и сокращался тотъ жалкій паекъ который заработали тульскіе мужики, спящіе въ долинахъ Сольдау, на поляхъ Галиціи, на дорогахъ исчезнувшей Шампани...

Digitized by Google

Были моменты смѣшные и жалкіе: куцый доцентикъ Ольденбургъ въ продолженіе многихъ часовъ мямлилъ какую-то вялую канитель о монархическихъ чувствахъ русскаго народа, о грядущей реакціи, о суровомъ режимѣ реставраціи... Прошелъ мѣсяцъ и блѣднолицый бѣженецъ перекочевалъ въ Берлинъ на роли пророка изъ ренегатовъ при берлинской монархической листовкѣ. Человѣкъ попалъ наконецъ на свою полочку...

Были моменты жуткіе, когда набившіе залъ бывшіе контръ-развѣдчики, шпики, налетчики на покоѣ, не имѣвшіе отношенія ни къ съѣзду ни къ будущей Россіи, завывали при упоминаніи еврейскаго вопроса и поминутно устраивали ненужныя опереточныя демонстраціи по адресу генераловъ и бывшихъ вождей. Странно было видѣть эту саранчу въ подвалѣ парижскаго «Мажестика»: обычно она таится въ щеляхъ провинціальныхъ южнорусскихъ городовъ и появляется на главныхъ улицахъ, при дневномъ свѣтѣ, лишь въ дни переворотовъ, погромовъ, крупныхъ пожаровъ...

Отъ Мажестикскихъ четырехъ недѣль осталось ощущеніе зрѣющей неизлечимой мозговой опухоли, подавляющей разумъ, затуманивающей зрѣніе, превращающей жизнь въ цѣпь припадковъ. Прочли доклады, проголо-

Digitized by Google

совали резолюціи, промышленники на прощанье пообѣдали въ Булонскомъ лѣсу, національный съѣздъ на прощанье далъ двухъ часовую рѣчь Карташова — и снова потянулось Пассійское житье-бытье.

Въ Парижѣ ничто не измѣнилось. Въ «Мажестикѣ», въ громадномъ холлѣ, заложивъ нога за ногу, валялись въ креслахъ американцы, англичане, голландцы. Блестѣли пломбами, попивали чай, бесѣдовали о стали, нефти, лѣсѣ и даже не удивлялись страннымъ плохо одѣтымъ людямъ, шмыгавшимъ чрезъ холль въ подвалъ...

Самому городу было не до съѣзда. Близился день крупнѣйшаго мірового событія. На старое іюля, въ Джерсей-Сити была назначена встрѣча Жоржа Карпантье-чемпіона Европы, гордости Франціи, и Джэка Демпси, чемпіона міра, лучшей надежды Америки...

Не было за послѣдніе пять лѣтъ ни среди военныхъ, ни среди артистовъ, ни среди профессіональныхъ красавицъ человѣка, сумѣвшаго до такой степени завоевать любовь непостояннаго Парижа. Жоржъ Карпантье! Подростки зачесывали волосы назадъ — потому что Карпантье никогда не носилъ пробора... Родители благосклонно смотрѣли, какъ малыши колотили другъ друга, обучаясь боксу: чѣмъ чортъ не шутитъ и мой будетъ загребать

Digitized by Google

доллары!... Находчивый боксеръ открылъ фабрику аллюминіевой посуды — и всѣ хозяйки перешли на новый кухонный сервизъ: надо поддержать Жоржа...

Франція выигрывала войны, снискивала преклоненіе человѣчества на поприщахъ науки, искусства, техники, кухни; но у Франціи не было до сихъ поръ достойнаго представителя для оспариванья первенства міра въ области спорта: французскія лошади проигрывали на всѣхъ международныхъ состязаніяхъ французскіе футболисты едва поспѣвали за голландцами, не говоря уже объ англо-саксахъ французскіе бѣгуны проигрывали шведамъ, циклисты бельгійцамъ, автомобилисты американцамъ...

И наконецъ-то, послѣ столькихъ уколовъ самолюбія, непобѣдимый Жоржъ Карпантье, въ семьдесятъ семь секундъ справившійся съ сильнѣйшимъ англичаниномъ Беккетомъ... Карпантье долженъ побѣдить Демпси, Карпантье долженъ прославить Францію... Верховный комиссаръ пропаганды въ предвидѣньи тріумфа компатріота составилъ спеціальную комиссію агитаторовъ, которая въ международномъ масштабѣ использовала бы плоды побѣды Карпантье.

Контрактъ о матчѣ былъ подписанъ еще въ ноябрѣ 1920 года, и за семь мѣсяцевъ не

Digitized by Google

прошло дня, чтобы не появилось въ парижскихъ газетахъ замѣтки или статьи, посвященной матчу... Исходъ матча пріобрѣлъ грандіозное, чуть ли не политическое значеніе. «Вопросъ о германскихъ платежахъ отступаетъ на второй планъ предъ исходомъ матча въ Джерсей-Сити» — печально отмѣтилъ передовикъ офиціозной газеты...

Морализировать не приходилось: французская публика, великолѣпная, единственная нервная, какъ кровная арабская лошадь, начиная съ весны, не хотѣла интересоваться ничѣмъ кромѣ іюльскаго матча. Интервью, исчисленія возможныхъ доходовъ, подробнѣйшіи біографіи обоихъ чемпіоновъ, длиннѣйшія воспоминанія Карпантье, діагнозы всѣхъ міровыхъ спеціалистовъ, мемуары бывшихъ соперниковъ Карпантье и Демпси, и портреты... Милліонъ портретовъ. Карпантье и Демпси съ колыбели до послѣдняго получаса, видъ дома, гдѣ родился Карпантье, отецъ Демпси за работой въ огородѣ, трактиръ, построенный на мѣстѣ цирка, гдѣ впервые боксировалъ Карпантье, братья, жены, дѣти, любовницы, импрессаріо и т. д. и т. д.

Завязалась ожесточенная полемика межъ газетами двухъ континентовъ. Міровыя симпатіи раздѣлились, появились острыя нетер-

Digitized by Google

пимыя слова, припоминались вѣковыя взаимныя обиды.

Можетъ ли джентьмэнъ — изящный выощенный блондинъ, похожій на молодого адвоката — стать чемпіономъ міра тяжелаго вѣса»? На этотъ роковый для Жоржа Карпантье и «чести» Франціи вопросъ широкія массы Новаго Свѣта и Соединеннаго Королевства отвѣтили единодушнымъ нѣтъ: противъ одного доллара за Карпантье предложили пять долларовъ за Демиси...

И для окончательнаго склоненія читательскихъ симпатій ихъ вниманію была предложена вся семья Демрси, снятая группой: юный верзила съ обвѣтреннымъ лицомъ ковбоя, съ раздутымъ кузнечнымъ мѣхомъ вмѣсто груди и громадными растопыренными ушами, положилъ обѣ лапы, внушающія полную растерянность, на плечи своихъ нѣсколько сконфуженныхъ родителей. Мать — худенькая блѣдная женщина — смущенно улыбается, отецъ — остроносый энергичный старикъ — старается сохранять бодрый видъ, но обоимъ нѣсколько не по себѣ подъ тяжестью молотовъ возлюбленнаго Джека...

Сдѣланно все, что можно придумать для эксплуатаціи, сенсаціи, экзальтаціи, нарушеніе душевнаго равновѣсія ста десяти милліоновъ американскихъ гражданъ.

Digitized by Google

Шесть недѣль подрядъ нѣсколько сотенъ плотничныхъ артелей сооружали арену на 90,000 зрителей; одинъ строительный матеріалъ обошелся въ 300.000 долларовъ...

Изъ заднихъ рядовъ едва виденъ рингъ; оба боксера кажутся точками — и публику заднихъ рядовъ освѣдомляетъ особый гигантскій рупоръ; но и его звуки не способны долетѣть до райка, ихъ перехватываютъ спеціальные телефонисты и передаютъ дальше по сложной системѣ телефоновъ, связанныхъ съ рупорами...

Входная плата (билетъ отъ пятидесяти до пяти долларовъ) даетъ устроителю матча Тому Риккарду три милліона долларовъ, а кампаніямъ барышниковъ, скупившихъ всѣ билеты, свыше пяти милліоновъ... Контроль безчисленныхъ входныхъ аллей обслуживается циклистами, конными людьми и парящими на небольшой высотѣ аэропланами. Трудность контроля не въ провѣркѣ билетовъ, что является дѣломъ сравнительно легкимъ, а въ недопущеніи пронесенія синематографическихъ аппаратовъ. Право съемки продано консорціуму, внесшему Тому Риккарду скромный чекъ въ пятьсотъ тысячъ долларовъ... У входной рѣшетки производится обыскъ спеціалистами таможеннаго дѣла: ощупываютъ карманы, вспарываютъ подкладку, роются

Digitized by Google

въ корзинкахъ съ провизіей! И все-же такъ велика заатлантическая изобрѣтательность, что дружная кампанія молодыхъ ловкачей проноситъ небольшой синематографическій аппаратъ въ разобранномъ видѣ: винтики и отдѣльныя части прячутся по портсигарамъ, во рту, въ башмакахъ и т. д. Черезъ недѣлю послѣ матча, когда офиціальная фильма монополистовъ еще не успѣваетъ дойти до Европы, въ Лондонѣ къ владѣльцамъ синема уже являются молодые люди съ предложеніемъ своей офиціозной фильмы по сравнительно дешевой цѣнѣ. Начинаются судебные процессы, пока что посмѣивается лишь невозмутимый Томъ Риккардъ... Во всей тринадцатиминутной эпопеѣ Джерсей-Сити Риккардъ — единственный остроумный человѣкъ. Карпантье и Демпси наносятъ другъ другу бѣшеные удары, девяносто тысячъ мужчинъ и женщинъ неистовствуютъ, волнуются, рычатъ, страдаютъ отъ тропической жары, болѣютъ душой за своихъ фаворитовъ, а бритый флегматическій мужчина надвинулъ на глаза легкую шелковую кепку, дымитъ гаваной, благосклонно принимаетъ адресованныя ему овацiи и подсчитываетъ доходы: послѣ всѣхъ налоговъ, послѣ всѣхъ расходовъ на его долю осталось около пятнадцати милліоновъ франковъ и исключительная популярность самаго

Digitized by Google

геніальнаго въ мірѣ promotor'а... каждый человѣкъ долженъ имѣть свой кусочекъ хлѣба съ масломъ.

На второмъ мѣстѣ по остроумію — Карпантье и Демпси. Они рискуютъ цѣлостью физіономій, но гонораръ внѣ зависимости отъ того или другого исхода... За минуту до начала матча передъ 90.000 свидѣтелей Риккардъ вручаетъ обоимъ по чеку: Карпантье 200.000 долларовъ, Демпси — 300.000 долларовъ...

За кулисами матча происходитъ бѣшеная гонка податныхъ инспекторовъ, пуританскихъ пасторовъ, букмэкеровъ. Губернаторъ штата, окруженный всѣми свѣтилами фиска, выискиваетъ статьи закона, по которымъ можно было бы наложить руку на большую часть долларовъ... Карпантье — иностранецъ, значитъ онъ увезетъ изъ Америки ея доллары? Отлично, въ такомъ случаѣ пусть Карпантье платитъ 60% налога... Да, но, если дѣло принимаетъ подобный оборотъ, Карпантье предпочитаетъ или отказаться отъ матча или остаться навсегда въ Америкѣ... Безконечные переговоры, Америка нервничаетъ: неужели эпопея не состоится?

Томъ Риккардъ одѣваетъ свою кепку и ѣдетъ уговаривать губернатора. Лучшіе юристы Нью-Іорка, знатоки финансоваго пра-

Digitized by Google

ва вызваны для экспертизы. Новыя интервью, новыя анкеты, новыя экстренныя приложенія..

Кое-какъ улажено дѣло съ фискомъ, наступаетъ очередь американской церкви. Неизвѣстный, но сумасшедшій пасторъ, до мозга костей прогнившій отъ воздержанія и ханженства, собираетъ толпу маніаковъ и предпринимаетъ крестный походъ противъ матча, «противнаго духу ученія церкви»... Назначаются митинги, на которыхъ пасторъ зашибаетъ цитатами, потрясаетъ мощью голоса, аргументируетъ кулаками и зонтикомъ... Кое-кто изъ благочестиыхъ сенаторовъ готовъ присоединиться къ пастору: въ воздухѣ пахнетъ грозой. Проклиная церковь, небо, пасторовъ всего міра и всѣхъ религій, Риккардъ выписываетъ чекъ на неизвѣстную сумму долларовъ: крестовый походъ въ мгновеніе ока заканчивается...

Тѣмъ временемъ не зѣваютъ и букмэкеры. Ловкой подтасовкой разнорѣчивыхъ фактовъ объ ухудшеніяхъ и улучшеніяхъ въ состояніи больного глаза Демпси, они въ теченіе одного часа измѣняютъ соотвѣтствія ставокъ.

«Мать Джека проплакала всю ночь, она опасается истеченія глаза»! Противъ доллара за Карпантье всего четыре (вмѣсто пяти) долларовъ за Демпси.

«Билль Беневэй, сегодня утромъ трепиро-

Digitized by Google

вавшій Джэка, съ загадочнымъ лицомъ уклонился отъ всякихъ интервью»... Три противъ одного...

«Джекъ только что посѣтилъ друга своего отца — Чикагскаго нотаріуса. Смѣялся и игралъ съ натаріусомъ въ кегли»... Пять съ половиной противъ одного...

Доллары мечутся изъ кармана въ карманъ, состоянія букмэкеровъ неуклонно возрастаютъ.

Оспаривается рѣшительно все, въ мірѣ нѣтъ больше объективныхъ данныхъ: Демпси тяжелѣй Карпантье на 30 фунтовъ, выше на 11 сентиметровъ, моложе на одинъ годъ...

Ничего подобнаго: «пасторъ, крестившій Демпси, въ бесѣдѣ съ нашимъ спеціальнымъ корреспондентомъ заявилъ, что Демпси не 26 лѣтъ, а 23. Надбавка трехъ лѣтъ произведена во время войны въ цѣляхъ уклоненія»...

«У Жоржа подъ вліяніемъ наступившей жары полное отсутствіе аппетита, по ночамъ онъ потѣетъ. Потеря въ вѣсѣ за послѣдніе дни равна четыремъ фунтамъ. Джэкъ имѣетъ перевѣсъ въ 34 фунта»...

«Спеціальная діэта, разработанная матерью Джэка, даетъ ему каждый день до фунта лишняго не убывающаго вѣса»...

Задолго до восхода солнца толпы международныхъ корреспондентовъ (изъ Европы и Австраліи прибыло 600 спеціальныхъ) штурму-

Digitized by Google

ютъ уединенные террэны, на которыхъ Джэкъ и Жоржъ совершенствуютъ свою мѣткость, легкость, выносливость, проворность... Террэны загорожены колючей проволокой, калитка охраняется вооруженнымъ патрулемъ, но нѣтъ препонъ для умѣлаго репортера — и поминутно два дюжихъ полисмена выводятъ упирающагося и сіяющаго парня, сумѣвшаго прорваться и сквозь проволоку. Разъ въ день къ репортерамъ выходятъ Джекъ и Жоржъ и въ выраженіяхъ, превзошедшихъ въ туманности дальфійскаго оракула, выражаютъ наждый свою твердую увѣренность въ побѣдѣ...

Карпантье тренируется уединенно со своими ближайшими друзьями по аренѣ; межъ перелѣсковъ, видныхъ за проволокой, мелькаютъ его трехцвѣтныя трусики.

Демпси слишкомъ американецъ, чтобъ не извлечь доходовъ и изъ тренировки: за два доллара въ опредѣленные дни каждый любопытный получаетъ удовольствіе увидѣть еще одну разбитую физіономію. Карпантье бережетъ силы для матча и на тренировкѣ не наноситъ серьезныхъ ударовъ. У него увѣренность въ преимуществахъ психологическаго подхода къ противнику, къ вывѣдыванію его слабостей. До второго іюля Карпантье не хочетъ показать своихъ истинныхъ пріемовъ.

Digitized by Google

Демпси — убѣжденный противникъ примѣненія методовъ Станиславскаго въ матчахъ бокса: онъ знаетъ мощь кулака и плюетъ на все остальное...

«Когда я наносилъ ему удары — разсказывалъ Карпантье уже послѣ матча — мнѣ казалось, что я ударяю по желѣзу и у меня пропадала всякая охота повторять попытки свалить эту гору; когда онъ наносилъ удары, я чувствовалъ, что попалъ подъ катящійся глетчеръ»... Это откровенное признаніе побѣжденнаго французскаго чемпіона не помѣшало его партизанамъ доказать съ миллиметрической точностью, что проигралъ не Карпантье, а его недостаточно длинныя перчатки, что побѣдилъ не лѣвый кулакъ Джэка, а узость арены, на которой Жоржъ не могъ проявить цѣликомъ своей изумительной «игры ногами»...

Утро второго іюля выдалось такое жаркое, что къ полудню ни въ одномъ бистро не оставалось ни крошки льда и осоловѣвшіе обитатели маленькаго города глотали теплую вонючую бурду, именовавшуюся пивомъ. На Пассійской площади, въ знакомомъ кафэ, сидѣли знакомые спекулянты и разсказывали объ ихъ лондонскомъ пріятелѣ, изловчившемся получить у Красина пятьсотъ фунтовъ

Digitized by Google

за одно слово «fest»... На ноябрь, франко Штеттинъ...

А на большихъ бульварахъ, въ нервныхъ узлахъ раскаленнаго взволнованнаго города уже совершались великія приготовленія. Черезъ восемь часовъ въ «Джерсей-Сити» начнется матчъ Карпантье-Демпси, черезъ восемь часовъ въ Парижѣ начнется матчъ освѣдомленности. «Petit Journal», «Petit Parisien», «Matin» ставили на карту свои репутаціи «самой освѣдомленной въ мірѣ газеты»... Кто побѣдитъ въ жестокомъ спорѣ? Могучее радіо воѣмъ газетамъ одновременно сообщитъ результаты; но какъ увѣдомить Парижъ, изъ чьихъ устъ соотечественники Карпантье впервые услышатъ гигантскую новость?..

Въ утреннихъ изданіяхъ парижане были увѣдомлены:

1) На place Concorde, на крышѣ Hôtel Crillon стараніями издателей «Petit-Parisien» установленъ экранъ, который шагъ за шагомъ матча, черезъ одну минуту, потребную для полета волны радіо, будетъ освѣдомлять толпу о всѣхъ фазахъ поединка. Надъ городомъ отъ имени «Petit Parisien» взовьется гигантскій аэропланъ «Голіафъ», который черезъ 65 секундъ послѣ окончанія матча въ «Джерсей-Сити» (когда до публики райка еще не долетятъ звуки рупора...) пуститъ стаю ракетъ

Digitized by Google

соотвѣтственнаго цвѣта: бѣлый — побѣда Демпси, красный — побѣда Карпантье...

2) Издатели «Пти журналъ» зафрахтовали многочисленную эскадрилью легкихъ птицъ — «Ньюпортовъ»..., которыя распредѣлятъ межъ собой весь Парижъ, всюду сбросятъ летучки (они снабжены летучками на всѣ три возможныхъ случая: Карпантье, Демпси, ничья), и зажгутъ надъ пропеллеромъ условный огонь: бѣлый или красный...

3) Издатели «Матэнъ» избираютъ совершенно своеобразный путь. На крышѣ своего отеля (на бульварѣ Poissonnière) они устанавливаютъ гигантскія сирены, ревомъ которыхъ въ 1914-18 освѣдомлялся Парижъ о налетѣ нѣмецкихъ цепелиновъ и фокеровъ. Десятокъ сникеровъ въ рупоры особой конструкціи будутъ выкрикивать толпѣ донесенія радіо... А черезъ шестьдесятъ пять секундъ послѣ окончанія матча въ Джерсей-Сити заревутъ сирены и взорвутся оглушительныя бомбы. Одинъ гудокъ сирены продолжительностью въ десять секундъ и одна бомба означаютъ ничью, три гудка и три бомбы побѣду Демпси, двѣнадцать гудковъ и двѣнадцать бомбъ побѣду Карпантье...

...Пока водружаются экраны, сирены, рупоры, въ типографіяхъ вечернихъ газетъ происходятъ длительныя совѣщанія — какой при-

Digitized by Google

думать трюкъ, чтобы одновременно съ аэропланами и сиренами выбросить на рынокъ сотни тысячъ экстренныхъ прибавленій... Метранпажамъ, механикамъ у ротаціонныхъ, завѣдующимъ экспедиціями обѣщаны особыя преміи, отпуски, подарки, увеличеніе содержанія: только побейте рекордъ, поддержите репутацію!..

...Къ тремъ часамъ дня остаться спокойнымъ и не заразиться общей сумасшедшей горячкой смогъ бы только тотъ неисправимый бѣженецъ, для котораго Парижъ и Жмеринка значились въ графѣ одинаковыхъ этаповъ... Въ половинѣ четвертаго на лѣстницѣ громаднаго редакціоннаго дома на Rue Montmartre я видѣлъ одного изъ вождей французскаго коммунизма и заправилъ III Интернаціонала. Стараясь придать лицу выраженіе снисходительнаго презрѣнія къ буржуазнымъ затѣямъ, онъ разсматривалъ экстренное приложеніе спортивной газеты — и его острые заплывшіе глазки загорались гальскимъ лихорадочнымъ блескомъ: ни дружба съ Зиновьевымъ, ни чеки Абрамовича — Залевскаго не смогли въ немъ истребить изюминки парижанина — сына бульваровъ, сенсаціи, освѣщенной рампы. Кремль не выдержалъ натиска Монмартра...

Въ четыре часа дня въ редакцію ворвался А. И. Купринъ и сообщилъ шесть доводовъ

Digitized by Google

спортивной логики, по которымъ Джекъ Демпси долженъ побѣдить... Тепловатые русскіе умники, которые только что высмѣивали дурацкое мордобитіе, дрогнули, застѣнчиво переглянулись и украдкой заключили съ А. И. Купринымъ пари, каждый на двадцать франковъ. На rue Montmartre нельзя было не вѣрить въ успѣхъ Карпантье...

...Со времени 11 ноября 1918 года Парижъ не видѣлъ такой толпы, такого ожиданія. Сирена «Matin», возвѣстившая исходъ матча въ Джерсей-сити, и ноябрьская пушка, грянувшая въ знакъ заключеннаго перемирія — исторію Парижа нельзя писать, въ ней можно или участвовать или остаться чуждымъ невѣжой...

...Тихое таинство науки. Въ заревѣ іюльскаго солнца блѣдные огоньки на Эйфелевой башнѣ... Башня принимаетъ... Тамъ, за пять тысячъ милль идетъ бой... На place Concorde экранъ сообщаетъ результаты перваго раунда: «несмотря на чудеса ловкости и смѣлость Карпантье, Демпси распоряжается на аренѣ и наноситъ Жоржу тяжкіе удары»...

Толпа, наводнившая площадь, сразу замираетъ. Парижская толпа безмолвствуетъ!.. Нашъ автомобиль ползетъ въ узенькомъ коридорѣ среди двухъ человѣческихъ стѣнъ, выстроенныхъ отъ Concorde до редакціи «Ма-

Digitized by Google

тэнъ» во всю длину четырехъ бульваровъ... На Opera, изъ сообщеній экрана «Daily Mail» мы узнаемъ результаты второго раунда: «королевскій» номеръ Карпантье, его знаменитое «une, deux» не причинило никакого вреда Джэку и Жоржъ замѣтно слабѣетъ...

Мы проѣзжаемъ boulevard des Italiens, boulevard du Montmartre... Толпа по прежнему молчитъ... Уже въ началѣ бульвара Poissonière въ гробовую тишину врѣзаются звуки человѣческаго голоса, переданные гигантскимъ рупоромъ.

«Третій раундъ... Карпантье!.. Находится!.. Въ тяжеломъ состояніи!.. Повредилъ! Правую! Руку!.. Исходъ!.. Борьбы!.. Не оставляетъ!.. Никакихъ!.. Сомнѣній!..»

«Georges n'existe plus» — хриплымъ шопотомъ заключаетъ нашъ шоферъ. Люди, сдавившіе хвостъ автомобилей, тоже перешли на шопотъ...

«Четвертый!.. Раундъ!.. Начался!.. Тяжелый!.. Ударъ!.. Карпантье!.. Упалъ!.. На!.. Девятой!.. Секундѣ!.. Всталъ!.. Демпси!... Обоими!.. Кулаками!..» И въ ту-же секунду протяжный все заглушающій ревъ сирены... Одинъ, другой, третій... Хочется вѣрить въ чудо, быть можетъ зареветъ сирена въ четвертый разъ и тогда... Но нѣтъ, съ неистовымъ оскорбительнымъ трескомъ разрывается первая бом-

Digitized by Google

ба, вторая, третья... Карпантье побитъ. Сомнѣній нѣтъ!.. Снова что-то выкрикиваетъ рупоръ, но толпа уже загудѣла, засвистѣла, задвигалась. «Долой, долой»... Мы полземъ заднимъ ходомъ, мелькаютъ взволнованныя дрожжащія лица, какая-то дѣвушка падаетъ въ истерикѣ и ее вносятъ въ кафэ... Со стороны Монмартра, опрокидывая людей, бросаясь подъ автомобили, мчатся очумѣлые газетчики. «Daily Mail... Результаты матча... Демпси побѣдилъ»...

Двойной ударъ: въ Джерсей-Сити — Карпантье, въ Парижѣ — французскія газеты... Англійская газета въ чужомъ городѣ, въ случайной типографіи сумѣла побить рекордъ.. Черезъ двѣ съ половиной минуты послѣ окончанія матча въ Джерсей-Сити» — Карпантье еще отирали губками и смывали кровь съ лица — «Daily Mail» вышла съ портретомъ Демпси... «Auto» опоздало на пять минутъ, остальные на десять и пятнадцать...

Громадный «Голіафъ» жужжитъ своими мощными пропеллерами и пускаетъ надъ бульварами красные огни; въ дали надъ обелискомъ парятъ «Ньюпорты»... Горе, горе!! «Petit Parisien» и Petit Journal» попали впросакъ... Сирены «Matin» уже всѣхъ извѣстили... Болѣе того: на завтра утромъ «Matin» готовитъ самый крупный сюрпризъ — Карпантье каблируетъ

Digitized by Google

газетѣ описаніе своего собственнаго пораженія...

«Мнѣ нужно много подумать и поплакать въ объятьяхъ жены прежде, чѣмъ рѣшить вопросъ, смогу ли я поднять нить жизни, оборвавшуюся на аренѣ Джерсей-Сити... Демпси побѣдилъ меня, дѣйствуя корректно и безупречно, потому что побѣждаетъ лучшій. Я не оказался лучшимъ»...

Еще двѣнадцать дней суждено прожить Парижу до ночного праздника, но и въ ночь 2 іюля городъ не засыпаетъ до утра. Въ кафэ, на площадяхъ, на тротуарахъ, въ частныхъ квартирахъ обсуждаются подробности... Общій тонъ — минорный, сдержанный, въ голосахъ «ораторовъ» слезы...

Только у экрана «Daily Mail» кучка буяновъ забросала камнями портретъ Демпси — и англичанинъ-механикъ немедленно повернулъ ручку и показалъ Карпантье въ кругу его семьи...

...Маленькій городъ спитъ. Маленькому городу снится «реконструкція власти съ вхожденіемъ умѣренныхъ элементовъ»...

11.

Въ третій разъ послѣ побѣды Парижъ отпраздновалъ четырнадцатое іюля — день Свободы; въ третій разъ на ярмарочномъ бульварѣ

Digitized by Google

Клиши размалеванная карусель длинномордыхъ свиней, самовращающихся корытъ, безхвостыхъ лошадей носится подъ гордый припѣвъ »Маделонъ побѣды.»

Старая шарманка, привыкшая къ инымъ беззаботнымъ аріямъ наивныхъ довоенныхъ лѣтъ, задыхаясь, выплевываетъ на каждомъ шагу пѣснь торжествующей Франціи. И смазливыя любвеобильныя мидинетки, выше крыши подлетающія на электрическихъ качеляхъ, скороговоркой вторятъ шарманкѣ...

O, Madelon, remplie les verres,
Et chante avec les poilus,
Nous avons gagné la guerre
Hein! Crois-tu, qu'on les a eues?!..

Туту-же на бульварѣ позади балагана, наполненнаго сусальными пряниками, уличные шансоньеры, неунывающіе острословы, знатоки и любимцы Парижа, собираютъ толпу пискомъ дѣдовскихъ скрипокъ и лансируютъ, новую пѣсенку, которой суждено «повидимому занять мѣсто прошлогодняго «Mon homme»...

Billets doux, billets doux
Pauvres choses...

Трогательная пѣсенка, доходящая до чувствительнаго сердца мидинетокъ, бистро, кон-

Digitized by Google

дукторовъ, маленькихъ чиновниковъ... Пѣсенка о любовныхъ записочкахъ, назначающихъ и отмѣняющихъ rendez-vous, начинающихъ и убивающихъ любовь...

И рослый парень со слѣдами неотмывающейся кожи на изрытомъ оспой лицѣ, зажавъ въ своихъ объятьяхъ крошечную блондинку, голосомъ, осипшимъ отъ выпитыхъ боковъ, мужественно подхватываетъ: Plus ça change, plus ça reste la même prose...

Первый часъ ночи.

Въ большіе церковные праздники въ прежней Россіи къ этому часу на заплеванныхъ залузганныхъ мостовыхъ уже лежали живые трупы, развозимые по участкамъ; къ утру рѣдкіе одиночки метались отъ фонаря къ фонарю, мѣшая прославленіе Христа съ усложненной бранью.

Въ Россіи новой, революціонной, въ дни красныхъ обязательныхъ праздниковъ къ полуночи тявкалъ пулеметъ, китайскіе раъѣзды топотали по окраинамъ, а власть имущіе успокаивали кокаиномъ расходившіеся коммунистическіе нервы...

Въ городѣ помѣщиковъ, банкировъ и капиталистовъ, въ столицѣ «буржуазной прогнившей республики» праздникъ четырнадцатаго іюля трое сутокъ подрядъ продолжается до восхода солнца... И въ третьемъ часу

Digitized by Google

ночи гигантская площадь предъ Hôtel-de-Ville окружена кольцомъ безконечныхъ деревянныхъ столовъ... На столахъ пиво, вино, коньякъ... Посредине кольца нѣсколько оркестровъ музыки и пляшущія пары... Отходящая отъ площади Avenue Victoria покрыта сплошнымъ навѣсомъ цвѣтныхъ, извнутри освѣщенныхъ гирляндъ. Въ листвѣ деревьевъ расбросаны небольшіе фонарики, мостовая перевита серпантиномъ. Avenue Victoria представляется улицей — декораціей изъ оперы Бизэ... Кстати и оркестры, не переставая, играютъ какіе-то испанскіе странные танцы: маленькіе чиновники муниципалитета уносясь въ глубь гирляндъ, чувствуютъ себя отважными гидальго, похитившими Прекрасныхъ Дульциней — муниципальныхъ дактило...

...На углу бульвара Распайль и бульвара Монпарнассъ, у, излюбленной поколѣньями богемы, «Ротонды», широчайшая мостовая заставлена столиками, стульями, пюпитрами. Движеніе пріостановлено. Такси и трамваи въ этотъ вечеръ принуждены слѣдовать по обходной дорогѣ...

Одновременно двѣ разныя вещи исполняются двумя сосѣдними оркестрами: важный старичокъ, подпертый высоченнымъ воротникомъ, исполняетъ со своими однолѣтками бравурный торжественный вальсъ... Кучеря-

Digitized by Google

вый юркій южанинъ, томный отъ жары, страсти и трехдневнаго бала, извиваясь, дирижируетъ «Танго смерти»... Вальсъ и танго вмѣстѣ образуютъ небывалый мотивъ, развязывающій ноги, подымающій съ мѣста, принуждающій плясать и кричать...

Танецъ трехъ поколѣній... Сѣдѣющія матроны, владѣлицы табачныхъ лавочекъ вспомнили годы, когда онѣ были проворными мидинетками, пришли въ Ротонду и грузно, сбиваясь, путая па, пытаются танцовать танго.

Рослыя натурщицы въ компаніи со своими бородатыми художниками проявляютъ полную неутомимость и изобрѣтательность: вальсъ, танго, шимми, ту-степъ...

Скульпторъ, пользующійся любовью фрондирующихъ колекціонеровъ, играющихъ въ лѣвизну, перехитрилъ жару, не спадающую и ночью, и явился въ одномъ нижнемъ бѣльѣ. Танцовать съ дамой — жарко... И бѣлый призракъ въ одиночку кружится надъ входомъ въ метро...

Тутъ-же совсѣмъ юные шведы, только что прибывшіе въ Парижъ, отплясываютъ со всей старательностью священнаго благоговѣнія...

Столько выпито вина, цитронада, рафаэля, гренадина, пива, столько заказано новыхъ боковъ, что, кажется, изсякнутъ сорокаведерныя бочки позади стойки, свалится отъ

Digitized by Google

изнеможенія сомелье, а потные багровые гарсоны впадутъ въ трансъ или ночью-же получатъ солнечный ударъ...

Старичекъ-дирижеръ умолкъ и сосетъ пиво, его юный коллега подаетъ знакъ оркестру и начинаетъ сумбурный негритянскій танецъ. Восьмипудовая натурщица въ полосатой кофтѣ съ распущенными волосами, уноситъ въ вихрѣ этого танца поочередно щуплаго китайца въ роговыхъ спадающихъ очкахъ и голубоглазаго застѣнчиваго шведа... Подъ конецъ оба партнера сваливаются, мощная дама овладѣваетъ скульпторомъ въ нижнемъ бѣльѣ, но и сильный бородатый мужчина скоро выдыхается. Одному Геркулесу подъ силу плясать съ такой женщиной...

Расплачиваемся съ гарсономъ, очумѣвшимъ до потери представленія о разницѣ межъ франками и сантимами, и двигаемся дальше въ гущу Латинскаго квартала. Долго еще преслѣдуетъ насъ неслыханный мотивъ двухъ оркестровъ и полосатая кофта мелькаетъ въ фантастическомъ свѣтѣ фонариковъ...

Четырнадцатое іюля — самая крупная дата въ жизни Латинскаго квартала. Лица безъ опредѣленныхъ занятій забываютъ о своей принадлежности къ категоріи «indésirables» — на три дня даровано отпущеніе всѣхъ грѣховъ; бдительное око подозритель-

Digitized by Google

ныхъ людей въ отлично сшитыхъ костюмахъ снисходительно смотритъ на своихъ постоянныхъ кліэнтовъ. Въ трескѣ шутихъ, въ зарницахъ фейерверка разрѣшается все: Бастилія третьей республики вспоминаетъ о судьбѣ своей далекой предшественницы...

Маделонъ и пиво, скрипки и разстроенныя піанино, кое-гдѣ граммофонъ — и повсюду, куда только можетъ проникнуть глазъ — откровенные поцѣлуи: предусмотрительный парижскій муниципалитетъ разставилъ достаточно скамеекъ, именинникамъ четырнадцатаго іюля не приходится тратить время на поиски удобнаго мѣста...

O, Madelon, verse à boire,
Et surtout n'y mets pas de l'eau,
C'est pour fêter la victoire
Joffre, Foche et Clemenceau...

Ночью четырнадцатаго іюля французское сердце готово понять и простить даже желѣзнаго диктатора. даже ненавистнаго тигра — Жоржа Клемансо.

По набережнымъ, причудливо вырастающимъ въ цвѣтеніи фейерверковъ, вдоль памятниковъ, убранныхъ національными лентами, по бульварамъ, обращеннымъ въ укромные парки любви, пробираемся на вторую родину. Буржуазные обитатели Пасси

Digitized by Google

частью предпочитаютъ на эти шумные дни выѣхать въ окрестности, частью, чтобъ не смѣшиваться съ собственными горничными и лакеями, уходятъ на праздники другихъ arrondissements. Аристократы съ Анри Мартэнъ, обладатели двухъ «де», уже двѣ недѣли, какъ покинули Парижъ. Оставаться въ городѣ послѣ Grand Prix, послѣ окончанія іюльской grande semaine... это не шикарно, это компрометируетъ, это можетъ просто подорвать кредитоспособность. Жалюзи опущены, ставни закрыты, балконы заколочены — на весь пятиэтажный домъ одно живое существо, консьержка, но и та заперла парадное и ушла потанцовать.

Въ небольшомъ кафэ на rue de Passy, на узенькомъ тротуарѣ горничныя отплясываютъ съ шоферами, хозяинъ, завистливо подсчитываетъ доходы Латинскаго квартала, а за столикомъ въ глубинѣ надъ стаканами гренадина дремлетъ кучка русскихъ. Неутѣшные, безсрочные путешественники. Ноетъ душа въ день чужого праздника, вспоминается наше первое мая... Безъ аннексій и контрибуцій, закрыты всѣ рестораны, по случаю краснаго праздника холостяки должны на голодный желудокъ воспринимать революціонный экстазъ. Или какъ писалъ незабвенный московскій Мураловъ:... «подлецы, дерзнувшіе

Digitized by Google

омрачить пролетарское веселье, подлежать немедленному уничтоженію»...

Посидимъ съ полчаса, еще разъ выслушаемъ пѣснь не нашей побѣды, потолкуемъ о близкихъ знакомыхъ, кто съ кѣмъ живетъ, кто наворовалъ на Югѣ, а кто на Сѣверо-Западѣ и поплетемся спать...

П-а-с-с-и...

12.

Развратъ на фонѣ нищеты... Время лѣтнее, отъ жары и безденежья ослабѣваетъ воля, таинственные содержатели эмиграціи уѣхали на воды и на океанъ, увезя съ собой знаменитую тысячу франковъ, сокращеніе штатовъ входитъ въ стадію бѣшенства, ликвидаціонныхъ не платятъ, надо-же хоть какъ-нибудь, хоть чѣмъ-нибудь унять тоску. На Монмартръ дорого, въ общедоступныя учрежденія противно... Понатужимся собственными силами. Два-три доцента, два-три артиста, нѣсколько бывшихъ милліонеровъ, одинъ бывшій генералъ, журналистъ не у дѣлъ, полдюжины дактило хорошаго воспитанія... Для приданія вечеру русскаго характера бывшій генералъ сваритъ великодержавный борщъ, для приданія двухфранковому вину возбудимости и благородства, бывшій милліонеръ принесетъ пузырекъ капель, закупленныхъ по рецепту

Digitized by Google

бывшаго профессора: шпанская мушка не шпанская мушка, однако дѣйствуетъ и многіе хвалятъ...

Стульевъ не хватаетъ? Ничего, генералъ все равно возится въ кухнѣ, оба доцента умѣстятся на подоконникѣ, а профессоръ и за піанино посидитъ... Всѣхъ присутствующихъ просятъ не говорить о политикѣ, не предрѣшать будущей россійской конституціи, не спорить о Врангелѣ и держаться не такъ, какъ дома: т. е. не злословить насчетъ сосѣдей по площадкѣ и не разоблачать ничьихъ источниковъ доходовъ..

Четырнадцать лѣтъ назадъ группа веселыхъ представителей перетбургскаго періода повѣсила на люстрѣ одну единственную тощую кошку. По этому поводу было написано книгъ и фельетоновъ значительно больше, чѣмъ впослѣдствіи о звѣрствахъ чека. Почтенный моралистъ объѣхалъ шестьдесятъ три города, отъ Варшавы до Баку, отъ Томска до Кіева, прочелъ около ста лекцій на тему о паденіи литературныхъ нравовъ. На трупѣ повѣшенной кошки многіе люди сдѣлали себѣ небольшой капиталъ и благородную репутацію преемниковъ Бѣлинскаго.

Въ 1921 году не проѣдешь ни въ Варшаву: визы не даютъ, ни въ Баку: по пути вохра въ расходъ выведетъ. Безопасность въ смыслѣ сохраненія тайны полнѣйшая, но въ Парижѣ

Digitized by Google

вѣшать кошекъ уже не хочется. Отъ веселья, отъ хорошей жизни, отъ сытой тоски зарождаются общества кошкодавовъ, отъ голодной эмиграціи, отъ безпокойства за завтрашній день ползутъ иные планы: хочется ласки... Безъ словъ о любви, безъ клятвъ вѣрности... Тотъ самый литераторъ изъ Петербургской «Гигіены», который въ прошломъ году искалъ на Монмартрѣ «легенду, сказку», въ этомъ году переписываетъ въ книжку рецептъ возбудительныхъ капель и соглашается, что для усталой души ровные парижскіе методы имѣютъ свою прелесть...

Въ маленькомъ городѣ, въ неоплаченной квартирѣ послѣ русскаго борща, русскихъ котлетъ и французскаго сыра разыгрываются сцены, показывающія гигантскую переплощаемость русскаго человѣка. За полтора года, не изучая языка, не прочтя ни одной книги, не войдя во французское общество, сумѣли усвоить изюминку гальскаго разврата: быстрота, ясность, точность, гражданская сдѣлка и полное отсутствіе телефонныхъ звонковъ на завтра. Изъ всего парижскаго арго заучена и превращена въ канонъ одна лишь фраза: «Ne faites pas de chichi»!.. Не ломайтесь, не «держите фасонъ», переходите сразу къ дѣлу или сразу скажите, что ничего не будетъ и не надо надѣяться...

Digitized by Google

У Бодлэра есть изумительный циклъ стихотвореній, посвященныхъ вину: вино богачей, вино нищихъ, вино убійцъ, вино стариковъ, вино покинутыхъ женщинъ и т. д.

Творимая двумя милліонами бѣженцевъ, книга русскаго исхода страдала бы непоправимымъ психологическимъ изъяномъ, еслибы представители петербургскаго періода не вписали въ нее цикла стихотвореній въ прозѣ: развратъ эвакуаціи (кокаинъ, стрѣльба изъ ногановъ, любовь за мѣсто на отходящемъ пароходѣ и т. д.); развратъ дней надежды (весенній Парижъ, радостныя телеграммы изъ Крыма, кутежи съ тостами, беззаботность тратъ); развратъ нищеты, не сложный, дешевый, терпкій, засасывающій... Въ Москвѣ, въ нетопленныхъ зданіяхъ бывшей биржи танцульки чекистовъ, буденовцевъ, отвѣтственныхъ спецовъ...

Въ Парижѣ, въ укромныхъ углахъ Пасси русскіе обѣды бывшихъ людей, уроки французскаго разврата, реминесценціи дней избытка... революціи.

Въ исторіи русской, революціи пузырекъ французскихъ капель займетъ почтенное мѣсто наряду съ трупомъ повѣшенной кошки. Отъ самодержавія съ думой третье-іюньской къ комиссародержавію съ октябрьскими совѣтами.

Digitized by Google

13.

Тихое безуміе овладѣваетъ маленькимъ городомъ. Съ теченіемъ дней Пасси обращается въ клубъ паранойиковъ. Во всѣхъ партіяхъ, во всѣхъ учрежденіяхъ, во всѣхъ группахъ, подгруппахъ и частныхъ квартирахъ поселяются навязчивыя идеи. Или манія преслѣдованія или манія величія или геніальныя ясновидѣнія отощавшихъ маньяковъ.

Бритый человѣкъ съ запорожскими усами. Пишетъ, пишетъ, пишетъ. Помѣшался на почвѣ восторженнаго отношенія къ веревкѣ и вѣры въ сіонскихъ мудрецовъ. Разсказываетъ, что во Волочисскѣ собственноручно повѣсилъ двадцать шесть человѣкъ, а въ Кременчугѣ ѣздилъ съ бочкой (!) выколотыхъ комиссарскихъ глазъ. Задыхается отъ... евреевъ. Мильеранъ — еврей, Ллойдъ-Джоржъ — еврей, Врангелевскую яхту «Лукуллъ» потопилъ итальянскій пароходъ об-ва «Адріа», потому что всѣ члены правленія этого об-ва — евреи. Ходитъ по редакціямъ, хватаетъ за рукавъ знакомыхъ сотрудниковъ и требуетъ объяснить въ чемъ сущность реакціи и каковы отличительные признаки демократіи.

Сотрудники, зная его точку помѣшательства, примирительно отвѣчаютъ: «Ну, дорогой, вѣдь это совсѣмъ просто. Реакція, когда

Digitized by Google

русскіе зовутъ евреевъ въ полицію, демократія, когда евреи ведутъ русскихъ въ милицію»..

Безумецъ вдохновенно слушаетъ, горячо жметъ руку и записываетъ въ свой дневникъ: «Сегодня одинъ знакомый еврей прекрасно объяснилъ истинную подоплеку всѣхъ революцій...»

Безумцы крайняго лѣваго фланга: Бобрищевъ-Пушкинъ и Владимиръ Львовъ. У Бобрищева на бородѣ, косматой нечесаной, рваной, или половина съѣденной яичницы или образцы всѣхъ блюдъ вчерашняго обѣда. Выходитъ изъ дома, первые пять шаговъ держится спокойно и смотритъ въ землю, потомъ начинаетъ размахивать руками и во весь голосъ кому-то возражаетъ. Солнечнымъ утромъ стоитъ въ переулкѣ Auteuil, читаетъ какое-то воззваніе и хохочетъ волчьимъ лаемъ... Когда Бобрищеву возражаютъ въ печати, онъ присылаетъ по почтѣ соотвѣтствующему журналисту длиннѣйшее письмо, наполненное бранью, цитатами изъ св. писанія, неоконченными фразами. Завсегдатаи французскаго ресторанчика, куда онъ однажды зашелъ пообѣдать, поняли съ кѣмъ имѣютъ дѣло и сочувственно переглядывались: русскій, такой еще молодой, помѣшался отъ большевиковъ... Завсегдатаи русской политики устраиваютъ съ нимъ дебаты, ловятъ его на противорѣчіяхъ, цити-

Digitized by Google

руютъ, угрожаютъ бѣдному больному, виновному только въ томъ, что близкіе отпускаютъ его безъ призора и не помѣщаютъ его въ соотвѣтствующее учрежденіе.

Владимиръ Львовъ. Тронулся, лѣвѣя. Въ 1919 — старая тактика, въ 1920 — новая, въ 1921 — призналъ совѣтскую власть, но поставилъ нѣкоторыя условія (жаръ, постоянная лихорадка, непринимаетъ пищи, общее разстройство нервной системы)... Осенью 1921 вошелъ сотрудникомъ въ «Смѣну Вѣхъ»... Но уже въ концѣ 1921 письмомъ въ редакцію «Смѣны Вѣхъ», заявилъ, что онъ лѣвѣе своего товарища по палатѣ № 6 Бобрищева-Пушкина и убѣдительно проситъ не смѣшивать его съ Лукьяновымъ, разошедшимся въ извѣстныхъ пунктахъ съ Ленинымъ. Громаднаго роста, цвѣтъ лица апоплексическій, опасаются за ударъ, неизлечимъ.

У каждаго безумца своя манія, у каждой маніи свои особыя формы проявленія. Въ маленькомъ городѣ множество бѣженцевъ, сохранившихъ внѣшнее равновѣсіе, но страдающихъ навязчивыми идеями.

Одни — рекламисты. Не пьютъ, не спятъ, ничего не хотятъ, никуда не стремятся, но мечтаютъ увидѣть свою фамилію хотя бы въ сиротской эмигрантской печати. Этотъ раз-

Digitized by Google

рядъ больныхъ обслуживается спеціальной хроникерской рубрикой: идетъ ли рѣчь о засѣданіи, лекціи, выставкѣ, публичномъ диспутѣ, премьерѣ, тяжеломъ происшествіи, послѣдній абзацъ отчета начинается сакраментальной фразой: «Среди присутствующихъ мы замѣтили» или «присутствовали въ числѣ другихъ» или просто «присутствовали»—слѣдуютъ фамиліи дюжины маньяковъ, состоящихъ членами правленій во всѣхъ рѣшительно организаціяхъ, выступающихъ оппонентами на любомъ докладѣ; посѣщающихъ всѣ тѣ мѣста, о которыхъ на завтра можетъ быть данъ отчетъ...

Болѣзнь этихъ людей происходитъ отъ жажды дѣятельности; въ нихъ праздно гніютъ зародыши политическихъ дѣятелей; имъ бы трибуну, бурные апплодисменты, порядки дня, а судьба швырнула ихъ въ Пасси и въ утѣшеніе порадовала буффонадой кукольныхъ организацій... Вотъ они и бѣсятся и отыгрываются на «присутствовали»... И среди нихъ есть градаціи болѣзни: остро-заразные и хроническіе. Маньяки, недавно прибывшіе изъ совѣтской Россіи, обычно попадаютъ въ разрядъ остро-заразныхъ. Горе редакціямъ, если человѣкъ, обладающій какой-нибудь ученой степенью или чиномъ, бѣжалъ по льду, переплылъ рѣку, ушелъ пѣшкомъ и т. п.

Digitized by Google

Прибывъ въ маленькій городъ, онъ за недѣлю добивается гигантскихъ успѣховъ: въ одномъ лишь номерѣ газеты онъ способенъ «присутствовать» до пяти-шести разъ: 1) насъ просятъ сообщить, что имярекъ, только что прибывшій изъ Совдепіи, ознакомившись съ протестомъ противъ смертной казни, присоединяетъ свою подпись; 2) имярекъ, только что прибывшій изъ совѣтской Россіи, на митингѣ тамъ-то и тамъ-то произнесъ интересную рѣчь-.. 3) въ числѣ присутствующихъ на послѣднемъ субботникѣ мы замѣтили имярека, только что прибывшаго изъ совѣтской Россіи и т. д. и т. д.

Какъ правило, рекламисты вѣжливы, терпѣливы и ласковы. Но сопротивленіе ихъ планамъ способно повлечь буйство, намеки, угрозы, обѣщанія посчитаться и пр. Опытъ полуторогодовой практики показалъ, что лучше всего разрѣшить пришедшему къ вамъ маньяку, чтобы онъ самъ написалъ отчетъ о своей лекціи или замѣтку о своемъ присутствіи: упоминая себя въ третьемъ лицѣ, маньякъ становится необычайно скроменъ.

Таковы рекламисты. Тѣсно къ нимъ примыкаютъ и являются повидимому родственной имъ подгруппой другіе маньяки. Присвоеніе непринадлежащихъ ученыхъ степеней, разсказы о сейфахъ, объ особнякахъ, о прежнемъ образѣ жизни и т. д. Приватъ-доцентовъ въ эми-

Digitized by Google

граціи почти нѣтъ; кажется, на весь маленькій городъ имѣется одинъ только стыдливый человѣкъ, который пребываніе въ Петлюровской Украйнѣ и у Махно не считаетъ стажомъ, достаточнымъ для занятія кафедры, лицо его среднимъ образованіемъ имѣетъ право именовать себя профессоромъ провинціальнаго университета (Кіевскаго, Харьковскаго, Новороссійскаго), лицо съ высшимъ образованіемъ считается профессоромъ московскаго университета, если среди окружающихъ петербуржцы, и петербургскаго университета, если среди окружающихъ москвичи. Небольшой остатокъ «профессоровъ до 1918» предпочитаетъ въ цѣляхъ самозащиты отъ маньяковъ довольствоваться именемъ отечествомъ.

Амплитура вранья о никогда не существовавшихъ богатствахъ совершенно безгранична. Эти больные — тихіе и неизлечимые. Доктора разрѣшаютъ имъ высказываться вдоволь. Лицо, жившее въ Петербургѣ на Сѣнной, снимая комнату отъ жильцовъ, восторженно передаетъ, какъ у него было восемь комнатъ, пятьдесятъ четыре рубахи, неустановленное число Рембрандтовъ и т. п. Горничная, входя утромъ въ его спальню, въ продолженіи двадцати лѣтъ заявляла: «Баринъ, кофе со сливками (!) поданъ»!.. При словѣ «баринъ» маньякъ плачетъ искренними крупными слезами.

Digitized by Google

Юноша, получавшій семьдесятъ рублей въ мѣсяцъ (включая наградныя и невостребованную сдачу отъ мелкихъ закупокъ), рыдая, кричитъ о своей петербургской лошадкѣ, при видѣ которой одинъ изъ великихъ князей остановился, какъ вкопанный, слѣзъ съ автомобиля и попросилъ разрѣшенія испробовать рысь. «А какъ князя звали»? Юноша-маньякъ проглатываетъ слюну и называетъ имя, каждый разъ новое, но каждый разъ изъ числа убитыхъ. Въ римскомъ правѣ это называлось «ссылкой на незаписанныя показанія мертвыхъ»...

Трогательная черта рекламистовъ и врановъ — ихъ полное безкорыстіе. Болѣзнь Бобрищева-Пушкина оплачивается совѣтской властью, сумасшествіе его товарищей обезпечиваетъ имъ карьеру въ Москвѣ или въ заграничныхъ отдѣленіяхъ коминтерна. Рекламистамъ же не даютъ никакихъ платныхъ мѣстъ: ихъ постоянное «присутствіе» не обезпечиваетъ имъ участія ни въ одной изъ имѣющихся общественныхъ кассъ, носящихъ громкія названія всевозможныхъ учрежденій. Вруновъ кромѣ того боятся даже въ гости звать: придетъ и начнетъ въ милліонный разъ сообщать подробную опись своего сейфа въ Юнкеръ банкѣ...

Digitized by Google

14.

Русская жизнь въ Парижѣ окончательно не удалась. Вихлястый журналистъ, прославившійся геніальнымъ проэктомъ постройки особаго метро для русскихъ съ сильно повышеннымъ тарифомъ, еще въ позапрошломъ году требовалъ на митингѣ «научиться пускать корни». Сочувственно похлопали, но не научились. Пророкъ пусканія корней тоже не далеко ушелъ: послѣдней его идеей была организація акціонернаго общества для открытія еврейскаго кладбища въ Парижѣ... Видите ли, въ Парижѣ нѣтъ спеціальнаго кладбища для евреевъ, но объясняется это не расовой терпимостью покойниковъ, а отсутствіемъ предпринимательской жилки... Необходимо собрать митингъ и тогда... Что тогда? Вихлястый журналистъ величественно одергиваетъ борты своего пиджака: «И тогда я уже дома»... Гдѣ дома? У кого дома?.. На дняхъ я слышалъ, что его еще разъ никто не захотѣлъ понять и онъ уже оставилъ мертвыхъ евреевъ и организуетъ русскій домъ. Принципъ изумительный: «столовая, но тутъ-же поютъ, тутъ-же играютъ, тутъ-же читальня, вы приходите, берете газету, покупаете книгу, и это уже не смѣшно»...

Дѣйствительно не смѣшно. Одно за другимъ

Digitized by Google

лопнули торговыя предпріятія, политика при послѣднемъ издыханіи... Маленькій городъ скоро умретъ... Обитатели маленькаго города въ спѣшномъ порядкѣ бѣгутъ. Изъ прошлогоднихъ 30.000 къ 1922 году не остается и 10.000...

Зеркало въ Salle des Sociétés Savantes задернется траурнымъ крепомъ. На послѣдній митингъ протеста противъ краснаго террора явились лишь служащіе канцеляріи учредительнаго собранія, матери, жены и дѣти ораторовъ, немного знакомыхъ... Было блѣдно, вяло, смрадно. Агонія душила, дѣлала смѣшнымъ трогательное, пошлымъ приподнятое, ненужнымъ негодованіе...

И когда Рубановичъ, самый большой парижанинъ изъ всѣхъ парижскихъ эсъ-эровъ съ жестами заправскаго avocat de la cour d'appel de Paris, расправившись съ покойнымъ и отсутствующимъ Колчакомъ, выдалъ индульгенцію живому и присутствующему Милюкову, стало ясно всѣмъ и каждому, что дѣлать больше нечего ни въ Salle des Sociétés Savantes, ни въ великолѣпномъ Парижѣ, ни въ осточертѣвшемъ маленькомъ городѣ...

...И опять бѣгутъ, бѣгутъ русскіе люди, перепрыгивая визные барьеры, изъ земли выкапывая деньги на проѣздъ... куда-жъ бѣжать? Рѣдко-рѣдко кто устремляется въ сла-

Digitized by Google

вянскія страны, на льготный размѣнъ; на пальцахъ перечтешь смѣльчаковъ, пытающихъ счастье во французскихъ колоніяхъ — въ Алжирѣ, въ Тунисѣ, въ Марокко. Бывшіе офицеры съ отчаянья устремляются въ традиціонную ловушку — въ иностранные легіоны; въ модѣ испанскій легіонъ, куда въ виду очередной африканской кампаніи требуется пушечнаго мяса больше, чѣмъ въ обычное время.

Но главная масса неугомонныхъ путешественниковъ соблазняется дешевой валютой, льнетъ къ германской маркѣ и къ австрійской кронѣ.

«Помилуйте, тетка пишетъ изъ Берлина, что при скромной жизни достаточно ежедневно мѣнять пятифранковку... Ждать знаете не приходится»? «У вашей тетки много пятифранковокъ»?.. «Нѣтъ, конечно, но... «У Васъ есть»?.. «Да и меня нѣтъ». Но разъ на пять франковъ проживешь, есть уже возможность комбинировать»...

...Arrière-saison на исходѣ. Прозрачные короткіе дни, влажные звѣздные вечера съ предчувствіемъ близкихъ тумановъ. Въ воскресенье на прогулкѣ въ Булонскомъ лѣсу встрѣчаю давнишняго московскаго знакомаго. Когда-то — заводы, конторы, особняки, теперь — проѣданіе случайно застрявшихъ въ Лондонѣ остатковъ валютныхъ счетовъ... Годъ назадъ

Digitized by Google

безнадежныя попытки заниматься дѣлами, сегодня въ карманѣ паспортъ съ визой на Берлинъ и тысяча неразрѣшимыхъ недоумѣній...

Медленно бредемъ оголенными перелѣсками. Говоримъ о томъ, что, несмотря ни на что, жаль покидать Парижъ. Не убогой ѣздной политики жаль, не митинговъ, не полемики, ни столь своевременныхъ споровъ о порядкѣ престолонаслѣдія. Жаль миражей, жаль того, что миражомъ стало, потому что не удосужились узнать... Латинская культура!.. хотя большинство путаетъ Лувръ съ Люксембургомъ; геній Франціи... хотя по французски говорили только съ консьержкой и то ночью (cordon s. v. p.), а съ сюбжонтивомъ такъ и не справились; единственная въ мірѣ уличная жизнь. всѣхъ принимающая, всѣхъ проглатывающая, для которой у русскихъ не оказалось времени.. сперва караты, визы, прожекты, потомъ подоспѣла новая тактика и «борьба съ голодомъ»... Хлопотъ полонъ ротъ.

Какъ писалъ, ожесточенный врагъ маленькаго города, Донъ-Аминадо: «и кучка русскихъ съ бывшимъ флагомъ, съ какимъ-то штабомъ и съ освагомъ»...

Миражи, миражи. Вмѣсто Парижа скверный бѣженскій анекдотъ... Но такъ устроено сердце «бѣлогвардейца», что и за два воскрес-

Digitized by Google

ныхъ часа Булонскаго лѣса съ багряной листвой, съ вереницей роллъсъ-ройсовъ, зеркальнымъ лакомъ покрывшихъ стрѣлу отъ Тріумфальной Арки до Арменонвилля, готово оно отдать весь многопудовый грузъ воспоминаній о Махно, сыпнякѣ, эвакуаціи...

... Въ послѣдніе дни золотой парижской осени умеръ маленькій городъ. Спокойно спи консьержка на rue Danton! Пройдетъ два-три года и мимо тебя пройдутъ новые люди, тѣ, что были въ 1905-7 и не были въ 1919-21...

Возвращается вѣтеръ на круги свои...

Digitized by Google

Digitized by Google

ТРЕТЬЯ РОССІЯ.

Еще на Западъ земное солнце свѣтитъ
И кровли крышъ въ его лучахъ горятъ —
У насъ уже бѣлая дома крестами мѣтитъ
И кличетъ вороновъ, и вороны летятъ...

Анна Ахматова.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Вороны летятъ...

Можно, скрежеща зубами, обличать пришедшаго хама; можно проклинать большевиковъ, закрывая глаза на грядущую Россію; можно называть третью Россію «святой» и долгожданной... Можно какъ Колчакъ напослѣдокъ пожелать, лишь «еще одну папиросу»; можно, какъ Черновъ грозить созвать Всероссійское учредительное собраніе; можно, какъ Унгернъ Штернбергъ надѣть монгольскій халатъ, русскія генеральскія эполеты и отомстить населенію города Урги за поруганныя лиліи монархіи; можно какъ — математикъ и поэтъ, баронъ и членъ управы — Даватцъ поступить фейерверкеромъ на бронепоѣздъ разложившейся арміи и, катясь въ море, утѣшать себя мыслью, что наступаешь на Москву; можно безъ денегъ и безъ хлѣба, безъ связей и безъ силы засѣсть въ милѣйшемъ Пасси и по вечерамъ, въ кругу близкихъ знакомыхъ вычислять потребность Саратовской губерніи въ сѣмянахъ и сельско-хозяйственныхъ орудіяхъ, именуя все вмѣстѣ —

Digitized by Google

борьбой съ голодомъ; можно бывать у Красина, выѣзжать въ Гайд-паркъ съ его дочерьми, обѣдать съ Литвиновымъ въ Ригѣ и ужинать съ Крестинскимъ въ Берлинѣ, утѣшаясь мыслью, что большевизмъ эволюціонируетъ; можно ѣздить на конференціи, на которыя васъ не звали и подавать меморандумы въ комиссіи, которыя подобныхъ вещей не читаютъ; можно наконецъ, просто и честно, послѣдовать примѣру константинопольскаго капитана, четыре дня подрядъ требовать къ себѣ въ номеръ «vodka russe», безъ всякихъ ордэвровъ, а на пятый оставить лакею трупъ во френчѣ, но безъ нижняго бѣлья и прощальныхъ записокъ... И все-же вороны летятъ. Третья Россія, не Ленинская и не Керенская, не наша и не ваша. Хотите, купите, не хотите, идите къ черту, а я общая, кадетская и махновская, красная и черная, бѣлая и зеленая, ни на чьи мобилизаціи не откликаюсь, а, если кого и люблю назаправдѣ, такъ ужъ, конечно, мѣшечниковъ. Продаютъ муку и разсказываютъ новости.

2.

«Въ февралѣ 1916 — я былъ тогда германскимъ шпіономъ»...

Позвольте, позвольте, что-жъ дѣлать? Поднять-ли тяжелый табуретъ и ударить этого

Digitized by Google

мерзавца по головѣ или принимать, какъ должное...

«Приходятъ ко мнѣ изъ англійской контръ-развѣдки и спрашиваютъ — да вы, собственно говоря, почему такъ за нѣмцевъ цѣпляетесь, съ нами работать лучше... Пожалуйста, говорю, Ради Бога, les affaires sont les affaires, мнѣ, какъ патріоту, конечно, пріятнѣй съ союзниками, но условія, господа, условія...»

У разсказчика молодого, изсиня темнаго человѣка, твердые прямые глаза, плавные и вмѣстѣ быстрые жесты, на пальцѣ мальтійское кольцо, пріобрѣтенное въ городѣ Мелитополѣ у вдовы распиленнаго махновцами нѣмецкаго колониста. Ему тридцать съ небольшимъ лѣтъ, но его хорошо помнитъ Россія по участію въ нѣкіихъ довоенныхъ предпріятіяхъ правительственно-шантажнаго типа. За войну онъ перемѣнилъ не мало занятій. По собственному признанію, сдѣланному при случайной встрѣчѣ за стойкой грязнаго левантійскаго Кабака, службу въ одномъ изъ Крестовъ онъ совмѣщалъ съ работой въ контръ-развѣдкахъ англійской и германской, при чемъ обѣимъ поставлялъ, вымышленныя его пріятелемъ - вольноопредѣляющимся, схемы расположенія войскъ. Нѣмцамъ продавалъ, какъ краденное въ русскомъ штабѣ, англичанамъ, какъ найденное при захватѣ германска-

Digitized by Google

го шпіона. Въ революцію не растерялся, пристроился въ Питерѣ къ автомобильному отдѣлу и въ первую-же недѣлю продалъ запасъ цѣльныхъ шинъ, замѣнивъ ихъ поддержанными, реквизированными у частныхъ владѣльцевъ. Хвастаетъ (но доказательствъ нѣтъ), что это онъ угналъ автомобиль, предоставленный временнымъ правительствомъ Кропоткину.

«Пока старикъ въ Народномъ Домѣ слюни разводилъ, машина тю-тю. Перекрасили, продали матросамъ изъ Балтфлота, очень ужъ имъ понравилась кожа на сидѣньѣ»...

Въ виду причастности къ снабженію интенданства женскихъ добровольческихъ частей послѣ октября изъ Питера долженъ былъ уѣхать, подвизался сперва при Муравьевѣ, а потомъ нырнулъ въ Закаспій, гдѣ проводилъ составленный въ дорогѣ планъ національзаціи хлопковыхъ предпріятій. Весной 1919 переходитъ къ добровольцамъ и разглашаетъ повсюду свое монархическое прошлое; изъ Петровска при паденіи Деникина эвакуируется въ Баку...

Апрѣль 1920, капитанъ царской службы Левандовскій возвѣщаетъ народамъ Востока освобожденіе отъ вѣкового ига англичанъ — и на конгрессѣ народовъ Востока молодой изсиня темный человѣкъ съ твердыми

Digitized by Google

и прямыми глазами привѣтствуетъ Зиновьева отъ имени сартовъ, занятыхъ на хлопковыхъ промыслахъ Туркестана.

Уѣзжаетъ въ Константинополь продавать Нобелевскій керосинъ Смирнскимъ грекамъ, за одно привозитъ партію каракульчи...

...«Да, Вы бы еще рюмку этой мастики стукнули. Ахъ, какъ пріятно было прошлое вспоминать. Знаете, смѣяться будете, но прямо скажу, ничего не жалко, на все плевать, но какъ приду къ себѣ въ каюту, какъ посмотрю на шкурки каракульчи — повѣрите! — ревѣть хочется. Милыя вы мои овечки... Вѣдь беременныхъ ихъ палками сарты по животу бьютъ, чтобъ каракульчу достать... А иначе нельзя, если у овцы не будетъ аборта — въ Парижѣ портные обидятся... Ну, еще по одной, за Россію, за грядущую!..

Не тужите еще поживемъ. Мы-же и есть самая соль... Наша Рассеюшка еще только будетъ. Большевики сгинутъ, а мы крылья распустимъ. Такъ-то. Се грядетъ женихъ во полунощи, Ну, еще по послѣдней»...

3.

А вотъ другой. И ужъ конечно въ третьей Россіи такъ прочно усядется, что его изъ нея на волахъ не вытянешь.

Digitized by Google

Александръ Тамаринъ. Ротмистръ отъ кавалеріи, кавалеристъ отъ литературы, литераторъ отъ безденежья во первыхъ, отъ нутряного таланта во вторыхъ, и въ третьихъ отъ той особенной, все пожирающей хандры, которая у японцевъ кончается харакири, у англичанъ открытіемъ арктическихъ земель, у русскихъ пьянствомъ и стихами съ надрывомъ. И если Тамаринъ не сталъ однимъ изъ безчисленныхъ фатальныхъ поэтовъ, то этимъ онъ обязанъ, своей желчи, требовавшей травли, проклятій, богохульства, своей мрачной удали, жаждавшей сабельной рубки или гомерическихъ сенсацій на шесть полныхъ столбцовъ убористой печати. Гдѣ онъ работалъ Вездѣ понемногу и нигдѣ долго. Изъ Петербурга уѣзжалъ въ Москву — мерещились ночи у Яра, Колоколенки Арбата, суетня кружковъ; изъ Москвы въ Кіевъ — къ Кадетской рощѣ подъѣзжаешь, благоуханіе украинской весны — не нуженъ и cote d'azur; изъ Кіева въ Ростовъ — русскій Чикаго, компанейскіе хамы, не пристаютъ съ литературой и масса уваженія; изъ Ростова въ Ялту — по утрамъ на Ливадійское шоссе выйдешь и слышишь, какъ серебряныя трубы наигрываютъ егерскій маршъ; изъ Ялты въ Одессу — страну оригинальную, а оттуда рукой подать Кишеневъ—славное вино и есть кого травить.

Digitized by Google

Пилъ и пѣлъ, дрался, билъ и бывалъ битъ; воевалъ съ нахальными офиціантами, подающими счетъ раньше требованія, съ вялыми профессорами, не пробуждающими любовь къ наукѣ, съ бездарными актерами, съ драматургами — фанатиками плагіата и писарями-жертвами графоманства. Артистъ-драматургъ Собольщиковъ скаталъ пьесу у Пауля Гейзе... Добей его! Профессоръ Евлаховъ прикидывается снобомъ — pollice versa! Генералъ Гурко избилъ на Невскомъ извозчика — караулъ! ..И языкъ злобнаго татарина, склоннаго къ замкамъ Шехерезады, къ тайнамъ Али-Бабы, находилъ такія неслыханныя многоэтажныя запутанныя оскорбленія, что очередной объектъ жаждалъ не холодныхъ опроверженій, не писемъ въ редакцію (примите и пр...), а пощечинъ, потоковъ крови, револьверныхъ выстрѣловъ.

Кавалеристъ, родившійся на дикой Чатырдагской лошади, кривоногій маленькій человѣчекъ въ тужуркѣ со слѣдами отъ былыхъ погонъ, проковылялъ по всей Россіи. И всюду былъ блескъ метеора — въ мѣсяцъ первый; выдыхъ, слащавый сентиментализмъ — въ мѣсяцъ второй; пьянство, дебоши, мечты объ отъѣздѣ и бѣгство — въ мѣсяцъ третій. Вотъ уже снова свиститъ толстый оберъ, реветъ паровозъ и потрепанный чемоданчикъ

Digitized by Google

занимаетъ свое мѣсто наверху, надъ самой головой ворчащаго сосѣда.

«Не нравится? слѣзьте и перейдите въ коридоръ. Здѣсь Вамъ милѣйшій не международный»!..

Въ чемоданчикѣ изорванныя галифэ, тужурка изъ чортовой кожи, а на днѣ межъ рубашекъ и носковъ овальный портретъ золотоволосой мечтательной дѣвушки — его Любовь, и фарфоровый улыбающійся би-ба-бо — амулетъ во всѣхъ скитаньяхъ. Въ Джульфѣ владѣлецъ чемодана, поджавъ ноги, на грязной циновкѣ курилъ недозрѣлыя головки мака — би-ба-бо сочувственно кивалъ и улыбался, въ Анатолійскихъ горахъ — въ самомъ началѣ войны — въ заброшенной хатѣ, въ тифозной горячкѣ хозяинъ пролежалъ почти пять недѣль и рядомъ съ нимъ красовался и улыбался вѣрный би-ба-бо... Въ его спасительную вѣру Тамаринъ вѣрилъ съ упорствомъ циническаго отчаянья, съ конечной непосредственностью дикаря, обманутаго нерадостной культурой.

На рубежѣ двухъ міровъ — послѣ Карпатскаго разгрома, наканунѣ мартовской революціи, Тамаринъ появился на Тверской улицѣ, просидѣлъ малиновые диваны всѣхъ московскихъ кофеенъ и запоемъ сталъ писать въ тамошнемъ — «Echo de Paris», въ «Утрѣ

Digitized by Google

Россіи», газетѣ буржуазныхъ идеаловъ либерализма, буржуазной страсти къ сенсаціи.

27 февраля — 2 марта· поѣздъ царя болтался гдѣ-то межъ Псковомъ и станціей Дно, Россія ждала, Москва шумѣла и волновалась, редакція послала Тамарина съ наказомъ узнать во что-бы то ни стало и чего бы ни стоило: «всѣ подробности»... И Тамаринъ доказалъ свою стоимость. Пріѣхалъ на станцію Дно, расположился въ трактирѣ, потребовалъ водки, еще водки и еще водки, а потомъ пальнулъ пачкой телеграммъ, которыми «Утро Россіи» наполнило первую страницу цѣликомъ, свело съ ума всѣхъ читателей и вписало въ исторію одинъ изъ любопытнѣйшихъ апокрифовъ.

Дюма-Отецъ увѣрялъ, что великую французскую революцію сдѣлалъ Анжъ Питу, деревенскій парень, здоровое веселое животное; пьяный Тамаринъ въ грязномъ трактирѣ станціи Дно придумалъ знаменитую «фразу царя» — «придется приказать Эверту открыть минскій фронтъ»...

Ахъ, какая буря негодованія, страстей, оправдавшихся «предсказаній»... Какія угрозы по адресу ни въ чемъ неповиннаго Эверта!

А Тамаринъ только входилъ во вкусъ: «устроился въ поѣздѣ царя — даетъ онъ новую телеграмму и для окончательной правдоподобности описываетъ отъѣздъ со ст. Дно —

Digitized by Google

«четвертый часъ утра, накрапываетъ мелкій дождь. Въ блѣдномъ разсвѣтѣ различаю на площадкѣ задняго вагона государя; рядомъ съ нимъ шатается пьяный Ниловъ и тихонько напѣваетъ»...

Нужно было-бы снова пережить тѣ дни марта, чтобы восчувствовать значеніе, фуроръ, вліяніе Тамаринскихъ телеграммъ. Читали, цѣпенѣли, захлебывались, а хозяинъ чемодана уже мчался въ Симферополь... разоблачать мукомоловъ, нажившихся на казенныхъ подрядахъ.

...Зимой 1917-1918, въ первую дѣтскую зиму большевизма, Тамаринъ разоблачалъ комиссаровъ, выискивалъ документы, формировалъ какіе-то добровольческіе отряды имени Корнилова.

...Прошло три года. Черезъ станцію Дно, въ направленіи на Югъ, снова прошелъ роковой царскій поѣздъ (литера А), увозя «завѣдующаго укомплектованіемъ конскаго состава первой арміи Буденнаго». Товарищъ завѣдующій — кривоногій человѣчекъ, татарскаго типа, носитъ папаху и отрекомендовывается «княземъ Енгалычевымъ»... А на столѣ въ салонѣ стоитъ форфоровый би-ба-бо и длинно улыбается краснымъ, беззубымъ ртомъ.

Digitized by Google

4.

Изъ Москвы, изъ Петербурга, изъ Кіева, изъ Одессы съ трогательнымъ единодушіемъ сообщаютъ: «Появились у насъ такіе молодые люди, какихъ земля еще не рожала. Ходятъ въ бухарскихъ, серебромъ и золотомъ расшитыхъ шапочкахъ (ѣздили на югъ, спекульнули) и являются у насъ главными людьми. Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ денежная система, не было еще ни на землѣ, ни на лунѣ такихъ расторопныхъ, такихъ умѣлыхъ молодцовъ. Подметки на ходу однимъ взглядомъ срѣзаютъ, въ чека знаютъ всѣхъ по имени-отчеству, при облавахъ трудовыхъ книжекъ не показываютъ, а дѣлаютъ какой-то знакъ. Высвободить-ли родственника изъ тюрьмы, достать-ли ордеръ на галоши, съѣздить-ли въ хлѣбныя мѣста, освобождаться-ли отъ явки на субботники, открыть-ли кафэ, получить-ли удостовѣреніе въ участіи въ любомъ учрежденіи, купить-ли валюту, продать-ли брилліанты — бухарскія шапочки тутъ, какъ тутъ. По телефону достаютъ цѣлые маршевые поѣзда, по телеграфу смѣняютъ слѣдователей въ провинціальныхъ чека. У насъ прямо шутятъ, что это новая негласная опричнина, только вмѣсто Скуратовскихъ эмблемъ — бу-

Digitized by Google

харская шапочка, надо же, чтобы за 400 лѣтъ хоть какой-нибудь прогрессъ»...

Бухарскія шапочки—это уже не смѣшно, это уже не шульгинская «азбука» и не Голицынскіе «воины духа». Расторопные молодые люди ни съ кѣмъ не воюютъ, никого не убиваютъ, не спрашиваютъ объ убѣжденіяхъ и сами не имѣютъ оныхъ.

Все расхлябано, заплевано, обрызгано, вывышвырнуто изъ колеи: въ девять лѣтъ проституція, въ двѣнадцать первый абортъ, въ десять-одиннадцать — первое убійство.. Стоятъ и ржавѣютъ станки, рабочіе, проламывая крыши уцѣлѣвшихъ вагоновъ, ѣздятъ за мукой, профессора подтапливаютъ буржуазки цѣннѣйшими фоліантами а академики замерзаютъ въ очередяхъ за 1/12 селедки...

И вотъ однѣ бухарскія шапочки налаживаютъ новую жизнь, новый диковинный сумасшедшій бытъ — порожденіе бойни европейской, войны гражданской, контразвѣдокъ, чрезвычаекъ, bureau des renseignements и т.д.

Такая стародавняя, такая неизмѣнно путающая всѣ карты традиція... Въ Европѣ мытьемъ, у насъ катаньемъ. У нихъ Робеспьеръ у насъ Ленинъ, у нихъ — «республика погибла — разбойники торжествуютъ», у насъ «на одного убѣжденнаго 99 идіотовъ, воровъ,

Digitized by Google

убійцъ».., у нихъ Наполеонъ и солнце Аустерлица, у насъ рамоли Колчакъ съ любимымъ романсомъ — «пускай умру, но надъ могилой гори, сіяй моя звѣзда». У нихъ — «дайте мнѣ два батальона и я разгоню эту сволочь», у насъ — дайте мнѣ небесныя силы, нѣсмѣтную рать архистратиговъ, чтобъ я смогъ очистить отъ сволочи самсе два батальона... И вопль проигравшаго Врангеля — «Германъ Ивановичъ, гдѣ-же честные люди? Гдѣ мнѣ ихъ взять? Гдѣ умные честные талантливые люди»...

...Въ Европѣ: Луи Люшеръ, Гуго Стиннесъ, покойный Эрцбергеръ, Робертъ Горнъ, Филипъ Сассунъ. Въ Россіи Бухарскія шапочки, мѣшечники, «жоржики» (матросы). При безконечной разницѣ воспитаній, прошлаго, настоящаго, будущаго, вкусовъ, привычекъ, подпочвы,— какое-то самое близкое сходство молніей перекидываетъ мостъ чрезъ пропасть — изъ кабинета владѣльца Новой Германіи на крыши вагоновъ, ползущихъ по Тамбовскимъ черноземамъ.

До войны существованіе и тѣхъ и другихъ было-бы просто немыслимо. Танки Китченера и фаланга Макензена, хлѣбъ по карточкамъ и «любыя деньги за предметы снаряженія», земсоюзъ въ Москвѣ, Кіевѣ, Минскѣ, американскіе стоки въ Марсели, Бордо, Гаврѣ,

Digitized by Google

вакханалія шпіонажа въ Швейцаріи, манія преслѣдованія временъ кабинета Клемансо, мытье спинъ спиртомъ при въѣздѣ въ свободнѣйшую страну — Англію, городъ Верденъ, гдѣ 14.000 жителей и 400.000 мертвыхъ, станція Знаменка, гдѣ на одного еврея два еврейскихъ погрома, англійскіе генералы въ Мессопотаміи, англійскіе генералы у Деникина, Стокгольмъ съ игрой на шанжѣ, переотправкой въ Германію русской муки по шведскимъ фактурамъ, сто двадцать тысячъ рослыхъ веселыхъ людей, переплывшихъ океанъ — подъ охраной величайшаго флота — лишь для того, чтобы уснуть въ долинахъ чуждыхъ рѣкъ, Фридрихъ Адлеръ, клеймящій престарѣлаго отца, Виктора Адлера кличкой — «наемникъ капитала», матросъ, зарубившій двухъ братьевъ за сочувствіе Корнилову, Крапоткинъ съ міровой реакціей, ген. Комиссаровъ съ III интернаціоналомъ — и кончилось все.

Или отъ ужаса стрѣлять, стрѣлять, рубить, рубить, жечь, жечь — до тѣхъ поръ, пока собственное сердце перестанетъ биться и пугать толчками — или скупать банки, организовывать тресты и играть въ другую жуткую игру, гдѣ кровь не передъ глазами, а подъ ногами. Нужны новые люди — старые организмы износились. Никому невѣдомый инженеръ Люшеръ станетъ владѣльцемъ Сѣвера

Digitized by Google

Франціи, недавній мелкій служащій Стиннесъ захватитъ Германію — и закатятся имена — говорившія о бытѣ: Ротшильдъ, Круппъ Мендельсоны и др.

Не будь гражданской войны — новая Россія взяла-бы свое содержаніе изъ слоевъ, подходившихъ къ слоямъ Люшера, Стиннеса, изъ второго поколѣнія Лопахиныхъ, изъ духовныхъ дѣтей Николая Второва, окончательно открывшаго Сибирь, изъ бойкихъ волжскихъ людей. Но эта «вторая Россія» не удержалась — и въ ней оказалась гниль и гиль въ количествѣ смертельномъ. Parvenu — она стѣснялась своихъ возможностей, конфузилась за богатство, тяготилась властью. Какъ ни тонокъ былъ слой ея культуры, она успѣла забѣлѣть русскимъ порокомъ — каяться, терзаться, подрубать сукъ, на которомъ сидишь. За Люшеромъ были санкюлоты и болѣе всего въ жизни онъ боялся стать снова санкюлотомъ; за второй Россіей были издатель Ленинской «искры» Савва Морозовъ и анархистъ князь Крапоткинъ — и настало возмездіе. Буржуазія безъ боя отдала фабрики, покорно открыла сейфы, смиренно вносила контрибуціи. Думала объ одномъ: пусть заберутъ все — лишь-бы самому уцѣлѣть и удрать...

Интеллигенція отдала знанія, энергію, та-

Digitized by Google

лантъ, изъ хозяина стала рабомъ и съ трепетомъ спрашивала, будутъ-ли завтра выдавать паекъ...

Новое демократическое офицерство — русская республиканская армія — скопилось по городамъ Украины въ ожиданіи пока придутъ большевики и укажутъ «мѣсто и сроки явки». Въ 1917 — лиліи монархіи, въ 1918 — гвоздики республики...

Глупѣе всѣхъ оказались диктаторы и они то докопали вторую Россію. Съ *той* стороны пустили въ дѣло все, что гибкій умъ, желающій побѣды, стальная энергія, не боящаяся эпитетовъ, ненависть, побѣждающая любовь темпераментомъ — могутъ дать въ жестокой послѣдней борьбѣ...

Съ этой стороны: Деникинъ не поладилъ съ Польшей, потому-что она хотѣла Ягеллоновыхъ границъ, а онъ считалъ ниже «достоинства солдата» обѣщать то, что придется взять обратно... Для борьбы нужны были деньги, но онъ не хотѣлъ заключать заемъ по «невыгодному курсу» и «предавать Россію». Польша отошла, отъ безденежья фронтъ былъ раздутъ раздѣтъ и отъ «великой единой недѣлимой» остались лишь торжественные корешки пятитысячныхъ. Въ головѣ диктатора должно быть нѣчто менѣе, всего похоже на «достоинство солдата...»

Digitized by Google

Колчакъ не исправился до конца. Золото, имѣвшееся у него онъ *предпочелъ* оставить большевикамъ, чѣмъ отдать союзникамъ. Поступокъ этотъ (несомнѣнно изъ репертуара «достоинства солдата») привелъ въ экстазъ всѣхъ восторженныхъ дураковъ — но что онъ повлекъ за собой? Сотни милліоновъ полученнаго золота дали большевикамъ возможность развернуть широкую работу въ Европѣ; достанься это золото союзникамъ? Въ то время еще былъ Врангель...

Но вторая Россія была обречена и въ великомъ и маломъ. Умирать она сумѣла лучше, чѣмъ ей удавалось жить. И весь героизмъ второй Россіи исчерпывается равнодушіемъ предъ дуломъ винтовки, хладнокровіемъ на плахѣ. У такихъ людей не можетъ быть наслѣдства. Въ третью Россію не войдетъ никто изъ выжившихъ участниковъ второй. Третья Россія, рожденная на крышѣ спекулянтскаго вагона, въ подвалахъ всероссійской чека, на койкахъ сыпнотифозныхъ госпиталей — ничего не возьметъ у героическаго Донъ-Кихотства. Шингаревъ и Колчакъ, Кокошкинъ и Калединъ — великія тѣни второй Россіи — не будутъ даже иконами въ Россіи третьей, ибо въ ней иконъ и вообще не будетъ, ибо ея путь есть путь русскаго Люшера.

Бухарскія шапочки въ роли культуртре-

Digitized by Google

геровъ, мѣшечники со слѣдами отъ шомполовъ на спинахъ — возродители промышленности и торговли, кровавые Жоржики — служилое энергичное двигающее сословіе!.. Какой благодарный сюжетъ для современнаго юмориста, какой по истинѣ единственный объектъ для изумленій грядущихъ поколѣній!..

Менѣе всего хочется спорить: богъ времени — надежный богъ. Не слѣдовало-бы однако даже мудрецамъ сегодняшняго эмигрантско-чекистскаго дня забывать Меньшикова-пирожника и вора. Въ построеніи Петровской Россіи его камни, его энергія, его сметка: а честнѣйшіе Долгорукіе все только проповѣдывали, все только клеймили...

5.

Большой донской хлѣботорговецъ — старикъ, отдавшій 60 безсонныхъ жилистыхъ лѣтъ своему любимому дѣлу — накопленію денегъ — разсказалъ мнѣ замѣчательную исторію.

Каждый годъ осенью, со всѣхъ краевъ степи къ его двору тянулись возы съ зерномъ; мужики — скопидомы и кулаки, мужики-конокрады и пьяницы, бобыли и середняки — всякій людъ прошелъ предъ старикомъ, взваливая свои мѣшки на громадные вѣсы. Одинъ

Digitized by Google

привозилъ пять четвертей, другой пятьдесятъ, третій пятьсотъ, но способъ отмѣтки взвѣшенныхъ мѣшковъ практиковался для всѣхъ одинъ и тотъ-же. Въ качествѣ фишки за взвѣшенный мѣшокъ служилъ серебрянный двугривенный, который потомъ нужно было предъявлять въ кассу: сколько двухгривенныхъ столько разъ кассиръ уплачивалъ по пол тора рубля...

«И вотъ — съ блаженной улыбкой повѣствовалъ старикъ — на этихъ двухгривенныхъ я себѣ всѣ дома и баржи понастроилъ.»

«Какъ-такъ?

«Очень просто, въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста, каждый мужикъ — богачъ-ли, кулакъ-ли наровилъ нѣсколько двухгривенныхъ утаить. Заднимъ умомъ онъ смѣкалъ, что тутъ пожалуй убытокъ получается, но ужъ таковъ русскій человѣкъ — разъ онъ пятьсотъ двугривенныхъ сразу получилъ — не можетъ пяти-шести не утаить!... Спрячетъ ихъ за голенище, я прихожу въ контору и, чтобъ сразу радости не показать, рычу — что-жъ ты, сукинъ сынъ, я жъ тебѣ больше далъ. Никакъ нѣтъ, говоритъ, изволите ошибаться...

Ну для виду покричишь маленько — а апосля съ каждаго двухгривеннаго одинъ рубль тридцать копеекъ профита...»

Вотъ этого самаго умнаго мужика, который

Digitized by Google

не могъ не украсть двухгривенный, пятьдесятъ лѣтъ подрядъ хотѣли учить грамотѣ для того, чтобы онъ могъ читать Златовратскаго и Михайловскаго. Общества грамотности, общества трезвости, эс-эры, эс-деки, вегетаріанцы, толстовцы и пр. и пр. И ничего не выходило. А вотъ за четыре года большевизма дѣло пошло значительно быстрѣй... Въ чемъ же дѣло, такіе-ли ужъ большевики культуртрегеры? Нѣтъ, ничего подобнаго. Но за эти четыре года мужикъ исчезъ, появился мѣшечникъ; отобравъ у города все, отъ Бехштейновскихъ роялей (которые Сысойка немедленно приспособилъ для естественныхъ нуждъ) до бархатныхъ гардинъ, все, что скопилъ русскій городъ, мѣшечникъ догадался о послѣдней оставшейся силѣ города— грамотѣ, при помощи которой молодые люди въ бухарскихъ шапочкахъ неоднократно надували бывшаго богоносца. Тогда мѣшечникъ выучился грамотѣ, букваремъ для него стали декреты о «разстрѣлѣ на мѣстѣ за провозъ муки въ количествѣ выше дозволеннаго», въ первое-же письменное упражненіе онъ сталъ поддѣлывать желѣзнодорожныя квитанціи, прибавляя ноли справа и единицы слѣва. Потомъ — по ступенямъ бѣды восходишь въ рай — онъ сталъ вникать въ цифры: здѣсь онъ научился при помощи разницы въ курсахъ керенокъ,

Digitized by Google

царскихъ, деникинскихъ, Карбованцевъ А. О. и Карбованцевъ А. К. На слѣдующей ступени обнаружилось, что есть города, гдѣ за А. О. и А. К. даютъ по зубамъ, а деникинскихъ и совѣтскихъ требуютъ нѣсколько пудовъ за щепотку соли. Богоносецъ узналъ, что такое валютный товаръ и что такое прочная валюта. Въ 1918 онъ мялъ въ рукахъ тысячемарковки и нерѣшительно просилъ — «нельзя-ли, чтобы съ Николаемъ, або его сродственниками» въ 1921 въ деревню попалъ американскій долларъ, его спрятали за образа, ибо онъ шелъ отъ индѣйскаго царя и его доставили тѣ самые бугаи въ очкахъ, которые привезли хлѣбъ. Въ этотъ день мѣшечникъ впервые сознательно всталъ на путь русскаго Люшера.

Если — по слову Троцкаго — впервые русскій мужикъ твердо почувствовалъ себя совладѣльцемъ государственнаго достоянія въ ту ночь, когда на станціи Бахмачъ онъ сломалъ штыкомъ окно вагона перваго класса и содралъ бархатную обивку дивана на онучи, то въ утро американскаго доллара мѣшечникъ уже пересталъ удовлетворяться быть *только* совладѣльцемъ. Въ немъ заговорило чувство будущаго Моргана, будущаго финансоваго короля: государство — помѣха, Сатурнъ, пожирающій своихъ дѣтей, взыскивающій налоги, мѣшающій проявленію свободной твор-

Digitized by Google

ческой иниціативы. Первый трестъ, созданный самимъ русскимъ народомъ это компанія демобилизовавшихъ себя мѣшечниковъ, которые объединенными усиліями при помощи украденныхъ на фронтѣ пулеметовъ и гранатъ привезли изъ Екатеринодара въ Петербургъ вагонъ пшеничной муки. Такой организаціи ихъ не сумѣли бы научить ни Беркенгеймъ, ни Меркуловъ, ни прочіе кооператоры.

Будущіе дѣятели третьей Россіи голосомъ тысячи отстрѣливающихся пулеметовъ проголосовали за созданіе трестовъ, капиталистическихъ товариществъ, деревенскаго грюндерства. Пока большевизмъ противится результатамъ этой баллотировки трестеры выбираютъ своимъ директоромъ распорядителемъ и общимъ porte-parole батьку Махно. Организація этого гражданина удовлетворяетъ самаго строгаго манчестерца: laissez faire, laissez passer, пусть криворожцы торгуютъ углемъ, пусть маріупольцы возятъ хлѣбъ, бей коммунистовъ, которые этому препятствуютъ, бей жидовъ — самыхъ страшныхъ конкуррентовъ. Когда мудрецы говорятъ, что антисемизмъ чуждъ русскому народу, я готовъ почти вѣрить: дѣйствительно въ основѣ Знаменскихъ погромовъ есть нѣчто, напоминающее борьбу Royal Dutch Co. Standart Oil, въ тѣхъ ея формахъ, какія только

Digitized by Google

возможны на ранней зарѣ новой Америки — Третьей Россіи...

Стѣна сломлена, вырѣзаны евреи и уступили коммунисты: Р. С. Ф. С. Р. перешла на путь государственнаго капитализма.

«Черезъ капитализмъ, но впередъ и дальше къ коммунизму» — провозглашаетъ Ленинъ; ...«правленіе новыхъ трестовъ, какъ общее правило получаютъ 35% выработаннаго продукта» — сообщаютъ газеты и меланхолически добавляютъ — «но на всѣхъ мѣстахъ, на каждомъ углу исключительно *новая* буржуазія»... Плохо вымытыя лица, неизвѣстныя фамиліи, но что дѣлать — такова грядущая республика... Вѣдь и о третьей французской сказано: «Marianne n'est pas racée»... Гдѣ-жъ было взять расы нашимъ мѣшечникамъ, «жоржикамъ», бухарскимъ шапочкамъ?..

Мало расы, но зато крѣпость задовъ умопомрачительная. Подумать, сколько шомполовъ пришлось на долю будущихъ трестеровъ. Все вынесъ русскій задъ: татаръ и Іоанна, Петра и Аракчеева, Плеве и Дзержинскаго, Фрунзе и Мамантова. Тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ... Шомполъ, полосовавшій задъ тамбовскаго богоносца выковалъ новую расу. За четыре года исчезло все, что было достигнуто въ процессѣ вѣковой интеллигентской культуры отъ Пушкина до

Digitized by Google

Блока, отъ Глинки до Скрябина... Третья Россія такъ же мало прикосновенна къ культурѣ Петербурга, какъ ковбой дальняго запада къ культурѣ англо-саксонской. И въ этомъ смыслѣ: у насъ ужъ бѣлая дома крестами мѣтитъ!.. Бѣлая, потому что въ грядущей Россіи безконечное многообразіе титанической русской мысли слилось и померкло въ сѣренькомъ свѣтѣ грамотности, четырехъ правилъ ариѳметики, душевнаго и мозгового мюзикъ-холла.

Такъ усталый сѣверянинъ, пресыщенный бродяга Гамсунъ, въ началѣ нашего столѣтія, поѣхавъ за новой струей въ Америку, ужаснулся и завопилъ отъ тамошняго духовнаго убожества. А вѣдь Америкѣ уже было болѣе ста лѣтъ и тамъ уже шло пятое или шестое поколѣніе новыхъ людей...

Мы станемъ ковбоями, Москва обратится въ Нью-Іоркъ, Ростовъ въ Чикаго, но съ высотъ Мусоргскаго, Толстого, Достоевскаго придется уйти. Они не только не по зубамъ, они не подъ силу третьей Россіи. Или голодъ-холодъ-вши и... музыка сферъ; или трестъ — меблированный отель — пульмановскій вагонъ — «все для народа — все черезъ народъ» — и... музыка мюзикъ-холла. Вороны летящіе прежде всего заклюютъ элиту. Вотъ когда вспоминается вѣщій неоцѣненный смыслъ Гер-

Digitized by Google

шензоновскихъ словъ объ интеллигенціи, которая должна денно и нощно благодарить власть, *защищающую* своими тюрьмами и штыками отъ русскаго народа; вотъ кошмаръ и прозрѣніе европейца Уэлльса: Россія во мглѣ, и вотъ наконецъ то, что такъ дико, странно, непріемлемо для насъ — остатки элиты, цѣпляющіеся за совѣтскую власть. Безумцы считаютъ, что *и эта* власть подобно прежней сумѣетъ ихъ оградить отъ нынѣ открывшагося лица Медузы — мѣшечниковъ, жоржиковъ, бухарскихъ шапочекъ, они не замѣчаютъ существа этой власти, опьяненные самымъ словомъ «власть». Кто угодно... Ленинъ, Дзержинскій, Лацисъ. Лишь бы задержать *ихъ*...

Пріѣзжаютъ несчастные, искусанные, голодные, запуганные. Разсказываютъ обычные страхи — дѣвочки рожаютъ, вагоны не ходятъ, клозеты засорены. И молчатъ о важнѣйшемъ. Недавно въ издающейся въ Петербургѣ «Жизни Искусства» прорвался вопль: «искусство не можетъ быть революціоннымъ, революція есть гибель искусства. Революція въ искусствѣ не имѣетъ ничего общаго съ революціей въ жизни. Революція въ искусствѣ даетъ Скрябинскаго «Прометея», революція въ жизни маршъ Лурье»... Въ формѣ силлогизмовъ авторъ только намекнулъ, только коснулся

Digitized by Google

кошмара, облекающагося во плоть — народъ идетъ и народъ страшнѣе даже совѣтской власти. Девятый валъ революціи, смывающій все что было, не только плохое, но и все хорошее — искусство, философію, науку...

За одну ночь христіанства человѣчество потеряло все, къ чему оно было приведено культурой эллинизма. Ты побѣдилъ Галилеянинъ! Побѣдилъ и сокрушилъ все. Вмѣсто Платона косноязычный Павелъ, вмѣсто Петронія пошлякъ Константинъ, вмѣсто синклита философовъ Эллады жадкіе, коричневые, бездарные послѣдователи Павла, невѣжи и юродовые... А вѣдь культура эллинизма и въ корняхъ и въ листвѣ была и пышнѣй и сильнѣй молодого русскаго дерева, нынѣ расщепленнаго однимъ ударомъ грозы...

У насъ ужъ бѣлая дома крестами мѣтитъ
И кличетъ вороновъ и вороны летятъ...

6.

...Въ третьей Россіи иконъ и вообще не будетъ. Въ смыслъ этой фразы стоило бы вдуматься. Идетъ антихристъ? Да, если нужна подобная терминологія, то антихристъ, условившись культуру называть «христомъ»...

Но вся штука въ томъ, что «третья Россія»

Digitized by Google

не можетъ насъ отъ него спасти (какъ полагаютъ мудрецы) по той простой причинѣ, что она сама и есть антихристъ. Она, конечно, не святая и не чистая. Не потому не святая, что деревенскій парень причастіе выплевываетъ и въ причастіе стрѣляетъ изъ берданки и «ничего за это не бываетъ». Не святая и не чистая потому, что ей непонятно а значитъ и враждебно все, что составляло Христа цѣлаго столятія.

Солдатъ, оправдывавшій свое дезертирство тѣмъ, что ему «на Москву вонче плявать, такъ какъ ежели по хозяйству что надо, то мы мценскіе», былъ совершенно правдивъ, и ужъ во всякомъ случаѣ послѣдовательнѣе тѣхъ, кто его уговаривалъ драться до конца съ «нѣмецкимъ антихристомъ» (до, чего гибкая терминологія!). Въ Москвѣ ему ничто не импонировало.

Церкви? Если даже повѣрить въ миѳъ религіозности русскаго народа, то боялся этотъ солдатъ не поповъ, а домовыхъ (любить онъ ничего не любилъ кромѣ собственности и здѣсь единственный шансъ на спасеніе). Большихъ церквей онъ не любилъ опредѣленно: большія церкви — богатые попы; не было у него никогда болѣе излюбленнаго объекта для проклятій, чѣмъ поповское богатство. Никакому турку не снилось такое осквернені

Digitized by Google

и разграбленіе храмовъ, какое практиковалось казаками и мужиками въ 1917-20 г. Отъ Мамантова, ограбившаго Воронежскій храмъ для того, чтобы... украсить Новочеркасскій до простого казака, не преслѣдовавшаго и второй цѣли Мамантова исторія гражданской войны — доказательство почеловѣчнѣй и поубѣдительнѣй крестныхъ ходовъ въ Москвѣ и «популярности патріарха Тихона»...

Музеи? На этотъ счетъ не приходится тратить много словъ.

Историческія зданія? Университетъ? Консерваторія?!.

Единственное учрежденіе — импонировавшее и солдату и матросу и мѣшечнику — банкъ. «У банкѣ» деньги: самый заманчивый лозунгъ большевиковъ, который раскрылъ для нихъ рѣшительно всѣ народныя сердца — «Банки — Ваши». Когда банки не оправдали надеждъ, тогда Москва потеряла послѣднюю притягательность. Центромъ вниманія стала желѣзная дорога: по ней передвигались люди, похожіе на птицъ небесныхъ. Они не пугались засухи, пили-ѣли сколько хочешь, играли въ карты, имѣли хорошихъ бабъ и знай одно — шпарили по чугункѣ. «Пискулянтъ» — сталъ любимымъ героемъ русскаго народа; безъ его біографіи пустовала исторія столѣтій, робкимъ прообразомъ являлись былые лихіе атаманы;

Digitized by Google

переходомъ отъ атамана къ пискулянту — бухарской шапочкѣ сталъ удалой матросъ «Жоржикъ».

Все русское студенчество, земскіе врачи и сельскіе учителя — вмѣстѣ взятые — не принесли въ деревню того, что ей за одинъ мѣсяцъ далъ «Жоржикъ» — избранный предсѣдателемъ Комбѣда. Наука студента, учителя была неправильная, скучная наука. Учитъ, а запрещаетъ воровать: «чужой»! Все знаетъ, а у самого сапоги каши просятъ и на задницѣ дырка. Матросъ пришелъ румяный, сытый, съ брилліантовыми перстнями, съ золотымъ портсигаромъ, въ лаковыхъ сапогахъ; керенки мѣрилъ на аршины, вмѣсто сѣмечекъ лузгалъ «Гала-Петеръ», началъ съ того, что убилъ попа и разрѣшилъ свальный грѣхъ. Вотъ это дѣйствительно наука! Учитель сталъ идеаломъ, «пискуляція» отрадной религіей, способной къ реальнымъ, ощутимымъ чудесамъ... Въ 1919-21 матросъ «Жоржикъ» повторилъ опытъ, столь неудачно произведенный когда-то Владимиромъ Святымъ: приводъ невѣрующей, отчаявшейся Руси въ радостное лоно опредѣленной концепціи жизни. И снова и въ этомъ отношеніи матросу повезло больше, чѣмъ его предшественнику. Религія русской гражданской войны подошла. Христіанство не подошло...

Digitized by Google

Позволено все. Покупная способность хлѣба и золота безгранична, не вѣрьте бумажкамъ, «укралъ» отмѣняется, замѣняется — «заработалъ», «скомбинировалъ», хлѣбъ надо не сѣять, а перепродавать, недѣля въ теплушкѣ — урожай большой, чѣмъ полгода на полѣ и т. д. Изъ горчичнаго зерна — дерево; изъ немногихъ каноновъ, всколыхнувшихъ душу народную — антихристъ, «третья Россія»!

Черезъ пятьдесятъ лѣтъ и у нея появятся вершины: это будетъ уже не Мусоргскіе, Скрябины, Блоки, а русскіе Дизели, русскіе Форды, русскіе Люшеры. Прекрасно то, что даетъ деньги; убыточное — безобразно. Такова горняя мораль каждой Америки.

Къ утѣшенію снобовъ — осколковъ первой и второй Россіи — у насъ будутъ идеальные спальные вагоны, въ которыхъ сладко мечтать о погибшемъ градѣ Китежѣ...

7.

Вы хотѣли — великую, единую, недѣлимую? Она идетъ, отчего же вы въ ужасѣ отворачиваетесь отъ ея лица, лепечете что-то несуразное о крестныхъ ходахъ, мозговомъ полушаріи и патріархѣ Тихонѣ. Сбывается мечта Деникина, девизъ, выгравированный на цвѣтныхъ пятитысячныхъ: третья Россія будетъ великой, будетъ единой, будетъ недѣлимой —

Digitized by Google

великой потому, что сколько ни били, осталось еще больше и у оставшихся выживаемость неслыханная, единой, потому что къ единству ведетъ духъ трестера, недѣлимой потому, что годы, проведенные съ мѣшкомъ на крышѣ вагона вытравили федералистическіе всходы и пріучили пуще чумы и вохры опасаться таможенныхъ рогатокъ.

На границѣ Кубанской Области и Черноморской губерніи есть станція Хотмыжи: по сю сторону (годы 1918-20), разливанное море хлѣба, сала, сахара и т. д., по ту сторону къ Черному берегу голодъ и прозябаніе. Въ Хотмыжахъ стоялъ кордонъ и отбиралъ у ѣдущихъ съ Кубани всю живность, весь керосинъ и пр. Кончилось тѣмъ, что голодные ушли въ зеленые, въ новомъ своемъ качествѣ явились въ Хотмыжи и вырѣзали весь кордонъ: рубили носы, вырывали глаза, пилили рукиноги. И въ Хотмыжахъ началась недѣлимая Россія, вызванная къ жизни движеніемъ снизу, изъ самой гущи...

Предметные уроки!, вездѣ всѣ четыре года подрядъ одни строго предметные уроки: не будь федералистомъ, бойся генераловъ, не вѣрь щедрымъ дарамъ («банки, дома, земля — все народное»), на мобилизацію не являйся, не жди спасенья отъ ораторовъ, шпагоглотателей и священныхъ кудесниковъ.

Digitized by Google

Кто не спекулируетъ, тотъ не ѣстъ; для того, чтобы въ хижинахъ наступилъ миръ, надо, чтобъ ихъ обитатели заработали себѣ дворцы. Въ третьей Россіи будетъ только одна традиція — традиція вѣры въ жизненную правду предметныхъ уроковъ. Рѣшительно на всякій трудный случай будетъ соотвѣтствующее воспоминаніе изъ временъ Колчака, Деникина, Каменева, Фрунзе, движенія Антонова, рейда Мамантова, нѣмецкой оккупаціи, союзной интервенціи, украинской самостійности, цвѣтенія лимитрофовъ... При рѣшеніи всякаго случая будетъ грозная презумпція: если нѣтъ соотвѣтствующаго воспоминанія — поступать въ порядкѣ, обратномъ мечтаніямъ кучки интеллигентовъ. Они, кочуя изъ лагеря въ лагерь, изъ симпатіи къ симпатіи — пришли къ такъ называемой русской оріентаціи — т. е. величайшей въ мірѣ безсодержательной пошлости, въ сравненіи съ которой даже Лига Націй кажется остроумнѣйшей идеей. Нельзя оріентироваться на собственную нищету, вшивость, расхлябанность, разруху. И у третьей Россіи долженъ быть поводырь. Выборъ опредѣляется просто: ставка на побѣдителя, бойся плачущаго неудачника. И такъ какъ единственный реальный, — а не Версальскій — побѣдитель, Америка, то третья Россія пойдетъ съ ней. На первыхъ порахъ насъ, конечно,

Digitized by Google

обокрадутъ, надуютъ, обсчитаютъ. Но такова школа жизни — за ученье надо платить. Тотъ, кто хочетъ самъ стать комбинаторомъ, примиряется съ тѣмъ, что вначалѣ онъ жертва комбинацій.

Для того, чтобы второе поколѣніе бухарскихъ шапочекъ стало Фордами, Гарриманами, Рокфеллерами, первое поколѣніе сознательно обречетъ себя на потокъ и разграбленіе заокеанскихъ варяговъ.

Единственный разумный шагъ совѣтской власти — щедрая раздача концессій. Концессіи (также, какъ таможенный договоръ 1904) страшны лишь нашей деклассированной, бездарной безсильной буржуазіи. Народъ долженъ пройти настоящую школу. Чѣмъ для Россіи первой была дыба Петра, тѣмъ для третьей явится дыба концессіонеровъ.

Савва Морозовъ могъ научить народъ лишь искусству подрубанія сука, на которомъ онъ сидѣлъ; фанатикъ собственности — Американецъ научитъ народъ потогонной системѣ, докажетъ незыблемость желѣзнаго закона заработной платы: жоржикамъ и бухарскимъ шапочкамъ русскіе рабочіе полностью возместятъ развалъ 1917, съ жоржиками они не поговорятъ, жоржики не будутъ строить фабричныхъ театровъ, гдѣ ставятся «Ткачи»

Digitized by Google

Гауптмана... у нихъ есть манеры и вкусы *хозяина*, они не стѣсняются своихъ богатствъ... И когда окончится срокъ ученья, они сумѣютъ подрубить сукъ концессіонеровъ.

Третья Россія — грубая, но сильная, алчная, но все выживающая, духовно нищая, но матеріально богатая. Въ первый разъ за все существованіе Россіи раціонализму, заложенному въ основѣ народной души, данъ будетъ полный исходъ.

Если угодно, это неославянофильство. Вѣра въ русскій народъ, но въ *иное* его будущее. Чтобъ не свѣтилъ, какъ прежде, но грѣлъ, грѣлъ самого себя. Съ «особенной статью» покончено навсегда. Горе народу, сущность котораго не поддается банковскому учету. Романтика славянофильства умерла, начинается практика западничества, ведущая къ неославянофильству.

Вшивая, немытая, перешедшая всѣ Рубиконы, расплевавшаяся со всѣми богами третья Россія... И ей мы поклонимся, сжавъ кулаки, стиснувъ зубы, со скорбью смертной, ибо чаши сіей уже не миновать.

Россія выстрадаетъ себя такимъ страданьемъ, такимъ декадансомъ и забвеніемъ, въ сравненіи съ которыми Кронштадтская трагедія еле слышный отзвукъ ползущаго обвала. Въ Кронштадтскіе дни съ *обѣихъ* сторонъ

Digitized by Google

было bête humaine и ни одинъ выстрѣлъ не пропадалъ даромъ! Въ дни рожденія третьей Россіи каждый выстрѣлъ убиваетъ чудо искусства, былую, невозвратимую гордость...

Музыка играетъ все тише и тише, все явственнѣй въ маршъ Лурье переходитъ «vers la flamme» Скрябина, все глубже опускается гробъ, летятъ послѣднія пригоршни — достиженія театровъ, балетъ, предгрозовая живопись, поэзія эклектиковъ, философія послѣдышей. Скоро наступитъ полная тишина для музъ и заговорятъ топоры, молотки, кирки...

Сто лѣтъ назадъ Боратынскому грезился кошмаръ. Въ смѣнѣ поколѣній все чернѣе, сгущались тучи. И наконецъ на горизонтѣ его видѣнія мелькнули послѣдніе образы: исчезло все — радости, музы, искусства...

И въ пышную дубраву древнихъ лѣтъ
Державная природа облачилась...
Величественъ и грустенъ былъ позоръ
Пустынныхъ рѣкъ, лѣсовъ, полей и горъ...
Одинъ туманъ надъ ней, синѣя, вился
И жертвой очистительной дымился...

Жертвой *очистительной* уже дымится третья Россія!..

Digitized by Google

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Поручики и племянники	7
Послѣдняя мятель	21
Джетатторэ	97
Его Величество Сыпнякъ	119
Миражи	151
Гибель надежды	173
Новый Завѣтъ	227
У насъ въ Пасси	265
Третья Россія	361

Digitized by Google

Digitized by Google

:: Editions ::
«Presse Franco-Russe»

:: Издательство ::
«Франко-Русск.Печать»
216, Bd Raspail, Paris

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Складъ изданія:

Société Anonyme de Presse, de Publicité et d'Éditions

22, rue d'Anjou — Paris.

Digitized by Google

Digitized by Google

Складъ изданія:

Société Anonyme de Presse, de Publicité et d'Éditions

22, rue d'Anjou — Paris.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

DK 265 .V486
Tretia Rosella.
Stanford University Libraries
3 6105 041 528 725

DK
265
V486

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D SEP 25 1996

NOV 22 1996

NOV 22 1996

Digitized by Google